ПОСОБИЯ ДЛЯ ТРУДОВОЙ ШКОЛЫ

Н. Л. БРОДСКИЙ и М. П. ЯКУБОВИЧ

РУССКИЙ ЯЗЫК

НАБЛЮДЕНИЯ И УПРАЖНЕНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ ДЛЯ ШКОЛ I и II СТУПЕНИ

Н. Л. БРОДСКИЙ и М. П. ЯКУБОВИЧ

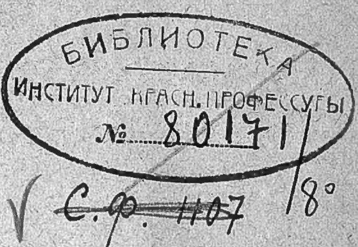
РУССКИЙ ЯЗЫК

НАБЛЮДЕНИЯ И УПРАЖНЕНИЯ

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

Научно-Педагогической Секцией Государственного Ученого Совета допущено для школ II ступени

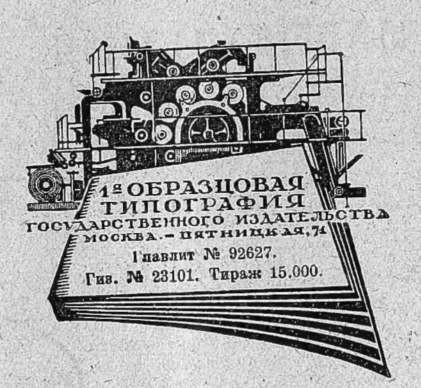
18—32 тысяча

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА ★ 1927 ★ ЛЕНИНГРАД

1-я ОБРАЗЦОВАЯ
ТИПОГРАФИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
МОСКВА.-ПЯТНИЦКАЯ,71
Главлит № 92627.
Гиз. № 23101. Тираж 15.000.

Зак. № 4174.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Факты языка, как и прочие явления, обусловлены сложным взаимодействием факторов общественной жизни, являются результатом долгого коллективного труда, отражающим пеструю борьбу и смену разнообразных социальных групп. Но язык в то же время служит своеобразным óрганом выражения и создания мышления отдельной личности, испытывающей „муки слова“, борющейся за наиболее ясное или яркое словесное оформление работы мысли, чувств, настроений. Без труда, без упражнения над выработкой *своего* языка, без наблюдений над собственной и чужой речью невозможно обойтись: всякий, кто хочет понимать другого, должен научиться понимать самого себя; культура речи — насущная задача каждого будущего гражданина нашей республики, требующей навыков и знаний, научно организованных.

Слушать и читать — еще не значит овладеть даром речи и понимания чужого мнения. Необходимо учиться говорить и писать, необходимо постоянно наблюдать за собой, часто упражняться в устной и письменной речи.

Как овладеть техникой речи, как строить свою речь с наиболее экономными средствами для достижения главной цели — уметь выразить всю сложность личного опыта, передать его обществу в четкой и выразительной форме; как научиться понимать те средства языка, коими орудовали большие мастера в искусстве и науке, понимать механизм словесной речи, вызывающей мощные потрясения при чтении писателя или слушании оратора; как развивался наш язык в его историческом существовании; какие изменения претерпел он, дойдя до наших дней, — всё вопросы, обяза-

тельные для грамотного, сознательного человека, ищущего высшей квалификации своим силам, желающего развить эти силы на опыте своих предшественников и современников.

Наша книга ставит задачей помочь учащемуся в наблюдениях над своей и чужой речью и установить разнообразные виды упражнений в развитии речи. Занятия по русскому языку требуют точного оформления и учета специальных заданий, присущих этому школьному предмету. Речь учащегося развивается беспрерывно в течение всего школьного дня, на всех учебных предметах, но предмет русского языка, тематически комплексируясь со всем учебным распорядком, имеет особую установку, вытекающую из особого материала — поэтических текстов, изучаемых как средство познания общественной жизни через совокупность своеобразных приемов словесного оформления. Поэтому наблюдения над этими приемами занимают весьма заметное место на уроках русского языка согласно новым программам ГУС'а и, естественно, требуют некоторой помощи, указаний.

Часть таких примерных указаний предлагается нашей книгой, имеющей в виду учащихся 5—7 групп трудовой школы II ступени.

Составители.

I.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ РУССКОГО ЯЗЫКА И НАБЛЮДЕНИЯ НАД ЖИВЫМИ ГОВОРАМИ.

§ 1.

Русский язык принадлежит к индо-европейской семье языков, в состав которой входят ветви: 1) индийская с языком индусов (древнейшими — тысячи за $1^1/_2$ до начала нашей эры — были языки: ведийский и санскрит); 2) иранская с языками: персидским, осетинским, курдским; 3) греческая; 4) италийская с латинскими языком и так называемыми романскими языками — французским, итальянским, испанским и др.; 5) кельтская с бретонским языком и др.; 6) германская с немецким и скандинавскими языками; 7) балтийская с литовским, латышским языками; 8) славянская ветвь, состоящая из трех групп — южнославянской с болгарским, сербохорватским и словенским языками, западной с чешским, словацким, польским языками, восточной с великорусским, белорусским и украинским языками.

Сравнивая все эти языки по звуковому составу и словарному запасу, ученые языковеды (лингвисты) заметили в них общность корней, окончаний, системы склонений и спряжений. Так, в русском языке *мать*, в старо-болгарском *мати*, в санскрите *мата*, в греческом языке *матэр*, в латинском языке *матэр*, в литовском языке *мотэ*; в старославянском и русском языке *дом*, в санскрите *дамас*, в греческом языке *домос*, в латинском языке *домус*; *мышь* в старославянском и русском языке, *мус* в санскрите, *мюс* по-гречески, *мус* по-латыни; *семен* по-старославянски, *семя* в русском

языке (ср. семени), *семен* в латинском языке, *сиеменс* в литовском языке; *лен* в русском языке, *линон* в греческом, *линум* в латинском языке, *линас* в литовском языке. Эти звуковые созвучия в корнях родственных по значению слов заставили прийти к выводу о родстве между собою всех этих языков, о племенном единстве тех народов, которые говорили на этих языках.

На том же основании языковеды признали, что было время, когда индоевропейская племенная группа пользовалась одним языком (праязык), археологи, путем исследования доисторических древностей, признали культуру этой группы более или менее цельной, единой, и выяснили, что первоначальная родина индоевропейцев была в Средней Европе, всего вероятнее в современной южной Германии и Западных областях Австрии, т.-е. в местах, близких к Средиземноморским культурным центрам, издавна, в доисторические времена, ставшим таковыми вследствие удобных торговых путей, связывавших Европу с культурой Малой Азии и северных побережий Африки.

Путем завоеваний и культурного влияния индоевропейский праязык, легший в основание языков так называемой индоевропейской семьи, получил широкое распространение к северу, северо-западу и северо-востоку Европы, покоряя себе племена как этнографически связанные с предполагаемой родиной индоевропейцев, так и неродственные. В этой расширенной индоевропейской семье, разумеется, не могло существовать единства и языкового единообразия, отдельные племена, передвигаясь по неизвестным для нас экономическим и культурным причинам в разных направлениях Европейской территории и оседая, кто на Аппенинском полуострове, кто на Балканах, кто у Черного моря, в Приднепровье и т. д., привносили в свое произношение, в словарный материал своеобразные особенности, такие отличия, которые постепенно привели к распадению индоевропейского праязыка на отдельные языки, раздробившись в свою очередь на более мелкие языковые объединения — наречия и говоры.

Предполагают, что исконной родиной славян было Балтийское побережье, точнее — нижнее течение Немана и Северной Двины. Затем славянство раскололось на две обширных ветви — западную и южно-восточную. Восточные

славяне, о которых имеются исторические свидетельства с VI века нашей эры, были предками русского народа. Его родина была между Прутом и Днепром; под напором кочевых орд он передвинулся в более северные области, лежащие вверх по Днепру и Днестру (в современную Волынскую и северную часть Киевской губ.), — эти области считаются колыбелью русского племени. В дальнейшем, вызываемые разнообразными экономическими причинами колонизационные движения привели к раздроблению русского племени на три ветви с различными языковыми (диалектологическими) особенностями, получившимися отчасти под влиянием говоров соседних народов, и, в конце концов, приведшими к созданию трех главных наречий русского языка — великорусского, белорусского и малорусского (или украинского). Русский язык древнейшей эпохи делился на говоры; на основании книжных памятников XI—XIII вв. можно установить говоры: киевский, псковский, новгородский, смоленско-полоцкий и др., различавшиеся по своей звуковой окраске. Эти живые народные говоры приблизительно около XVI века обособились в те большие языковые объединения, которые действуют в наше время в северных и центральных губерниях, а также в Сибири (великорусское наречие), в западных (белорусское) и южных губерниях (украинское наречие). Самым распространенным является великорусское наречие (или язык); оно делится на говоры: северновеликорусский, южновеликорусский и московский.

Северновеликорусский говор охватывает северные губернии (Ленинградскую, Олонецкую, Вологодскую, Архангельскую, Новгородскую, Вятскую, Пермскую, Владимирскую, Костромскую, Ярославскую, северные части Псковской и Тверской губернии, Приуралье, Сибирь), являясь говором потомков северноновгородских „словен“ и кривичей, а также того севернорусского племени, которое осело в междуречье Оки и Волги на месте некогда живших тут финских племен. Главной особенностью этого говора служит о́канье, т.-е. отчетливое произношение неударяемого *о*, как *о*, напр., *окно, одёжа*, нередко *о* выступает даже на место *а*, напр., *стокан, торокан, пором, робота, Олексей*. Одновременно с оканьем слышится ёканье, т.-е. произ-

ношение неударяемого *е* перед твердыми согласными и часто в конце слов, как *ё* (*о*), а после шипящих — как *о*: *бёру, пёсок, сёлд, рёкà, шостòй*, при чем *ё* (*о*) иногда притягивает на себя ударение: *завсёгда, говорùтё, платьё*. Древние сочетания *ае* и *ое* звучат, как *а* и *о*: *бывàт, делàт, свовò, момỳ*; форма сравнительной степени оканчивается на *яе*: *скоряе, полняе*; в конце слова часто присоединяется местоимение *т-та-то* (тот): *домо-т, баба-та, мужики-те яму-ту копали*; перед мягкими согласными *я* переходит в *е*: *петь*, (пять), *опеть* (опять), *грезь* (грязь). В большинстве говоров имеется мена *ч* и *ц*. В Новгородской, Олонецкой, Архангельской, Вологодской и других губерниях то цокают, т.-е. употребляют *ц* вместо *ч*: *руцка, сейцас, молоцко, цòво*; то чокают, т.-е. употребляют *ч* вместо *ц*: *полотенче, улича, чена*; употребляют *и* вместо *е*: *писня, ричь, звирь*; смешивают формы дательного и творительного падежа множественного числа: *запирать замкам, дать корма лошадьми*, пропускают в 3 лице единственного числа окончание *т*: *ен возьмё, буде, ён ходи*.

Южновеликорусский говор охватывает юг, юго-запад и юго-восток от Москвы (Рязанскую, Тамбовскую, Тульскую, Орловскую, Калужскую, Московскую, Тверскую, части Воронежской губернии и др.), являясь говором потомков северян, радимичей и вятичей. Главной особенностью этого говора служить аканье, т.-е. отчетливое произношение неударяемого *о* как открытого *а*: *вадà, акнò, харашò*; затем яканье, т.-е. произношение *е* как *я* (после шипящих и *и* как *а*), иногда *е* переходит в *и* (иканье): *вяснà, нясу, пярò, шастòй, рякà, цанà, бирёза, винòк, дилавòй*. Другие особенности говора: мягкое произношение звука *к* в конце слова: *чайкю, Ванькя, тройкя*; признесение *г* = *h*: *чаhо, hоварю, hород* (как мы произносим слово *благо?*); мягкое *ть* в окончании 3 лица единственного и множественного числа: *идеть, вядуть, бяруть*.

Московский говор представляет собою соединение особенностей северновеликорусских и южновеликорусских говоров. Причины этому кроются в исторической судьбе Москвы, вокруг которой осели в XIII — XIV вв. два больших русских племени — севернорусское и восточнорусское, двигавшиеся с юга, из Рязани, вынужденные к мирному сожи-

тельству в этом районе как давлением татарских орд, так и удобным географическим положением Москвы; эти племена образовали великорусскую народность, а так как Москва вследствие экономических, политических и культурных причин стала с XIV в. центром русской жизни, то тянувшиеся к ней разные русские племена, представители разных общественных групп, говорившие на разных наречиях (боярство, духовенство, дьяки, потянувшиеся в Москву из Владимира, Ростова, Суздаля и др. старших городов Северо-восточной Руси, употребляли севернорусское наречие, крестьянство же в значительнейшей части было восточнорусское на юге, юго-западе от Москвы), выработали особый говор, в котором явственно отмечается смесь диалектических особенностей северноруссов и южно-восточно-руссов: по произношению гласных московский говор принадлежит к умеренно акающим южновеликорусским говорам, а в произношении согласных звуков (особенно *г*) он близок к говорам северновеликорусским [1]. В основании московского говора лежит севернорусский говор, подвергшийся влиянию восточнорусского говора. Следует, отметить, что этот московский говор выработался не скоро; ни в XIV, ни в XV вв. Москва не могла еще создать своего языка; в Москве одни акали, другие окали. Лишь в итоге длительного взаимодействия двух этнографических факторов и двух культур — севернорусской и восточнорусской, составивших в центре одно государственное и культурное целое, возникло особое московское наречие, великорусское по преимуществу, которое нельзя причислить ни к южновеликорусским, ни к северновеликорусским говорам, которое стало влиять во всей об-

---

[1]) В произношении гласных звуков московский говор имеет следующие черты: неударяемые *а* и *о* звучат неясно, глухо (обозначим их условным знаком *ъ*), напр., *ná пъл* (пол), *úз дъму* (дому), *вы́лъска* (вылазка); глухо произносятся *а* и *о* также во втором слоге оа ударяемого: *съпагú*, *хъраш́о*; мягкое *а* или *а* после мягких шипящих (*ч*, *щ*) звучит как *и*, а после твердых шипящих (*ж*, *ш*) — как *ы*, перед ударением или после него: *питок* (пяток), *чисы́* (часы), *шыгú* (шаги), *щивель* (щавель); звук *е* в слогах, соседних с ударяемыми, переходит в *и*, напр., *пиро* (перо), *рика* река), *бирúте* (берите), *слипой* (слепой), *к ня́ни* (няне). В произношении согласных можно отметить такие особенности, как твердость и мягкость звука *р* — *рытвина*, *пирина*, *рубит*, *ремесло*; твердость *ж*, *ш*, *ц* и мягкость *ч*, *щ*: *жолтый* (желтый), *шырокий*, *цэп*, но — *чюжой*, *плащь*.

ширной великорусской территории, сделавшись общерусским языком, так как стало языком правящих и образованных классов Москвы, распространявшей свое политическое и культурное значение в разнообразных русских областях.

Белорусское наречие, наиболее близкое к южновеликорусским сильно акающим говорам (аканье, иканье, hаканье), отличается следующими особенностями: дзеканье и цеканье, т.-е. произношение *д* и *т* как *дз* и *ц: адзин* (один), *дзьве* (две), *цихий* (тихий), *цяперь, цвярдзиць;* твердое произношение звука *р: прынясла* (принесла), *зара, hарыць;* отсутствие звука *ф*, вместо которого употребляется *х* или *хв: хвамилия, Хвилипп;* переход звука *в* в начале слова и в середине слова перед согласным в *у*, произносимое иногда, очень кратко (*ў*): *ўсе* (все); переход неударяемого *у* в *в: вдарыць, вгоден;* переход звука *л* в конце слова в неслоговое *ў: быў* (был), *воўк, спаў;* окончание неопределенной формы глагола на *ць: ходзиць*, при чем это же окончание слышится в глагольной форме 3 лица единственного числа настоящего и будущего времени: *крыцыць* (кричит), иногда оно отпадает: *нясе* (несет), *цвяце* (цветет).

Украинское наречие имеет следующие особенности: твердое произношение звуков: *е* и *и*, т.-е. *е* близко к *э*, а *и* среднее между *и* и *ы*: *лэв, иды;* произношение *о* и *е* в слогах, оканчивающихся на согласный звук, как *і: кінь* (конь), *віл* (вол), *піч* (печь), *ніс* (нес); в спряжении глаголов формы на *иму* и *мо: ходитиму* (буду ходить), *несемо* (несем), *принесемо* (принесем). Во всех украинских говорах встречаются особенности, имеющиеся или в великорусской или в белорусской речи: украинское наречие окает, как северновеликорусское наречие, по произношению *г* оно было близко к южнорусским и белорусским говорам, подобно белорусскому наречию в нем *л* переходит в *в* или *у: підийшов* (подошел), *наўчити;* в приставках звучит *г* или *в: гострый, вострый, вон, він* (он).

При всех особенностях, разделяющих русский язык на множество говоров, поднаречий, есть признаки, которые свойственны всем русских наречиям и не встречаются в других славянских языках, что дает право говорить об единстве русского языка. Самой заметной чертой, отличающей русский язык от всех остальных славянских языков, служит

так называемое п о л н о г л а с и е: когда в болгарском, чешском, сербском языках слышится *ра* или *ла*, *ре* или *ле* между согласными, а в польском *ро*, *ю*, *ре*, *ле*, то в русском языке слышится *оро*, *оло*, *ере*, *еле* (или *оло*) между согласными:

Болгарский	*Сербский*	*Чешский*	*Польский*	*Русский.*
грах	грах	ћрах	грох	*горох*
врана	врана	врана	врона	*ворона*
глас	глас	ћлас	глос	*голос*
прах	прах	прах	прох	*порох*
клас	клас	клас	клос	*колос*
дрѣво	древо	држево	джево	*дерево*
млѣко	млеко	млеко	млеко	*молоко*
жлѣза	жлиjезда	жлéза	золза	*железà*

Другими особенностями русского языка, не встречающимися в остальных славянских языках, служат: 1) употребление в некоторых словах в начале *о*, тогда как во всех иных славянских языках вместо *о* слышится *е:* русским *один*, *олень, озеро* соответствует инославянское *едэн, елень, езэро;* 2) произношение *ж* и *ч* там, где по-древнеболгарски слышалось *жд* и *шт*, в польском языке *ц* и *дз:* русским *вижу*, *ночь* соответствует древне-болгарское — *вижду*, сербское — *видъжь*, польское — *видзе*ⁿ, древне-болгарское *ћошть*, польское *ноц;* замена носовых гласных, так называемых юсов (большого и малого), гласными *у* и *я* (после шипящих *а*): мы говорим *мясо*, а по древне-болгарски это слово произносилось *мэⁿсо;* поляки произносят *меⁿсо;* русскому *мукà* соответствует польское *моⁿка*, в древне-болгарском языке произносилось с носовым *о*, как *моⁿка*.

Эти особенности вырабатывались в русском языке в те времена, когда он обособлялся от остальных славянских языков в особую самостоятельную славянскую ветвь; во всяком случае, они появились уже до XI века. С этого века тянется длинный ряд русских рукописей, написанных в разных местах русской земли. Изучение этих рукописей дает поучительную картину, как изменялся русский язык в звуках, формах, синтаксисе, в словаре, как проникали в книгу диалектические особенности разнообразных говоров и наречий, сглаживаясь при соседстве, расходясь в других случаях.

Задание 1.

К каким наречиям или говорам относятся данные образцы?

I.

Как во городи было во Муроми, во селй-то Карачéеви, а жыл-то Иван да Тимофеевичь. Родилось у ёго да чадо милоё, чадо милоё, Илéюшка. Рос-то Илéюшка тридцеть лет — некакой отцюродители помоши не было, не пособлял, — всё на печи сидел. Мать-та у ёго ушла садоф полоть. Вдруг пришло под окошочко две калики перехожия, перехожи две калики, переброжия, сами говорят да таковы слова да таковы речи: „Уш ты гой еси, Илéюшка, сын Ивановичь! сойди-ко-се со пецки с кирписьния“.— Уш вы гой еси, калики перехожия! не могу-то я сойти с пецьки мурáвленки: не служат мои ношки резвыя; сижу-то я рáвно тридцеть лет.—„А где твой-от отец-батюшко?“—Мой отець-батюшко да полё чисьтит, а ломат дýбье с кореньем из матушки из сырой земли.—„А пойди, говорят, запусьти нас в дом свой, отвóрь нам да краснó крыльцё“. — А куды я, братцы, пойду, коль не могу я нá ноги стать? — „Спусьти-ко ты резвы́ ноги с пецьки“. Стал-то он ногами пошевеливать, — у ёго ноги, не постарому, не попрежнему. Стал-то Илéюшка на резвы́ ноги, пошол-то Илéюшка на новы́ сени, отвóрил им крыльчё, запусьтил-то калик да перехожих...

II.

Ва гóроди жа Мýрави, ва силé Карачаравi жил-был праваслáвнай кристия́нин Ивáн Тимофéивич; и был у нявó сын Илья́ Мýравиц; и сидéл он трйтцать лет сиднёй, и стал на ногах крéпка и пачюил ф сибé сйлы мнóга... Ну, и пайéхал он ф пýть свой и уйéхал далёка.

Пат Чирнéгавам жа гóрадам стая́ла сйла вóйская биссурмáнская, шта и смéты нет. Илья́ же Мýравиц вы́дирнул ис карню дéсить дубóф и связал сибе мётлу. Те жа татары над нём смиютца: Йéдит к нам какой-та размéсть чйстая пóля, штáба нам лéкшы ваявáть. Илья же Мýравиц зáчел бить татар и пабйл фсю сйлу...

III.

Ты, рикá ль, ты, мая рéчинька,
рикá бы́стра берижы́ста(ая),
што ты течёш ни калы́хнисса,
жылты́м пискóм ни вазмýтисса?
Што ты сидиш, свет Аннушка,
и не усмéхнисса?
Уш вы, мйлые мае падрýжыньти,
уш на што жа мнé смéятца(тися),

на што глядя мне радаватца(тися)?
У маво та ли у батюшк(т)и
што напо́лнай двор каней стаит,
пална́ горница гастей сидит.
Што не фсе-та гости съехались,
дарагой-та маей го́сти нету здесь,
шта радимай маей матушти;
шта сбра́ть-та, сридить миня есть каму,
а багаславить-та миня не́каму.

IV.

У одного пана жыв работнык, звалы его Панасом, и був вин здорово бидовый на всяки штуки. От пан и каже ёму: „Слухай, Панас, як зумиеш ты украсты у мене самого луччого барана́, так дам тоби 20 рублив, а як не вкрадеш — голову зниму́!“ Пишов Панас на степ, де дид та баба паслы овець, зайшов наперед, роззув одну ногу и бросыв чо́бит, а сам заховався, та й дывыццгя. Найшла баба чобит, узяла его и каже дидови: „Старый, я чобит найшла“.—„Та брось ёго, стара, може вин на коросту брошеный“. Вона бросыла. Гонять овець дальше. Панас, узяв той чобит, зайшов наперед и впять положыв ёго, а сам заховався. На цей раз дид найшов чобит, узяв та й каже: „Стара! я найшов дру́гый чобит, от було б того не бросать!“ „Ходим, диду, та найдем ёго!“—сказала баба. Воны пишлы шукать, а Панас налыга́в барана и пови́в до дому. Узнав пан, подарив Панасу 20 рублив.

V.

По́каска аб рыбаку́ и аб ры́бци.

Жыў стары́ з сваёю старо́ю ба́бою кале́ са́маго си́няго мора. Ены́ жылі́ у разва́леной землянцы ро́ўно тры́дцать годо́ў и три го́ды.

Стары́ лави́ў валако́м ры́бу, а стара́я пра́ла сваю кудзе́лю.

Аднаго́ ра́зу ён ў морэ запусци́ў во́лок, вы́цянуў во́лок з адни́м му́лом...

Аб рыбаке и аб ры́бци.

Жыў сабе дзед з ба́баю дыхт синёго мо́ра. Ены́ жыли́ у гнилой землянцы ро́ўно тридзе́сц лет и три ро́ки.

Дзед ла́паў се́ткою ры́бу, ба́ба прала кудзе́лю.

Раз ён ў морэ наста́виў се́тку; прийшла сетка з одное́ю щи́ною...

VI.

РАЗГОВОР СВАТА С ОТЦОМ НЕВЕСТЫ.

— Здоро́во-цё, мои ронны́ё! Здоро́во-цё, золоты́е мои! — Здоро́во, задушевный мой прія́целишшо!

— А зацем ваше прихожество к нашему убожеству? Зацем к нам пожаловала твоя милосць?

— Ишшу́, нет ли гдзе, полу́цце любо яроцки, любо целу́шецки на свой двор. Нет ли у ця, брацяша, е́втакой для племени? Я слышал онодысь, што́ у цея е́сци евтакая пригожая, расхоро́шая, да и продажная ешшо́ — дак я к це́е по слухам-цё и забрёл. Слухом земля полницца, братеч! Ну што́, голубцык мой, е́сци штоли у цея?

— Есць, дружоцык, есць. Да самому нужна мне: кацца не лишняя ёна.

— О родзи́моё моё! Ништо, вишь цее не хоцца с ней раступицца. Померекай-кё хорошенькё, да и по рукам скореё: дзенжо́ноцки сейцас же на ру́цку! Нецово мешкаць, покудя не ушли годоцки у неё; толда и рад бы продаць, да уж поздо будзёт. Спу́сця лето по малину в лес не ходзят никогда: слыхал ли ты, моё родзи́моё, евту пословицу рассейскую? Мерекай-кё!..

VII.

У чи́стым по́ли при даро́зи — а зяле́н явор кудря́вый!
Па́сцила дзе́ўка вараны́х кане́ў, па́сцила, пасцила ды-й заснула.
Крепка засну́ла, кане́ў не пачу́ла. Прачхну́лася, кане́ў нема!
Дзеўка стала, ды паду́мала: куды́ ицы́ кане́ў шука́ць?
Пашла б я ле́сам це́мным, — ле́сам це́мным воўки́ зьяду́ць,
Пашла б я даро́гаю, — дарогаю казаки звяду́ць.
Пашла дзеўка пуцяви́нкаю. Стре́ла ж яна трех мо́лайцав рыбо́лаўцаў.
— А вы, братцы-рыбо́лаўцы, вы мо́лайцы-рыбо́лаўцы,
Чи ня чу́ли, чи ня ба́чили маих кане́ў, вараны́х кане́ў?
Адзин ка́жець: я ня ви́дзеў. Другой ка́жець: я-й ня чуў, ня ба́чиў.
Треций кажець: я и чўў и ба́чиў, я сам там бы́ў.
Скажу цябе дзеўка семь загадак; кали адга́даеш, скажу кане́ў:
А што гари́ць бяз по́лымя, а што бяжи́ць бяз по́вада?
А што расце́ бяз ко́рыня? а што бяло́ ня бе́лючи?
А што чарно́ ня чо́рнючи? а што вье́тця каля дреўца?
А што цве́тиць бяз си́няго цвету?
— Бада́й бы я ды ня ба́цькова, ня ба́цькова, да ня ма́цина,
Кап я загадок ня'тгада́ла, ни сказала: гари́ць заря бяз по́лымя,
Бяжи́ць вада́ бяз по́вада, расце́ камень бяз ко́рыня,
Бе́лый ле́бядзь да ня бе́лючи, чо́рны во́ран да не чо́рнючи,
А хмель вьетца каля дреўца, па́порць цвяце́ без синя цвету.
— От цяпер, дзеўка, скажу кане́ў: твае́ кони
За крутаю за гаро́ю, за бы́страю за реко́ю
Чорным шо́уком папу́таны, залатыми уздечками да паму́зданы,
Ядуць тра́ўку ўсе мура́вную, пьюць вадзи́цу ўсе с крыни́цы.
Ядуць тра́ўку зяле́ную, а пьюць ваду сцюдзёную.

VIII.

Раз підийшо́в лев до річки да-й ди́виться в воду: а щука плеснула хвосто́м да-й поточи́лась на дно, а далі ви́плила да-й каже: „Я думала, що чоловік, да-й злякалась: аж се лев“.— Хиба чоловік страшніший за мене? Все мене боїться, а чоловіка я ще не ба́чив, що воно́ за птиця. Де-б я його поба́чив? „О, так иди та-й иди полем, то-й побачиш“. Пішов лев. Стрічає хлопця: „Чи ти чоловік?“— Ні, ще не чоловік: буду колись чоловіком. „Ну, не треба ж мені тебе“. Иде та-й иде, стрічає старо́го діда и питає: „Чи ти чоловік?“— Ні, не чоловік: був колись чоловіком, а тепер вже дід. Пішов лев далі, стрічає козака споряженого на война, зо всіми припасами, на коні верхо́м, и питає: „Чи ти чоловік?“ — Чоловік, каже козак. „Ну, дак я тебе з'їм“. Козак, недовго думавши, виймає пісто́ль; тріс його межи очи, так що лев тро́хи не впав. Лев став да-й дивиться; а козак подививсь на його та-й поїхав своєю доро́гою. Пішов тоді лев до річки. Виплила до його щука да-й пита́: „А що, бачив чоловіка?“— Бачив, каже лев. „Що ж він тобі казав?“— Нічо́го, тільки плюнув межи очи, так що я в силу їх розчу́хав.

Задание 2.

Запишите, как произносятся эти отрывки в московском говоре, и как звучат они в тех говорах, которые известны вам по месту вашего рождения, условиям жизни в какой-нибудь деревне или городе, отдаленном от Москвы.

Задание 3.

Укажите отличия в записи по произношению (фонетическое письмо) и в написанном по общепринятым орфографическим правилам.

§ 2.

Вслушиваясь в разговор тех или иных лиц, можно установить различия у говорящих в зависимости от возраста, класса, профессии, диалектических особенностей того пригородного местечка, села, деревни, города, откуда родом данное лицо, или где проживало оно долгое время. Но над всеми этими индивидуальными и местными говорами стоит общерусский литературный язык, на котором написаны произведения русской литературы, научные труды, который в своих общих чертах служит в качестве обиходного языка в общегосударственной жизни. Этим языком должен владеть

всякий, кто участвует в общекультурной жизни страны, кто является гражданином всей республики, не только горожанином своего маленького уезда. Этот язык служит разговорным языком грамотного населения, он представительствует от лица общерусской культуры перед народами Востока и Запада. Из каких элементов он сложился? Наш литературный язык, являясь одним из великорусских наречий (московским наречием), очень сложен по своему составу. По происхождению он древнеболгарский язык, пересаженный в Россию в качестве церковного языка и обрусевший, проникшись живыми народными элементами. Первые наши книги перешли к нам в X—XI в. из Болгарии. Так как болгарский язык был понятен в то время русским людям, то эти книги, по преимуществу церковные, просто переписывались русскими переписчиками, кой-где заменявшими чуждые русскому произношению болгарские звуки своими звуками. Этот болгарский язык был усвоен русскими книжными грамотными людьми; на нем писались древнерусские литературные памятники, политические акты; его разносили по русской земле командующие классы; он слышался в церквах, откуда в разнообразных легендах, былинах, заговорах, духовных стихах, слагаемых скоморохами и каликами, переходил в простонародную гущу. Первоначально этот болгарский язык, иначе называемый церковнославянским, получил распространение в Киеве; его произношение в устах киевлян приняло ряд особенностей южнорусского наречия: звук *г*, в древнеболгарском звучавший, как звонкий мгновенный согласный, систематически заменяется в киевском произношении через *h*; поэтому, такие слова, как боhатый, hосподин, блаhо, блаhоразумный — слова явно церковного происхождения — вошли с южнорусским произношением и в народный язык и в московское наречие. Несмотря на многовековое влияние русского языка на церковнославянский, несмотря на то, что с переходом центра культурно-политической жизни из Киева на северо-восток, в Москву, книжный язык попал в языковую атмосферу новых общественных групп, наложивших на него свой диалектологический отпечаток, подчинявших своим говорам его языковое строение, несмотря на то, что он, напитавшись этими местными говорами, приблизился к наречиям города Москвы и стал разговорным языком гра-

мотных людей,— несмотря на это, словарный состав современного литературного языка, по крайней мере наполовину, если не больше, обнаруживает церковнославянизмы. По наблюдению академика А. А. Шахматова следующие элементы нашего языка бесспорно церковнославянского происхождения:

I. Там, где вместо ожидаемых русских сочетаний *оро*, *ере*, *оло*, *еле* (полногласие) или рядом с ним найдем в тех или иных словах сочетания *ра*, *ре*, *ла*, *ле*, то с уверенностью признаем такие слова остатками церковнославянского основания нашего литературного языка.

Предлагается в данном списке корней различить фонетические признаки русского и болгарского происхождения и дополнительно подобрать соответственные слова:

благ — (*болог:* ср. название местности *Бологое*): *благой*, *поблажка* и др.;

бран — (*борон:* оборона): бранить,

бразд — (*борозд:* борозда): бразды правления;

брег — (*берег:* бережистый): безбрежный;

брег — (*берег:* берегу): небрежный;

брем — (*берем:* беременный): обременять;

влаг — (*волог*): влага;

влад — (*волод:* древнее *володѣть*, *волость*): владеть, власть, область;

влак — (*волок:* оболочка): влачить, облако;

влас — (*волос*): власяница;

влек — (*волок:* проволочка): облекать, увлекать;

враг — (*ворог:* ворожить): вражеский;

врат — (*ворот:* ворота): привратник;

врат — (*ворот:* переворот): возврат, превратный;

врач — (ц.-слав. *врачь*);

вред — (*веред*): вредный,

врем — (*верем:* древнерусское веремя): время;

глав — (*голов:* заголовок): заглавие, глава (в книге);

град — (*город:* горожане): награда, ограждать;

глас — (*голос:* голосовой): огласить, приглашать;

драг — (*дорог*): драгоценный;

древ — (*дерев:* деревянный): древесный;

жреб — (*жереб:* жеребьёвка): жребий;

драв — (доров: здоров): здравствуй;
злат — (золот: золото): позлащенный;
зрак—(зорок: близорукий вместо близозорокий): невзрачный;
крат — многократно;
крат — (корот: укоротить): прекратить, кратчайший;
мраз — (мороз): мразь;
млад — (молод): младенец;
мрак — (морок: обморок): мрачный;
млек — (молок: молочный): млекопитающие;
нрав — (норов: приноровиться): нравиться;
пращ — (порочь: пороки): праща;
плен — (полон: заполонить): пленить;
празд — (порозд: порожний): праздный, упражнять;
плам — (полом: полымя): пламенный;
прах — (порох: порошинка): в пух и *прах;*
пре — (пере: пересилить): определять, преграда;
пред—(перед: передок): предок, представление, преддверие;
прек — (перек: поперек): вопреки;
прет — (запрет): запрещать;
смрад — (смород: др. смород): смрад;
срам — (сором): срамить;
сред — (серед: середка): средний;
слад — (солод): сласть;
стран — (сторон: сторона): страница, страна, странный;
страж — (сторож): стража;
треб — (тереб: древнерусск. притеребы [известные участки земли]): требовать, употребление;
трезв — (терезв, тверез): трезвый;
хлад — (холод): охладить;
храбр — (хоробр): храбрый;
хран — (хорон: похороны): охрана;
член — (др. *челон):* расчленить;
чред — (черед: очередь): учреждение;
чрев — (черев: черёва): чревоугодник;
чрез — (через): чрезмерно;
шлем — (др. *шелом;* ошеломить).

Задание 4.

Какие слова (из этого списка корней) употребляются в просторечии, потеряв свой книжный характер?

С какими словами связываются понятия, чуждые житейской обыденности (книжные понятия, отвлеченные)? (См. тот же список.)

Составьте фразы на слова русского и славянского образования, отмечая сходство и различия в употреблении этих слов.

Задание 5.

Отметьте случаи полногласия и славянизмы:

Ворота тесовы растворилися. *(Кольцов.)*
Перед воеводой молча он стоит,
голову потупил, сумрачно глядит. *(Тургенев.)*
Посыпал пеплом я главу, из городов бежал я нищий. *(Пушкин.)*
Первый жеребий — быть лапотником, тихомудрым черным пахарем. *(Клюев.)*
Мелькает, вьется первый снег, звездами падая на брег.
(Пушкин.)
Пустынно две бразды железные лежали. *(Огарев.)*
Красным полымем заря вспыхнула. *(Кольцов.)*
Как вихорь гонит прах долины
и клонит пыльную траву. *(Пушкин.)*
Накануне была первая гроза. В полдень был гром и молния: всю короткую ночь погромыхивало за горами правого берега, и молонья освещала темную воду. *(Лев Толстой.)*
Всюду зелень, солнце юга,
всюду злато,
всюду злато. *(И. Филиппченко.)*

II. Там, где в начале слова вместо русских сочетаний *ро, ло* имеются древнеболгарские *ра, ла*, надо считать подобные слова в нашем литературном языке остатками церковнославянского языка:

раб, раба, работать (ср. древнерусское *роба*, северно-русское *робота*, украинское *робити);*

расту, возраст, растение (ср. русское *рост, поросль);*

раз-, рас-, например, *разум, расчищать, разглашать, разница* и т. п. (ср. русское *роз-, рос- — розвальни, росчерк, порознь);*

ладия — в книжном выражении: утлая *ладья*; также фигура в шахматной игре — *ладья* (ср. *лодка*).

III. Почти все слова, где в современном литературном языке является сочетание *жд*, могут быть признаны остат-

ками церковнославянского языка, так как общерусскому праязыку это сочетание не было известно: вместо него было *ж* (мягкое). Возможно допустить произношение *жд* с XIV—XV века, когда в Московской Руси усилилось южнославянское влияние, когда выходцы из Болгарии и Сербии стали играть большую роль в книжно-церковных кругах; в памятниках XII века, писанных в Новгороде, *жд* почти систематически заменялось через *ж*,— очевидно, это сочетание было тогда чуждо русскому произношению. Эти церковнославянские образования с *жд* довольно многочисленны: *вождь* (древнерусское *вожь*; корень *вод, водить*); *жажда* (корень *жад, жадный*); *невежда* (ср. *невежа*); *между* (ср. *межа, смежный*); *одежда* (ср. *одежа*); *нужда* (ср. *нужный*); *гражданин; надежда; стражду; чуждый;* глагольные формы на *-ать*, 1 лицо единственного *-аю: убеждать, охлаждать, рассуждать, утруждать* и т. д.; формы причастий на *-ен: награжден, поврежден* и т. д.; отглагольные существительные на *-ение: учреждение, охлаждение* и т. д. Можно считать такие образования, как *надежда* (ср. *надежный*), *невежа, простужать, ссужать, провожать,* также за славянизмы, в которых в древнейшую эпоху чуждое *жд* было заменено через *ж*.

IV. Слова современного литературного языка, где находим *щ* вместо ожидаемого из общеславянских tj или kt — русского *ч*, должны быть признаны остатками церковнославянского языка.

Отдельные слова: *мощь, помощь* (русское *помочь*), *вещь, пещера, общество* (ср. *оптом*), *овощь* (русское *обочь, овочь*), денно и *нощно, изящный;* глагольные формы на *-ать* (многократные): *возвращать, сокращать, освещать, сообщать;* 1 лицо настоящего и причастие страдательного от глаголов на *-ить: сокращу, запрещу, сообщу, возвращен* и т. д.; причастия настоящего времени *несущий, поющий, светящийся* и т. д. Ср. еще слова, как *существо, могущество.* Ср. у Лермонтова:

„Светись, светись, далекая звезда, чтоб я в *нощи* встречал тебя всегда“ (1830);

у С. Есенина: *Нощь* и поле, и звон облаков (1918).

В русском языке причастия получили значение прилагательных: *могучий, сыпучий, горячий, ходячий, лежачий, певучий;* церковно-славянские причастия на *-ущий* проникли

в народную речь, где опять получили значение прилагательных: *богатеющий, умнеющий, большущий.*

V. Значительное число слов нашего литературного языка, имеющих *е* под ударением перед твердым согласным, должно быть возведено к церковнославянскому языку. В этом случае общеславянский звук *е* переходил в севернорусском, восточнорусском и московском наречии (и в современном литературном) в звук ё (jo): *рёф* (рев), *стерёк* (стерег), *сёстры*, *плётка* и т. д. Следовательно, такие слова с *е* перед твердым согласным, как *небо* (ср. народное *нёбо), щедр, предмет, перст* (ср. *напёрсток), пещера, жезл, пекло, мерзкий, дерзкий, разверстый, душевный, учебный* (ср. *учоба), ежедневный, честный* (ср. диалект. *чоснóй), прелестный, современный* (при обрусевшем *современный), обреченный, бренный, вдохновенный, надменный, любезный, полезный, вселенная, степенный*— обнаруживают церковное происхождение. Среди образованных людей XVIII и XIX вв. церковно-книжное произношение долго сохранялось, тем более, что представители дворянского класса, „чтоб не упасть в речь подлой черни“, обычно ёкавшей в словах *рождéнный, освещéнный*, намеренно сохраняли книжную фонетику. Зная эту особенность произношения людей старого времени, можно объяснить стихотворную фонетику поэтов XVIII—XIX вв.: напр., у Пушкина встречаем:

В сердце *возженный*
Образ *Елены* (1812).

И ты пришел, сын лени *вдохновенный,*
О Дельвиг мой! Твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго *усыпленный,*
И бодро я судьбу благословил (1825).

Воспоминаньями *смущенный,*
Исполнен сладкою тоской,
Сады прекрасные, под сумрак ваш *священный*
Вхожу с поникшею главой (1829).

Вдруг истощась и *присмирев,*
О Терек, ты прервал свой *рев* (1829).

Гляжу ль на дуб *уединéнный,*—
Я мыслю: патриарх лесов

Переживет мой век *забвенный*,
Как пережил он век отцов (1829).

Под мышцей палица, в ногах немейский *лев*
Разостлан. Дунул ветр; поднялся свист и *рев* (1825).

(Ср. в письме Л. Н. Толстого от 1852 г.: „я всегда был Лёва-*рёва*.)

Там, где перед отвердевшим *ж* и *ш* звучит *ё*, напр., *Серёжа, Серёжка, падёж, грабёж, одёжка, застёжка*, имеем русские образования изменившегося *е*; там же, где в однородном положении звучит *е*, мы должны видеть церковнославянизмы: *падеж, мятеж, смежный.*

VI. До второй половины XII века в русском языке существовали гласные *ъ* и *ь*, которые произносились глухо, неполно: *ъ* близко к *о*, а *ь* близко к *е*. Такие слова, как *волк, верх*, писались *вълкъ, вьрхъ*. Потом эти глухие гласные или совершенно исчезли из произношения, напр. *кто, книга, всe*, или перешли в открытые гласные звуки *о* и *е*: из *сънъ* получилось *сон*, из *дьнь* — *день*, из *остатъкъ* — *остаток*, из *яблъко* — *яблоко*, из *стькло* — *стекло.*

Последнее явление наблюдалось преимущественно тогда когда *ъ* и *ь* были под ударением, или в следующем слоге опять стояло *ъ* или *ь*, или когда этого требовало стечение согласных. Но в литературном языке есть слова, где пишется *о* или *е* там, где некогда стоявшие *ъ* и *ь* выпали из произношения, и мы не ожидали бы замены их буквами *о* и *е*; так, в словах, содержащих предлоги *со, во, вóз* вместо ожидаемых (после выпадения *ъ* в *съ, въ, взъ*) звуков *с, в, вз*, надо видеть остатки церковно-книжного происхождения, так как переход *ъ* и *ь* в *о* и *е* совершился в том болгарском диалекте, на котором написаны были первые появившиеся у нас книги, ранее, чем в русском языке, и русские церковно-книжные люди произносили всякое *ъ* и *ь*, как *о* и *е*. Поэтому, церковнославянизмами признаем слова *собирать* (ср. диалект. *сбирать*), *совет* (древнерусское *на свет*), *сокровище* (древнерусское *скровище*), *сочинить* (древнерусское *счинить*), *восход* (ср. *всходы*), *вовлекать, возделывать, возраст* (древнерусское *возраст*), *воспаление, восклицать, возгореться, вообразить. вопрос, вопреки, воздержаться* (ср. *вздёржка*), *воспре-*

тить, восток (ср. обл. *вcток, сток*). В литературном и разговорном языке эти слова обильно представлены; ср. у Пушкина:

Певца *сопутник* милый (1814);
Сокроем жизнь под сень уединенья... (1825);
Лишь ты *воздвиг*, герой Полтавы... (1828).

VII. Того же происхождения многие слова на *-тель (хранитель, учредитель, потребитель)*, на *-тельный (растительный, поразительный, восхитительный)*, слова на *-тельность (расточительность, признательность)*, на *-ствие (бедствие, странствие, путешествие, сочувствие)*, на *-ство (баловство, хвастовство, родство)*, на *-ество (качество, множество, человечество, естество)*, на *-енство (степенство, главенство)*, на *-ес (древесный, словесный)*, на *-ение, -ание (учение, пение, горение, воспитание)*. В русском языке вместо *-ение, -ание* находим *-еньё, -аньё: спаньё*, диалект: *пеньё*; ср. у Грибоедова:

Берем же побродяг, и в дом, и по билетам,
Чтоб наших дочерей всему учить, всему —
И танцам! и пенью! и нежностям! и вздохам!

У Крылова:

Нет, вижу, что в пенье́ ты вовсе не искусен.
(„Кошка и соловей".)

VIII. До недавнего времени в орфографии сохранялся родительный падеж *ея* (вместо русского *её*) и *яго, аго*, занесенный к нам письменным старым нашим языком из церковных книг; родительный падеж единственного числа женского рода в именах прилагательных и местоимениях с окончанием *ыя, ия*, употреблявшийся еще во времена Пушкина:

И жало *мудрыя* змеи (1826).
Средь *зеленыя* дубравы (1833).
Как призрак *дымныя* мечты. *(Лермонтов.)*
Под ветвями *пустынныя* рябины. *(Лермонтов.)*

IX. Так как появившиеся на Руси книги были списками болгарских текстов, в свою очередь переведенных с греческого языка, то в наш язык через посредство церковнославянского языка перешел ряд греческих слов: *ересь, монах,*

евангелие, диакон, дьяк, подьячий, келия, грамота, идол, демон, сатана, ехидна, дьявол, трапеза, лепта и др.; многие слова просто были переложены с греческого: *живописей, землемерие, инородный, малодушный, местоимение, предлог* и мн. др.

Едва ли не меньше, чем славянизмов, вошло в русский язык иноземных слов, ставших достоянием как обыденной речи, так и книжной литературной речи. С тех пор, как славяне стали входить в разнообразные сношения с своими соседями, в общеславянском языке накапливались заимствованные у других народов слова. Поэтому, говоря об иноземных речениях в русском языке, необходимо помнить, что часть таких заимствованных слов (так называемые варваризмы) в нашем языке относится к общеславянскому периоду или во всяком случае к очень древнему периоду.

Славяне заимствовали у германцев слова: *хижина, изба, колодец, хлев, берег, холм, князь, витязь, хлеб, блюдо, молоко, гусь, купить, морковь, скот, меч, котел, пуд, перец, черешня, редька.* От встречи на юго-востоке с иранскими народами — скифами и сарматами — славяне взяли слова: *сто, чаша,* в русском языке остались: *собака, хата.*

Более обильные данные имеются о сношениях русского племени с иноземными соседями: финны, занимавшие центральную часть Европейской России, оставили в русской речи слова: *сани, лабаз, мыза, рига, камбала* (рыба), *гагара* (птица) и много названий для рек и местностей в средней и северной России: *Москва, Ока, Кама, Вологда* и т. п. Задолго до татарского нашествия русским приходилось испытывать влияние турецко-татарских племен на юге России (волжские болгары, хазары — VI — VIII века); от них вошли в русский язык слова: *телега, боярин* (сюда же слово *барин*), *бисер, кощей, курган, товар, шатер, хозяин, лошадь, маяк.*

С XIII века число турецко-татарских слов в русском языке значительно увеличивается, охватывая большой круг предметов и явлений общественной жизни: *богатырь, нагайка, казак, кинжал, колчан, караул, кандалы, казна, таможня,*

пай, магарыч, жесть, булат, жемчуг, бусы, алмаз, изумруд, фарфор, сафьян, юфть, нефть, нашатырь, утюг, фитиль, карандаш, стакан, сундук, чемодан, табак, бархат, башмак, башлык, тесьма, чулок, кафтан, чобот, колпак, кушак, кумач, куртка, бахрома, парча, сарафан, шаровары, арба, кибитка, кумыс, мерин, табун, чапрак, буланый, бурый, алый, лапша, кизиль, изюм, шафран, фисташка, камыш, туман, кобза, ферзь (шахматы), *балбес, башка, ни бельмеса* и др.

В образовании русского государства принимали участие варяги, еще до „начала Руси" ведшие торговлю с Грецией и перевозившие товары по „великому водному пути из варяг в греки", лежавшему через современную Россию. По имени варяжского племени дано было название *Руси*, возникло слово *русский*, от них же осталось несколько имен: *Игорь, Олег, Ольга*, слова: *ябедник, ябеда, дротик, кнут;* от варягов русские научились мореплаванию (*багор, крюк, якорь* и др.), у них научились и торговле *(ларчик, ящик, шелк, сельдь)*. Издавна развивающиеся торговые сношения с Грецией внесли в русский язык слова, говорящие о значительном влиянии Греции до появления на Руси книг болгарско-греческого происхождения. Сюда относятся слова: *корабль, терем, мак, баня, банка, кадка, кровать, лохань, миска, скамья, таган, тетрадь, фонарь, каторга, парус, лента, зипун, хрусталь, бандура, литавры, карман, скрыня, оладьи, сахар, уксус, огурец, свекла, финик, кефаль, скумбрия* и пр.

Польско-московские войны XV—XVI вв., подчинение Украины Польше, приглашение в Москву в XVII в. образованных киевских ученых, получивших выучку по образцу польских школ, переводы на русский язык с польского разных светских романов и повестей (с конца XVI в.)—все это оставило в русском языке много польских слов, которые или сохранились рядом с соответственными исконно-русскими словами—*строгий* (ср. *сторож*), *хорунжий* (ср. *хоругвь*) *вензель* (русское *узел*, где *у* из носового гласного), или являлись словами западно-европейского происхождения, ранее проникшими в Польшу: *бляха, будка, бунт, рама, винт, рынок, ярмарка, крахмал, шлюз, важный, шнур, штука, шпага, штора, тарелка, рисовать, мизерный, музыка, цирюльник.* Из польского языка проникли: *писарь, лекарь, опека, мешкать, пушка, булка, рота.*

Чрезвычайную роль в обогащении русского языка заимствованными словами сыграла Западная Европа, непосредственное общение с которой совершенно преобразило наш литературный язык. С XVII века, когда под Москвой уже осела „немецкая слобода", считавшая в своих рядах разных специалистов, без которых не могли обойтись русские; при Петре и далее через XVIII век до наших дней, — европейская культура увеличивала наш словарный материал таким количеством слов, терминов, что едва ли в нем иноземных слов западного происхождения меньше, чем содержащихся в литературной речи русских и церковнославянских элементов. Столярное и слесарное ремесло многим обязано немцам, о чем говорят слова: *стамезка, слесарь, бондарь, гайка, болт, бурав* и проч.; голландский язык снабдил нас морскими техническими выражениями: *флот, вымпел, бот, лоцман, док, крейсер, верфь, фарватер, матрос, гавань, флаг, киль* и проч.; военное дело внесло слова: французские — *редут, калибр;* немецкие — *пионер, солдат, офицер, провиант, батальон;* в других и самых разнообразных областях обыденной жизни, техники, культуры, науки, политической мысли мы на каждом шагу употребляем иностранные слова: еду ли на *трамвае* на *вокзал* купить *билет*, иду в *театр* на *галлерею* или в *партер*, гуляю по *бульвару*, вхожу ли в *аудиторию* слушать *лекцию*, читаю ли в *газете рецензию*, вхожу в *мастерскую*, иду по *канаве* в *школу* мимо *магазина*, где продается *галантерея, мануфактура;* слышу ли *сигнал*, поданный начальником железнодорожной *бригады;* вижу ли в *пассаже калоши, ботинки;* наслаждаюсь ли *оркестром* в *опере* или на *симфоническом концерте;* составляю ли план сегодняшнего *реферата*, зная *теоретические* взгляды *(принципы)* своего *оппонента;* черчу ли *географическую карту* — всюду меня окружают иноземные слова, без них нельзя обойтись.

Множество слов в нашем литературном языке заимствовано из древнеклассических языков (латинского и греческого) при посредстве европейской культуры; таковы научные и технические термины, названия различных отраслей знания: *геометрия, физика, химия, геология, драма, комедия, рифма, автомобиль, аэродром* и т. д. и т. д.

Многие из указанных слов, вошедших в наш язык из других языков, неотделимы от русских элементов с точки

зрения литературного языка; другие, укоренившись впервые в книжном языке, лишь постепенно стали или становятся достоянием великорусских говоров, заимствующих эти слова из литературного языка. Варваризмы, влившись огромной массой в книжную речь в XVIII веке, настолько изменили ее, что она стала непонятной и для грамотеев. Дворянская литература той эпохи, выражая интересы придворной знати, находившейся под обаянием французской культуры, пестрела оборотами, заимствованными из французского языка (так наз. галлицизмы). Даже те писатели, которые смеялись над смесью „французского с нижегородским“, употребляли галлицизмы: Фонвизин в „Недоросле“ употребил выражение *делать должность* вместо исполнять обязанность, *взять отставку; радуюсь, сделав ваше знакомство*. Галлицизмы встречаются у Пушкина. Речь Герцена насыщена ими; даже Тургенев, говоривший, что он переведет по-русски любую страницу немецкого философа Гегеля без иностранного слова, допускал галлицизмы: так, в его письме от 1859 г. к Марко-Вовчок читаем: „я сижу перед окном, дающим в сад“ (ср. франц.: une fenêtre qui donne dans le jardin).

В борьбе за чистоту русской речи, за освобождение ее от ненужных иностранных выражений, если имеются свои русские слова, приняли участие все выдающиеся писатели с конца XVIII в.: Крылов, Грибоедов, особенно Пушкин и его преемники, ставившие задачу приблизить литературный язык к разговорному, народному. Разумеется, бесплодны остались попытки тех, кто, подобно Шишкову в начале XIX в., стремились изгнать из русской речи иноземные слова, заменяя их старинными русскими словами или вновь составленными (вм. *калоши* — *мокроступы*, вместо *карниз* — *прилеп*, вместо *пейзаж* — *видопись*, вместо *антикварий* — *старинарь* и проч.); мы привыкли ко многим выражениям, представляющим буквальный перевод французских оборотов: оказывать влияние на (что-нибудь), одеваться со вкусом и др. Ср. у Пушкина:

Мне галлицизмы будут милы,
Как прошлой юности грехи,
Как Богдановича стихи.

Для выражения многих понятий, для обозначений многих предметов имеются только иностранные слова. Но, конечно, пользоваться ими надо в подходящих случаях: часто перебираются иноземные слова или не к месту ставятся недостаточно хорошо овладевшими литературным языком. За время войны, революции ворвалось в язык разных общественных групп особенно много варваризмов: *плацдарм, позиция, форт, театр войны, десант, оккупация, эвакуация, субмарина, мина, танки, реквизиция, спекуляция, мобилизация*, и проч. и проч. В зависимости от того, какой класс стоял в центре общественного внимания, словарь самых разнообразных слоев населения подчинялся языку данного класса: с начала войны, когда командующие высоты захвачены были военными людьми, преобладал специальный военный язык, сближая словари различных общественных групп; когда у власти стали представители революционного пролетариата, политические, социально-экономические, обще-культурные интересы под знаменем международного объединения трудящихся возобладали — и в языке отсталых инонационалов шумно заговорили политические термины, заимствованные у других народов; появились *варваризмы* в таком количестве, что потребовалось появление толковых словарей „по рабочему вопросу“, „по аграрному вопросу“, „при чтении газет“: *интернационал, марксизм, материализм, агитация, пропагандировать, демократия, буржуазия, социализм, коммуна, коммунизм, митинг, мандат, манифестация, демонстрация, революция, конференция, пленум, милитаризм, империализм, организация, комитет, комиссар, категория*, и много других, — все это слышится в наши дни ежедневно, входит в язык жителей города и деревни, на заводе и в избе-читальне.

Проникая в русский язык, иностранные слова нередко русеют, получают русские окончания (allée превратилось в аллею, museum в музей), подчиняются законам русской фонетики. Мы произносим — режиссёр, дирижёр, сапёр, контролёр (по-французски contrôleur, sapeur), а в XVIII веке говорили контролер; с другой стороны, есть слова, употребляющиеся и в народной речи с иноземной окраской — курьер (courrier), офицер (officier); но, несмотря на это приспособление, большинство иностранных слов всегда звучит книжно, в языке стихотворном избегают употреблять их, как слова,

не вызывающие игры воображения. Это не относится к тем словам, которые стали обиходными, вошли в обычную разговорную речь или связаны с фабрично-заводским производством; изображая внешний вид завода или душевные настроения рабочего, связанные с его трудовыми процессами, писатель неизбежно сталкивается с иноземными словами. Научная книга обычно полна иностранными терминами, что облегчает пользование ею — международное общение людей науки выигрывает от единства научной терминологии.

Ряд иноземных выражений на русской почве так видоизменился, что не всегда можно определить источник этого *варваризма:* так, *накуралесить* возникло из греческого „кюрие елейсон" (господи помилуй); припев песни *ай-люли* из греческого „аллилуя"; *на шеромыжку* происходит от французского „шер ами" (милый друг; предполагают время образования этого слова при отступлении из России французской армии в 1812 г., когда оборванные солдаты просили у крестьян хлеба, крова, обращаясь со словами: шер ами); опыт научил остерегаться того, кто *лебезит,* повторяя „ich liebe sie" (я вас люблю); *транжирой* (сравните *растранжирить денежки)* назвали некогда того, кто любил пожить за границей, кто оставлял русские денежки у иностранцев (étranger). Кто, говоря: *капут (скапутиться),* знает, что это слово из немецкого „kaput" (пропащий)? Кто, покупая *карамель,* догадывается, что в основе этого слова латинское calamellus (трубочка), а, взбираясь на *полати,* вспоминает *Палатинский холм* в Риме, итальянские *палаццо,* Кремлевские *палаты* и уличную *палатку;* кто, распевал песню „Не шуми, мати зеленая дубровушка", сознает, что в выражении *„исполать* тебе, детинушка, крестьянский сын" слышится отголосок греческого восклицания „ейс полля этэ" (на многие лета), а, попав в *катавасию,* чувствует, что эта бестолковщина и шумливая суета названа по греческому обозначению („катабасион") совместного пения в церкви обоих клиросов? Кто, лаская своего любимого *Полкана,* связывает произвище собаки с старинным итальянским романом, где участвует Pulicano? Кто, с горечью сознаваясь, что он ни *бельмеса* не понимает в трудной книге, догадывается, что заимствовал выражение из тюркского языка, где *бильмез* означает: он не знает?

Многие иностранные слова, попав в народную среду, видоизменяются по звуковой форме в целях осмысления их (так называемая *народная этимология):* вместо автомобиль стало звучать *антонобиль*, экспресс — *спрес*, революция — *леворуция*, премьер-министр — *пример-министр*, спекулянт — *скупилянт*, *пискулянт;* народ говорит *копитал* от слова копить, *полусадик* вместо палисадник, *кашлюк* вместо коклюш; непонятную фамилию Барклай де Толли солдаты переделали в *болтай да и только;* из финской бабы-яги, пугавшей в лесу прохожего, Куспинэ-март, образовалась *Кузькина мать;* рабочие на сибирских заводах *Мартыном* называли печи Мартэна; сравнить *подсажир* (от подсаживать) вместо пассажир; *Трухмальные* ворота (вместо Триумфальные) — кто не слышал из москвичей?

Заимствованные слова (варваризмы) наряду с церковнославянизмами составляют весьма значительную часть в нашем литературном языке, быть может, равную собственно-русским элементам. Книжная речь, не похожая на областные местные говоры, имеющие свои особенности в словообразовании, синтаксисе, фонетике, щедро питается этой народной речью.

Наши писатели всегда прислушивались к живым голосам народных говоров, изучали разговорную речь народа и вносили в свои произведения даже такие выражения и обороты, которые употребляются только в одной или нескольких местностях, не имея широкого распространения. Такие провинциализмы, если они не слишком часто пестрят в книге, придают большую жизненность изображенным картинам действительности. Они имеются у всех больших и менее заметных наших писателей, вскрывая принадлежность их к разным наречным группам. Даже писатели XVIII века, смотревшие свысока на „непросвещенную чернь", вводили простонародные и диалектические речения в свои писания; многие из них употребляли по-северновеликорусски сравнительную степень на *ае* — *бодряе, красняе, жесточае,* писали *не допущай, пужают* и прочее. У Пушкина в его языке можно найти следы северновеликорусского произношения — недаром он жил и изучал народный язык в Псковской губ. Гоголь записывал народные выражения и вводил их в свои повести; обилие украинизмов в его „Вечерах на хуторе близ Диканьки" объясняется не только тем, что описание

украинской деревни требовало украинских речений, но и тем, что автор был уроженец Украины. Орловские слова употреблял в „Записках охотника“ Тургенев. Мастерски владел народной речью Островский — в устах его героев то и дело мелькают речения — *теперича, хоша, окромя, очення, ихний, неужто, завсегда* и т. п.; часто вставлял он в свои комедии *провинциализмы: хохриться, не хайли, должон, поваживай, учливость, к ужоткому* и прочее. Язык крестьянства звучит со своей меткостью и яркой выразительностью в сочинениях Г. Успенского, Некрасова, Эртеля. Язык Поволжья напоил страницы романов Мельникова-Печерского; сибирские говоры придают своеобразие повестям Вс. Иванова и Л. Сейфуллиной; жаргон одесского района бросается в глаза при чтении Бабеля; сложный, пестрый узор простонародных речений и ломаной речи побывавшего в городе, наглотавшегося книжных оборотов человека новой России дан в рассказах Неверова, Подъячева; крепкая, крестьянская речь в романе „Барсуки“ Леонова, в повести Яковлева „Повольники“, в баснях Д. Бедного, в рассказах Касаткина.

Большой интерес имеют наблюдения над языком наших писателей с этой диалектической точки зрения; выделяя из общерусского языка простонародные слова, провинциализмы, можно определить факты биографии писателя, его близость к известным классовым группам; кроме того, можно установить умение писателя живописать тот быт, тех людей, которые выступают в его произведении; речь этих людей, в свою очередь, дает возможность узнать их происхождение, степень образованности, речевые навыки и прочее.

Задание 6.

Выпишите иностранные слова в газетной статье. Можно ли заменить их русскими словами?

Задание 7.

Попробуйте подсчитать количество известных вам варваризмов (из наиболее часто употребляемых вами в разговорной речи).

Задание 8.

Выберите из речи почтмейстера, Анны Андреевны в „Ревизоре“ Гоголя, из речи Липочки в „Свои люди —

„сочтемся" Островского — иностранные словечки, лишние в русском языке, искаженные или неумело поставленные.

Задание 9.

Сделайте те же наблюдения над языком Андрона Непутевого (в рассказе Неверова), над речью Ершова в рассказе Сейфуллиной „Инструктор красного молодежа", над речью разных ораторов, рассказчиков в очерках Вяч. Шишкова (в сборнике „Торжество", Госиздат, 1925 г.), и решите, где живой говор, и где автор намеренно увеличил неправильности речи своих героев, больше говоря от себя ради красного словца.

Задание 10.

Записывайте меткие, поразившие вас выражения, словечки, услышанные вами на улице, в вагоне (трамвая, жел. дороги), на базаре и т. п.

Задание 11

Найдите слова, наиболее ходкие у людей какой-нибудь профессии, группы людей, связанных общностью интересов труда (словарь школьника — ср. „Очерки бурсы" Помяловского; словарь рабочего-металлиста, текстильщика, транспортника, служащих в торговом предприятии и т. д.).

Задание 12.

Откуда заимствованы и что значат выражения: *панический* страх, *гомерический* смех, *химера*, *эпигоны*, *прокрустово* ложе, *спартанское* воспитание, между *Сциллой* и *Харибдой*, пение *сирены*, его *муза* замолчала, *цербер* [1]?

Задание 13.

Отметьте в „Медном Всаднике" Пушкина славянизмы, формы народного языка („сбираясь свой убыток важный на ближнем выместить", „ужо тебе" и др.); черты северно-великорусского говора („по ближним улицам и *дальным*"); слова, заимствованные из иноземных языков.

---

[1]) Ср. Ф. Ф. Зелинский. Античный мир, т. I, вып. 1—3. Изд. 1922 г. Михельсон. Объяснительный словарь иностранных слов. 1898 г.

Задание 14.

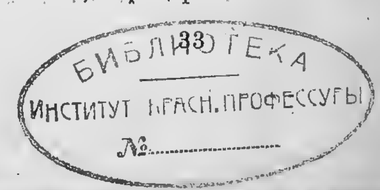
Составьте список слов, обозначающих инструменты, механизмы, машины, технический процесс производства на заводе или на фабрике, в мастерской слесаря, токаря, столяра, и т. д.; на вокзале (паровоз, вагон), в порту, на пароходе; водопровод, трамвай, типография и проч.

Задание 15.

Укажите отличия в словообразовании, фонетике, в строении фразы между литературным языком и языком крестьянки в „Мужицком сказе о Ленине", записанном Л. Сейфуллиной.

За сто сорок верст, в буранную зиму тысяча девятьсот восемнадцатого, ехал за новостями в город мужик Никита Минушев. И прихватил меня с собой. Обжигающий, холодный ветер и колючая позёмка заставили нас еще до сумерок свернуть к ночлегу. В избе у знакомых Минушева, на расшатанной деревянной кровати, на деревянных скамьях у стола за прозеленевшим самоваром, оказалось много свернувших с дороги путников. Тоже хозяевам знакомцы. Тоже — за новостями в город, не боясь переметенной бураном дороги. До темноты оглядывали друг друга затаенными мужицкими глазами. Обменивались утвержденными, как обычай, при встречах сообщениями о ценах на хлеб, об отсутствии товаров и очень осторожно о новых порядках. Но в час, когда от нечистоплотной мужицкой одежды, от дыхания сбившихся в маленькой избе людей начал тускнеть и мигать огонек пятилинейки под потолком, разговорились бабы. И сухощавая серолицая хуторянка с пеплом седины на выбившихся из-под бабьей повязки волосах с выцветающими черными глазами, рассказала не спящим сказку про Ленина. Как Ленин с царем народ поделили:

„Вот приходит один раз к царю Миколашке самый главный его генерал. „Так и так, ваше царское величество, в некотором царстве, в некотором государстве объявился всем наукам обученный дотошный человек. Неизвестного он чину-звания, без пашпорту, а по прозванию Ленин. И грозит этот самый человек: на царя Миколая приду, всех царевых солдат одним словом себе заберу, а генералов всех, начальников, офицеров-благородию и тебя, царь Миколай, в прах сотру и по ветру пущу, слово такое есть у меня". Испугался тут Миколашка-царь, ногами вскакнул, руками всплеснул, громким голосом воскричал: „Отпишите скореича человеку тому, чину-звания неизвестного, без пашпорту, а по прозванию Ленину, пусть не ходит с тем словом на меня, не крушит в прах меня, генералов моих, начальников, офицеров-

благородию, а за то отдам я человеку тому полцарства моего!“ Набежали тут к царю люди ученые, скоро-скоро, с задышкою, обточили перья вострые, отписали тому Ленину: „Так и так, не ходи ты, Ленин, на царя Миколая со словом твоим, а забирай себе полцарства Миколаева без бою, без ругани“. И мало ли, много ли, а в скорости прислал ответ письменный тот человек, чину-званья неизвестного, без пашпорту, а по прозванью Ленин. И отписывает Ленин царю-Миколашке: „Так и так, прописывает, согласен я получить от тебя, царь-Миколашка, половину царства твоего. Только отписываю я тебе уговор, как мы делиться с тобой станем. Ни по губерниям, ни по уездам, ни по волостям. А вот так, прописываю я тебе, на какую дележку с тобой я согласен, и чтоб без никаких больше разговоров. Забирай ты себе, царь-Миколашка, всю белую кость: генералов, начальников, офицеров-благородию со всеми их отличьями, со всеми чинами, крестами, наградными аполетами, с супругами благородными, с детями их белокостными. Господинов-помещиков со всем их богачеством, с одёжей шелкóвой и бархатной, с посудой серебряной позолоченной, с супругами ихними и с отродием. Забирай себе купцов с товарами ихними, с казною несметною, и из банков пущай заберут всю казну свою. Забирай себе всех заводчиков и с казной, и с машинами, и со всем их заводским богачеством. А мне отдавай всю черную кость: мужиков, солдатов, фабричных, с немудрящей ихней шараборой. Только скот на племя оставь, поля травные да землю-родильницу для пахотьбы“. Прочитал письмо Миколашка-царь, заплясал ногами в радости, зашлепал в ладошки в веселости и приказал своим генералам, офицерам и начальникам: „Сей же час отпишите тому Ленину на все полное согласие. И какой же он есть всем наукам обученный, слово тайное знающий, коль от всей казны несметной моей, от товаров купеческих, от припасов помещичьих отказывается, а забирает себе черную кость безо всякого пособия. А на тую казну мы себе другую черную кость наймем, из тех нанятых в солдаты заберем, и будем жить опять в покое да в богачестве“. Набежали тут опять к царю спешно-спешно, с задышкою, многие люди ученые, обточили перья вострые, отписали тому Ленину царево согласие. А на счет надсмешки и не гукнули, чтобы не одумался, не пошел на них с тайным словом своим. И мало ли, долго ли, а в скорости наезжает тишком-тихонечком тут Ленин к своим солдатам, мужикам и фабричным. А царь с костью белою уж подальше отъехали. Глядят мужики, солдаты, фабричные, а приехал к ним простецкий хрестьянский человек и говорит им: „Товарищи, здравствуйте!“ Куда глаз хватил, всех за ручку подержал и объявил громким голосом: „Буду с вами я в одном положении, как есть мы теперь товарищи. Только вы меня слушайтесь, я всем наукам обученный и своих товарищев на худое не выучу“. Солдаты по солдатьей своей выучке сейчас: „Точно так, товарищ Ленин, слушаюсь“. Фабричные, городской народ

грамотный, со сноровкою тож ему не прекословили. А мужики изобиделись, что в расчете просчитался он, зашумели, загалдели задвигались: „За что, про что опустил из рук казну и богатство несметное? Разделил бы нам, мы бы в хозяйстве поправились“. Засмеялся тут Ленин, головой качнул и сказал им в ответ такое слово: „Не глядите, не корите, забирайте землю, скот и хозяйствуйте. А там будет дело видное. Не хватило бы казны той про вас, как есть вас многие тысячи, а белой кости малые сотенки. А нащет того, чтобы всю белую кость совсем со света свести, то слово я знаю, еще не полное. Не докумекал маленечко. Но есть у меня другое, достоверное на всю черную кость по всёй земле. Как скажу его, нигде белая кость не найдет себе ни солдатов, ни работничков. Все под мою руку уйдут, а от их откажутся. И как есть они не добытчики, а прожитчики, то им долго на белом свете не выстоять“. И мало ли, долго ли, а в скорости, как сказал, и приключилось так. Прискакал верховой к Ленину, привез ему известие от Миколашки-царя. И отписывает в том известии Миколашка-царь: „Так и так, Ленин, надул ты меня. Взял себе всю черную кость, а мне отдал не добытчиков, а прожитчиков. Генералы мои, офицеры-благородия, как кони стоялые без солдатов нашинских. Только пьют, едят да жир нагуливают. Господины-помещики все припасы свои уж поканчивают, одежу из сундуков донашивают, без опаски изорвали всю, позамазали. Проторговались купцы мои, без мужиков некому им товар свой лежалый сбывать. Заводчики мои все машины посбивали, перепортили. Как нету сноровки у них, по книжному и знают, а к винту не подладят. А чужеземный чернокостный народ на службу к нам не наймется, под твою руку прет, на твое слово тайное. И как дошло нам дело, что хоть ложись да помирай, то идут на тебя войной генералы мои, офицеры-благородия, чтоб отбить нам назад к себе всю черную кость“. И с того теперь война пошла промеж белой костью да черною. Только долго белой не выстоять, как привыкли генералы, офицеры-благородие команду на солдат кричать, войски туды-сюды передвигать, а сами в войне отбиваться непривычные, как есть в них жила тонкая. И недолго им на белом свете выстоять“...

Погасла лампа. Храпели мужики. Бормотала спросонок баба. А худощавая стареющая хуторянка, сидя на тулупе своем, на полу, истово, напевно, как молитву, выговаривала смешные и трогательные слова своей сказки. У ней были добавления и отступления, которых я не помню. Не помню точных слов, но характер слов, содержание, ритм речи ее я помню. Как сейчас слышу...

Задание 16.

Укажите особенности говора в отрывке из повести Ф. Гладкова „Огненный конь“:

В разные стороны бросила их революция...

Шел Гмыря к Гузию поздним вечером. Тьма была. Ресничками мигали одинокие огоньки в далеких хатах, а хаты близкие с копнами садов валились на него черными ометами. Шел Гмыря без дороги, бродом через озера грязи, хлюпал в ней сапогами и мотылял руками, чтобы не упасть...

Долго не отпирали Гмыре. Брехала собака на цепи и рвалась с грохочущей привязи. А потом нелюдимый голось Гузиихи просочился через дверь:

— Чи свой, чи ворог?

— Коли свой, то — не ворог, тетка Гузииха... Какой сустречь Гмыре?.. Коли почитаете ворогом, тетка Гузииха, идите себе в камору... Коли принимаете до своего — отчиняйте... До друже Андрея точку имею...

— Ой, Гмыря!.. Пришел в ночи — не быть отрады...

Защелкала крючками и засовами и, бормоча молитву, отворила дверь.

— Тихонько, Гмыря, бо Андрей — недужный... Не хвороба, а душа хмарна... Слепа душа его для меня... Пробуди его, Гмыря...

Она захлюпала и засморкалась от слез.

— А ну, давай его, тетка Гузииха!.. Я излечу его, недужного...

— Был на войне Андрей — и был живый!.. Пришел живый — и стал мертвый...

— Я возьму его на точку, тетка Гузииха...

Знакомая комната с детства. Тот же низкий потолок. Цветы — на окнах, за кисейными занавесками враспашку; цветы по углам — фикусы. На стенах — лубки и фотографии. Также много икон в ризах; и под ними — самовар, на столике. Тот же запах, который не мог разобрать Гмыря, не то ладаном пахло, не то свежим хлебом, не то цветами. Старый запах, оставшийся от прадедов.

Ходил Андрей по комнате в нижней рубашке, в шароварах бурдюком и курил. Увидел Гмырю — остановился. Усы казацкие взметнулись от улыбки. Горбатый нос клювом строг, и глаза в черных ресницах, в черном гнезде бровей — холодны и непроницаемы, с своей спрятанной мыслью.

— А-а, друже!.. Ждал... знал, что прийдешь...

— Ох-хо, вояка!.. Навоевал... Туба!.. На отдых — к мамке, к тетке Гузиихе?.. Пошто охромел, друже?..

Обнялись и поцеловались, но вышло по чужому, по-мертвечьи.

Гузииха прошла мимо них, посмотрела с надеждой и любовью и скорбной тенью растаяла во тьме раскрытой двери в другую комнату.

Посмотрели пристально друг на друга и отвернулись, чтобы скрыть свои взгляды.

— Садись, друже... Чаем не угощаю: ни чаю, ни сахару... Мать подчует только молоком...

— Не надо... Пришел до узгляда... послухать твою балачку... Иде стал хромый?..

— Слышал, друже Гмыря... Шуруешь... руйнуешь все укрепы, хай тебе перец!.. Большевик — знаю... знал, что будешь... и пойдешь на голгофу...

— Ну, а ты?.. Иде твоя доля?

— Что — я?.. Де ты бродышь, моя доле?.. Моя доля — с поля...

— Ну, и... страждали вместях... вместях и дале — до шляху... до бедного люду...

Андрей не ответил, отвернулся, закашлял и захромал к черной дыре в другую комнату.

— Мамо! дай, голубко, молока нам по чупурушке...

Постоял там немного спиной к Гмыре и опять задылял обратно. Чужими, тусклыми глазами взглянул на него и опять взметнул усами от улыбки.

— Вместях до шляху, говоришь?.. Може, и до шляху... може, и вместях... Какая будет доля...

„О-хо, гадает гадалки... Не тот Андрей... Гляди в оба!..“

— А знаешь свой путь, Гмыря?.. Голгофа — не путь... тот шлях — не шлях, а казнь...

— Что такой — голгоха?.. Дюжо мудро и беспонятно... На отую Голгоху Христа гнали... с крестом... А как же я...и ты?..

Опять взметнулись усы от улыбки у Андрея. Отвернулся и помолчал. Потом посмотрел через плечо на Гмырю и с судорогами в лице сказал надрывно:

— Крестом началась наша голгофа на войне... А тут красным — флагом... кровью... Там — гнали, а тут — взбесились... Чортова пляска... тарарам... бычий хмель... Може, другая, но — голгофа...

— Да то — в писании... крест и распятие... на отой голгохе, Андрей... А у меня — красный флаг... мой!.. До бою иду и до кровей... до правды... Вот оно иде, друже... Тут!.. в грудях!.. Чуешь?..

Хотел сказать что-то огромное, огнем вспыхнувшее в душе и — не мог: не было слов, не было жестов, не хватало человечьего духу... Ухнула взрывно из недр души бурная мысль, потрясла мозг и опьянила его болью и восторгом.

Опять через плечо взглянул на него Андрей, и Гмыря почувствовал во взгляде его тоску и ненависть. Хотел Андрей сказать, что-то из души, но замыкался силою воли, только дышал редко и глубоко, и от этой борьбы с собою осунулся, побледнел и раздувал ноздри.

Подошел близко к Гмыре и сказал не обычным станичным жаргоном, а как говорят книжные люди.

— А что если красное твое знамя превратится на голгофе в крест?.. Проклятие — голгофа... гибель человека... бессмысленная жертва... ты понимаешь это, Гмыря?..

И отошел в тревоге и волнении.

— Не хочу голгофы... Не хочу, чтобы раскололась душа... а уж если пойду, то...

„Ага!.. гадалки — балачки... колдует, хлопоче...“

И когда Гузииха показалась с подносом в руках, обрадовался Андрей, срывно захромал к ней навстречу и взял поднос из ее рук.

— Вот спасибо, мамо... Иди себе, голубко, я сам... Тягни, друже, чепуруху... булку казацку, кулацкую... паньскую... и — лакай... Ну и барбос же ты, хай тебе перец!..

Улыбался, шутил гостеприимно, но ломал себя и был бледен.

— Череспочему стал хромый, друже Андрей?.. Был не хромый — стал хромый?..

— Подстрелили, хай им перец!.. Большевики...

— От туда к чорту!.. Бил большевиков, чи как?

— Признаюсь по старой дружбе: воевал... потом сдались... сказал — не буду... и не буду, будь оно проклято...

— Не будешь, х-хы? Чо робить будешь?

— Чи я знаю?.. Баранов водить отарой... або быков... по степях... Будь оно неладно, друже... ей-бо!..

„Вот они какие гадалки... Чи враг, чи друг?

Встал Гмыря и подошел вплоть к Андрею.

— Ты мне — друг... и страждали вместях в кровях... Хлопчатами бегали вместях голопузыми... и что говорил там, с окоп?.. Бедного люду стребляют не в боях, а своим зубом... стервятники... Забыл?.. О-хо, того не забудешь... А тут — во!.. живое, формазонное... И вот оно иде — нещадно и несмертно... Брызнуло и гекнуло: с дороги, вороги! Порушу ваше логово и сустрою свою долю... ты приймал муки, Андрей, с бедным людом... Был я с тобой без дней и ночей... иде ты и я?.. Одно жерново... иде пойдешь?.. какою кровью, Андрей?..

Заволновался Гмыря и приник душою к Андрею.

Молчал Андрей и холодно смотрел в одну точку в переднем углу.

— Какою кровью шел, Андрей?.. какую кровь взял на огонь?.. Мою кровь!.. стал хромый от моей крови... До такого шляху подыймешь крест, Андрей?..

Все молчал Андрей и смотрел в передний угол зачарованными глазами из черного гнезда бровей.

Пузатый, утробный самовар стоял под иконами и огромным глазом пристально смотрел на них, как домовой. Уютно и грузно пузырился он в углу и идолом улыбался тупой жирной ухмылкой. Черные ящики икон в серебряных ризах за стеклами крыльями обнимали его сверху. Чудился древний нерушимый бог, насыщенный духом прадедов.

Засмеялся Гмыря и отошел от Андрея. Что-то в Андрее было похоже на то, что почувствовал он в этом углу. И растаял вдруг Андрей и превратился в этого глазастого самоварного идола.

— И так, за свиданье, друже!.. Дышло с души вышло... х-хы...

Не глядя на Андрея, пошел к двери Гмыря. И когда взялся за скобку, окликнул его Андрей:

— Друже, а не выпил со мною молока...
— А хай оно скиснет... туба!..
— Не сердиться, Гмыря!.. недужен я... чую, Гмыря: друже, страшна твоя правда... Богато я знаю страху, но тот страх — спереду... а этот страх твоей правды — преисподний. Я слишком вояка, чтобы не бояться... Чуешь?..

Андрей издали смотрел на Гмырю и подрыгивал больною ногой. В глазах его острой занозой дрожал уголек, жуткий обжигающий душу до лихоты.

Задание 17.

Выпишите провинциализмы в стихотворении Н. Клюева и укажите их родину [1]):

Что ты, нивушка, чернешенька,
как в нужду кошель, порожнешенька,
не взрастила ты ржи-гуменницы,
а спелегала — к солнцу выгнала
неедняк-траву, с горькой пестушкой?
Оттого я, свет, чернотой пошла,
по омежикам замуравела,
что по ведру я не косулена,
после белых рос не боронена,
рожью низовой не засеяна...
А и что ты, изба, пошатилася,
с парежа-угара, аль с выпивки,
али с поздних просонок разхамкавшись,
вплоть до ужина чешешь пазуху,
не запрешь ворот — рта беззубого,
креня в сторону шолом — голову?
Оттого я, свет, шатуном гляжу,
не смыкаю рта деревянного,
что от бела дня до полуночи
„Воротись" вопю доможирщику,
своему-ль избяному хозяину.
Вопия, надорвала я печени:
глинобитную печь с теплым дымником.
Видно утушке горькой — хозяюшке
вековать приведется без селезня...
Ты, дорога-путинушка дальняя,
ярый кремень да супесь горючая,
отчего ты, дороженька, куришься,
обымаешься копотью каменной?

---

[1]) Воспользуйтесь „Толковым словарем живого великорусского языка" Владимира Даля или привлеките „Словарь областного Архангельского наречия" Подвысоцкого (1885) и „Словарь областного Олонецкого наречия" Куликовского (1898).

Али дождиком ты не умывана.
не отерта туманом-ширинкою,
али лапоть с клюкой-непоседою
больно колют стоверстную спинушку?
Оттого, человече, я куревом
замутилась, как плесо от невода,
что по мне проходили солдатушки
с громобойными лютыми пушками.
Идучи, они пели: „лебедушку
заклевать солеталися вороны",
друг со другом крестами менялися,
полагали зароки великие:
„Постоим-де мы, братцы, за родину,
за мирскую Микулову пахоту,
за белицу-весну с зорькой-свеченькой,
над мощами полесий затепленной!..".
Стороною же, рыси лукавее,
хоронясь за бугры да валежины,
кралась смерть, отмечая на хартии,
как ярыга, досрочных покойников...

Задание 18.

Составьте словарь народных (некнижных) выражений и провинциализмов в рассказе Тургенева „Бежин луг", в повестях Л. Толстого „Казаки", „Поликушка".

Задание 19.

Запишите речи на собрании в сельсовете, горсовете и разметьте слова и обороты (с ударениями) по группам: книжно-литературные, варваризмы, славянизмы, народные и местные выражения.

Задание 20.

Выделите технические термины и выражения в данных текстах:

а) ЖЕЛЕЗНАЯ ТИШИНА.

В черной короне заводской трубы торчит шест с паутинными остатками красного флага. Водружали его весною, в праздник, под радостные крики и песни. Он бурлил в синеве комочком крови, видный полям, лесу, деревушкам и окутанному мглою городку. Ветер рассек его, оборвал и клочья унес в перерезанные мертвой насыпью просторы.

Вороньё чистит клювы о шесты, каркает и спокойно глядит в черный зев, откуда десятки лет ввысь и вдаль неслись косяки дымных птиц.

Стеклянные крыши мастерских дырявы. Из протемей в небо округло глядят недвижные трансмиссии. Дремлют моторы. Дождь и снег изранили серебряные от бега и объятий ремней шкива. Суппорта прилипли к сухим станинам. Суставчатая рука электрического крана заломлена и беспомощно свешивается с разметочной плиты. На постели похожего на гигантский трон строгального станка развалившимся костяком сереют болты, угольник, планки и гаечный ключ.

В гитарах самоточек дрожат запорошенные снегом тенета пауков. Следы резцов на недоточенных валах и рычагах заволокла короста застоя. По сверкающим ниткам винтов прошел язык немоты, слизал масло и закруглил их ядом ржавчины.

С полуденной стены тускло глядит побуревшая надпись: — „Хоть шторы повесьте, душно". Стены не изменяют. Снаружи их изранили пулями, снарядами. Сколько веры, тоски, болей, радости и гнева взрывалось в них.

Эй, каменные!.. помните?..

Вон там, в углу, среди револьверных станков и американок, под свист ремней, щелканье собачек и журчанье шестерен тайно шелестело книжками целое поколение. Чует ли оно тоску застуженных колес и рычагов по бегу и теплу мускулов? Налетевшая буря, как семена пахарь, разбросала его по всей земле. Постель запыленного строгального станка не раз служила ему трибуной. С суппорта, словно с ворот, свешивалось знамя с золотым и белым „Да здравствует"...

Н. Ляшко.

б) ПЛАСТЫ.

Когда подъехали, ряды шахтеров становились гуще: наступала смена. Кончившие работу, „упряжку", шли по одному, по паре, семеня ногами, качая лампами, усталые, точно пьяные, но приятно раздраженные светом.

Новая смена, спугнутая, точно стая черных птиц, только тронувшихся из домашних гнезд, из тепла и уюта,— стояла скопом в наспех одетых брезентовых костюмах, насквозь пропитанных угольной пылью. Стояли бодро, но настороженно, как всегда шахтеры перед работой, всегда угрожающей жизни. И громко, точно глухие, беседовали, крякали, ругались, шутили, смеялись...

Поправляли, пробовали лампы, рассматривали обушки. И когда вышел последний ночной упряжечник,— стали густой лентой подниматься по лестнице к клети. Задние ряды вдыхали учащенно, точно в последний раз, солнечный, бодрый холодок. Клеть, черная, замазанная угольной жижей, взвизгнула, опустилась, грохнулась в пропасть, в темь, затанцовала, поддалась как будто вверх, и снова вниз. Черные люди молча, хмуро светили

безопасными лампами. На огромной глубине клеть вздрогнула, остановилась. Крикнуло железо, показался далекий, немигающий подземный свет, и в нос людям ударил сырой запах подземелья. Черный человек, подземный призрак, лязгнул рукояткой, позвонил, поднял железную заслонку, и люди очутились четыреста тридцать сажен под землею.

Шли долго, светя вперед скупыми лампами. Шли по главному коридору — штреку, вырубленному десятки лет тому назад, двигались по узким рельсам в два ряда. Голову подпирает потолок из брусьев. По бокам узкого коридора — тесная рама из бревен. Сквозь широкие щели видны бесконечные обвалы крыш над вынутыми пластами: горы сланцевой руды.

Шли долго, версту, другую, из коридора в коридор, и нет им как будто конца. Со всех сторон идет лязг, скрежет тяжелогруженых вагонов, громыхание порожняка и фырканье мрачных привидений — лошадей.

Угольщики, настороженные, чуткие невидимки, гибкие как вьюны, — по звуку, по гомону различают, откуда и какие идут вагоны. И в последнее мгновенье ловко-привычно избегают удара, увечья, а то и смерти.

Из нового коридора навстречу ударяет сгущенная, точно бомба, струя свежего воздуха, накачиваемого с поверхности. Черные тени людей-привидений по дороге редеют, рассыпаются по боковым коридорам, по штрекам, по квершлакам — к бремсверам, к куткам, где идет рубка угля.

Бремсвера идут под уклоном. Сверху вниз самотеком скользят по рельсам порожние вагонетки, а рядом, по вторым рельсам, двигаются вверх, силой самодвижущегося железного каната, нагруженные вагоны, идущие из забоя.

Забоя не видно: он расположен по сторонам низкими логовищами — „кутками“ — в пол- и три четверти аршина. Кутки разветвлены по особому плану разработки бремсвера.

Шипят насосы, льется водопадом вода, струится фонтаном накачиваемый сверху воздух. Подземными тенями бродят настороженные черные люди: крепильщики, вагонщики, коногоны, козловщики, ламповщики и цари шахты — забойщики. Они ощупью узнают, где в бесконечном лабиринте логовищ расположен нужный им куток. Шахтеры друг друга узнают ощупью, точно слепые, а впереди них, в вечном мраке, всегда двигается светлая точка лампочки.

Квершлак, где вчера взорвана динамитом порода, сегодня одет в раме из брусьев. В квершлаке, в штреке, в коридоре, в сравнении с забоем — благодать. Здесь можно поднять голову, прислониться к стене, дышать свежим притоком воздуха. Здесь можно присесть на наваленные брусья для крепи. Отсюда, наконец, в минуты опасности легче выбраться к клети.

Вытянувшись плашмя, люди-кроты лезут по забою: здесь он вышиною в три четверти аршина. Спины и головы упираются

в гладкую, местами оцарапанную крышу. Крыша, на которую давит величайшая тяжесть, вся крошится, шелушится сланцевыми тяжелыми листами. Эта крыша, унесшая много жизней, угрожающе нависает над головами забойщиков. В туче угольной пыли, крепко согнув колени,— полулежа работают голые по пояс люди. Лица — чугунно-черные маски из угля, и на маске фосфорическим блеском горят расширенные зрачки. Глаза, как и все тело, жутко настороженные, как на войне, в разведке, а мускулы напряжены, как во время боя.

Угольная пыль, смешанная с опасным угольным газом, кружится в черном вихре и застилает все, кроме глянцевеющего пласта, освещаемого лампочкой.

Голый до пупа человек ровными крепкими взмахами вонзает в черно-блестящую спину пласта тонкое круглое острие обушка и отрывает глыбу угля. Глыба рассыпается в куски, в мелочь, в пыль. Он ударяет сочнее, глубже, рушит огромный кусок стены, и стена превращается в груду угольного мусора. Он бьет все дальше, выбирая точку для удара, бьет все напряженнее и двигается вперед, как по туннелю. Ему надо пройти пятнадцать сажен, чтобы выйти на противоположный штрек.

Каждый вершок оголенной пасти земли грозит обвалом, любая часть крыши, не выдержав давления, может его похоронить под своими обломками. Вчера они втроем чуть живого вытащили забойщика Хлябова, вынесли из забоя на руках к клети и там откачали.

Забойщик, пройдя шаг по пласту, „крепит“ крышу подставками из брусьев. Брусья, по мере продвижения, растут зигзагами, как лес. Но и за крепью следи чутко: глухой звук бруска, треск — это весть о неминуемом обвале: надо успеть выбраться и предупредить товарищей.

Рядом, на горе угольной муки, плавает в черном океане вагонщик. Он выгребает из кутка уголь и накладывает лопатой в вагоны.

А. Перовский.

в) От кудрявых стружек тянет смолью,
духовит, как улей, белый сруб.
Крепкогрудый плотник тешет колья,
на слова медлителен и скуп.
Тёпел паз, захватисты кокоры,
крутолоб тесовый шоломок.
Будут рябью писаны подзоры,
и лудянкой выпестрен конёк.
По стене, как зернь, пройдут зарубки:
сукрест, лапки, крапица, рядки,
чтоб избе-молодке в красной шубке
явь и сонь мерещились — легки.

Крепкогруд строитель-тайновидец,
перед ним щепа, как письмена:
запоет резная пава с крылец,
брызнет ярь с наличника окна.
И когда очёсками кудели
над избой взлохматится дымок —
сказ пойдет о Красном Древоделе
по лесам, на запад и восток.

Н. Клюев.

Задание 21

Замените „местный язык“, записанный Короленко в сибирской крестьянской семье, провинциализмами вашей местности.

Было темно. Я лежал на узкой холодной лавке под черной от копоти бревенчатой стеной. Стены и потолок уходили куда-то в мутную высь. Надо мной, светя мне в лицо березовой лучиной, стояла странная фигура в овчинном полушубке мехом вверх и в такой же меховой шапке. Незнакомец бесцеремонно поднес лучину к самому моему лицу, и мне при этом свете виднелись лишь два маленьких живых глаза на рябом лице, сверкавшие почти звериным любопытством. В это время дверь открылась, и, пахнув холодом, вошла старшая хозяйка, стряхивая снег.

— Чё-ко-ся это?.. Что за мужичок у нас? — спросил незнамец, отводя лучину от моего лица.

— Не трог, — ответила баба... — Ссыльный это новый. Староста даве привез...

— Эк-ка беда, эк-ка беда, — сказал он слегка гнусавым голосом. — Пошто̀ принял старик. Гнать бы...

— Молчи ино̀... Платить, слышь, хочет... три рубля... Мужик, — староста баял, — просужий, чеботно́й, слышь... Принес ли чё? — спросила она вдруг с некоторым беспокойством. — Три дня полевал ведь...

— Ничё не принес... — ответил молодой мужик неохотно, отвязывая пустую сумку и кидая ее на лавку... — Эк-ка беда, эк-ка беда... Заголодал я вовсе... ем бы я чё-ко-ся, мамка.

Голос у него был гнусавый и жалобливый, как у капризного мальчишки.

— Погоди ино́... Вот затопляю еще...

И, взяв в руки палку, она постучала по брусу полатей.

— Слезайте, мужички, слезайте ино́... Затопляю я, затопляю!..

На полатях послышалась возня и движение...

— Где у меня лапоть... Мамка-а-а, а, мамк... Петрован, чо-орт, — говорил мальчишский голос.

— Ищи сам.. Кто тебе, лешаку, искать будет... — ответил другой.

— А вот я бич возьму, — отозвался дребезжащий и злой голос отца... — Как зачну хлестать по шарам [1]), у меня живо встанете... Слышите: мать затопляет...

С полатей слышалось хныканье и ленивая возня...

Между тем хозяйка сунула в печку пук зажженной лучины, и оттуда вскоре повалил дым прямо в избу.

В то же время она открыла дверь в сени, и оттуда хлынули клубы холодного пара, обдавая меня на моей лавке. Я торопливо докончил свое одевание.

Задание 22.

Что представляет с точки зрения литературного языка данный отрывок из рассказа Вс. Иванова „Бронепоезд № 1469".

У пришиби [2]) яра бомы [3]) прервали дорогу, и к утесу был приделан висячий, балконом, плетеный мост. Матера [4]) рвались на бом, а ниже в камнях билась, как в падучей, белая пена стрежи [5]) потока. Мужики остановились, закурили. Привал решили не делать. Пройти Давью деревню, а там в сопки [6]) близко, и ночью можно отдыхать в сопках. У поскотины [7]) Давьей деревни босоногий мужик с головой, перевязанной тряпицей, подогнал охлябью игренюю лошадь и сказал...

Задание 23.

Укажите образцы „народной этимологии" в рассказе Лескова „Левша".

Задание 24.

Составьте по указанной программе *местный словарь бытовых названий* в той местности, где жили, куда пойдете в экскурсии; необходимо, указывая слова или названия, приводить их в целом предложении (у нас людей *богато*), объяснить значение слов, описать форму предмета и отметить степень распространенности как предмета в данной местности, так и слов (общераспространенные, редко употребляющиеся и проч.).

---

[1]) Глазам.

[2]) Подножие яра — крутой скалистый берег.

[3]) Камни, преграждающие течение потока.

[4]) Главная сила струи потока.

[5]) Сильнейшие струи матеры.

[6]) Сопки — покрытые травой горы (Д. Восток), но часто в В. и З. Сибири сопками называются вообще горы, возвышенности.

[7]) Ограда вокруг деревни, в которой пасется скот.

1) Привести слова, обозначения и выражения для названий: явлений природы, времен года, признаков погоды и проч. (напр., для названий молнии — молна, молвия и проч.; радуги—веселуха, веселка; говорят ли: водополье, раздополье, половодье, вьялица, кура, буран, пурга, хижа, сыпуха, наст и т. п.); особенности названий для времен года, месяцев, недель, дней — бабье лето, листопад, чортова неделя, радуница, купала, коляда; как называются морозы (крещенские, утренники); названия ветров и проч.

2) Местные географические названия реки, озера, урочищ, холмов.

3) Названия частей реки, озера, пруда (заводь, ез, плесо).

4) Названия разных угодий и частей леса, поля, холмов, гор, оврагов, изгородей (загон, пустошь, шолом, частокол, и т. п.); не употребляется ли слово „деревня" в значении „пашня"?

5) Названия деревьев, кустарников, цветов, трав, ягод, грибов в данной местности (брусника, гонобобель, журавики и т. п.). Нет ли названий трав, с которыми связано особое представление: соняшник, сон-трава, надушница и проч.

6) Названия возделываемых полевых и огородных растений (гречиха, ярица, желтуха и т. п.), части этих растений в их естественном виде (перо, коленце ржи, тина у картофеля и т. п.), части их в обработанном виде (мякина, отруби).

7) Названия домашних животных (пороз, мерин, кочет, пеун, клуша), зверей (векша вместо белка, бирюк), птиц, рыб, насекомых, пресмыкающихся; характеристика их качеств в названии (серыш, суягная овца, крекаль).

8) Названия частей тела человека и животных (голяшка, лизун). Названия, характеризующие свойства и особенности человека (сутулый, горбоносый, рохля и т. д). Указать названия болезней человека и домашних животных (ящур, сап, колики, чесотка, трясуха, золотуха); средства народной медицины и лекарственные растения.

9) Части села (улица, конец, кормыш, порядок, погост).

10) Составные части крестьянской избы и построек, а также названия надворных построек (задняя изба, горница, светелка, голбец, корзина, западня, переборка, сарай, царай, клев, рига, пуня). Части крестьянской печи (устье, шесток, загнетка и т. д.).

11) Название домашней утвари (например, квашня, домница, бадья, чумичка, хлебалка, шевырка, вместо ложка и т. п.).

12) Украшения построек, резные, пиленые, расписные и др.

13) Название мужской и женской одежды и обуви летней и зимней, будничной и праздничной. Также названия материй и домотканины (плис, пестреть, выбойка, кумак или кумач и проч.).

14) Различные виды украшений.

15) Названия земледельческих орудий и их частей.

16) Названия земледельческих работ (полка, сев, сенокос и т. п.), а также названия различных действий (вспарить, брать лен и т. п.). Как называют в местности кучу снопов, сложенное сено, хлеб, солому (суслон, омет, стог, и т. п.)

17) Названия участков обрабатываемой земли (межа, грядасотня, целик).

18) Названия видов общественной взаимопомощи в сельском хозяйстве (помочь, толока).

19) Праздники, приметы и поверия, связанные с земледелием.

20) Слова и названия, употребляемые на охоте, а также при рыбной ловле: названия неводов, сетей, поплавков и проч.

21) Названия, употребляемые при занятии пчеловодством.

22) Названия ремесл, промыслов и производств, известных крестьянам, орудий производств, а также самых предметов таких производств.

23) Названия дорог и мостов (большак, проселок, гать).

24) Названия крестьянской упряжи и различных видов повозок и лодок, а также средств и способов переноски (мостинка, кошель, торба).

25) Названия кушаний и напитков (например, колобок, преснушки, шаньги, похлебка, варя, брага, самогонка и т. д.).

26) Названия, устанавливающие взаимоотношения в семейном и общественном быту: а) названия родственников близких и дальних; названия, даваемые соседям, а также должностным лицам; прозвища и фамилии; б) слова и названия, употребляемые при сватовстве, на свадьбе (дружка, поезжане, пропой, девишник и проч.), при обрядах рождения, похоронах и проч.; в) названия игр и народных развлечений.

Задание 25.

Записывайте в деревне произведения устного народного творчества, собирайте в школьном музее материалы по следующим вопросам:

1) Поются ли в нашей деревне песни? Рассказываются ли сказки? Исполняются ли похоронные причеты? Совершаются ли свадебные обряды? Совершаются ли обряды весенние, летние и осенние? Водятся ли хороводы? Есть ли „беседы“ или „посиделки“? Употребляются ли „заговоры“?

2) Чем отличаются песни молодежи от песен стариков? Поются ли частушки? Кто их сочиняет? Какие явления жизни они отражают? Отразилась ли в частушках война? Отразилась ли революция? Есть ли среди молодежи стихотворцы?

3) Кто лучшие певцы и певицы, сказочники и сказочницы в нашей деревне? Опишите каждого из них. Соберите сведения об их жизни, воспитании и образовании. От кого каждый из них научился петь и рассказывать? Каковы особенности рассказывания или манера пения каждого из них?

4) Соберите и запишите одну и ту же сказку от всех тех, кто на деревне ее рассказывает. Сравните записанные варианты друг с другом. Есть ли отличия? Не отразилась ли в этих отличиях как-нибудь личность отдельных сказочников, их вкусы, интересы, степень культурности?

5) Запишите одну и ту же сказку несколько раз в течение года от одного и того же рассказчика. Одинаково ли он каждый раз сказку рассказывал? Чем вы объясняете эти различия?

6) Какие есть в деревне рассказы о войне? Как в этих рассказах обрисовалась революция? Какие есть воспоминания о революционных событиях в местном крае?

7) Есть ли рассказы о крепостном праве в вашей деревне? Какие были в крае помещики, и как относились они к крестьянам? Есть ли сказки о барах? Как вспоминает деревня в своих песнях и рассказах о барщине, оброке, службе на господском дворе, о приказчиках, управляющих?

8) Какие сохранились песни и сказки о прошлом местного края? Есть ли рассказы о каких-нибудь камнях, курганах, городищах, урочищах, колодцах, омутах и т. д.? Есть ли рассказы о каких-либо примечательных людях в деревне?

9) Какие существуют в деревне суеверия? Есть ли рассказы о колдунах, ведьмах, леших, домовых, полевиках и т. д.? Есть ли заговоры против нечистой силы и болезней?

10) Опишите современный свадебный обряд в деревне. Расспросите родителей, так ли исполнялась свадьба 20 лет назад? Расспросите дедушек и бабушек, так ли исполнялась она 50 лет назад? Какие произошли изменения, и чем вы их объясните? Как обрисовывается по свадебным песням положение женщины в старину?

11) Воспроизведите на школьной сцене свадебный обряд своей деревни с исполнением песен, причетов, плясок.

12) Соберите пословицы и поговорки, которые распространены в вашей деревне. Кто пословицы и поговорки чаще всего употребляет? Нет ли поговорок и пословиц новейшего времени?

13) Опишите игры детей в вашей деревне с указанием подробностей и правил. Расспросите стариков, какие игры игрались в старину? Не исчезли ли какие-нибудь игры, и не появились ли новые на протяжении последних 30 лет?

14) Составьте альбом деревенских песен и наиболее метких деревенских пословиц и поговорок. Составьте сборник местных загадок.

§ 3.

Мы видели, разнообразные причины изменяли словарный материал русского языка. Но эти изменения совершались и во многом другом: звуки, формы, синтаксис также подвергались изменениям. Язык русский в отдельные моменты его жизни представлял пеструю, изменчивую картину: новые явления уживались со старыми или вступали в борьбу; произношение и письмо расходились, орфографические начертания то уступали живому говору, то влияли на него; книжные формы ломались под напором простонародных речений или покоряли наречные навыки какой-нибудь общественной группы. Современная литературная речь не похожа на речь образованных людей киевской поры; московские книжники XV—XVII вв. и писатели XVIII века владели особыми оборотами (морфологическими и синтаксическими); язык служилых деловых людей до-петровской эпохи, этих носителей народных, диалектических особенностей живой разговорной

речи, костенел с течением времени, становился преградой для проникновения в книжную письменность народных речений; язык разговорный и язык книжный, представлявший сложную смесь болгаризмов, варваризмов, московского говора и провинциализмов, то сближались, то становились чуждыми друг другу.

Мы приведем лишь самую малость примеров, говорящих об этой текучести, изменчивости нашего языка в его элементах. Подробно об этом говорится в научных трудах по истории русского языка.

Когда-то были глухие гласные ъ и ь, о которых мы теперь знаем по беглым звукам *о* и *е* (*ротъ*: рот — рта, *дънь:* день — дня). Они стояли под ударением, как это видно из слова *днесь* (= дьнь-сь). Были носовые гласные Ѫ (юс большой) и Ѧ (юс малый). Следы этих носовых гласных, произносившихся в старину как *о* носовое, напр., во французском oncle (дядя), или *е* носовое, напр., во французском Singe (обезьяна), и впоследствии изменившихся в звуки *у, я,* имеются в словах, где звуки *у* и *я* чередуются с носовыми согласными *н, м*, напр. *надутый — надменный, время — времена, взять — возьму, звук — звонкий, жать — жну, жму, мять — мну, разминать.* Ранее различались звуки *ѣ* и *е*: в новгородских говорах XII—XIII вв. звук *ѣ* приближается к звуку *и* — им*и*ния, см*и*шон, т*и*ло мое: в галицко-волынском говоре это различие было особенно заметно: на месте буквы *ѣ* писцы галицко-волынских памятников XIV—XV вв. ставили букву *и*, передававшую звук более или менее близко к *и*, — вид*и*в, окамен*и*ло, при вечер*и*; в украинских говорах в настоящее время *ѣ* произносится то как *и* (літо, білый), то как *ие* (лието, миесто); вероятно, *ѣ* некогда звучал, как *ие*, так произносили все русские: в XIV веке в великорусских памятниках смешение *ѣ* и *е* стало обычным явлением, в южно-русских памятниках XIV века вместо *ѣ* обыкновенно писалось *и*. Исчезновение глухих гласных ъ и ь вызвало большие звуковые перемены: в украинском наречии *о* и *е* удлинялись и потом перешли в *и*: *нос* перешло в *ніс*, *воовьця* (овца) XIII века впоследствии стало звучать, как *вівця*, формы *воз, конь* дали *віз, кінь*; стечение нескольких согласных повело к выпадению их в начале и в середине слов: из *полъвътора* образовалось *полтора*, *нишкни* из *ни чхни*, *гончар* из *горнчар* (гърьньчар), *стокан* из *дъстъканъ*, *хорь* из

дъхоръ, зга (ни зги не видно) из *стьга* (ср. стезя, стёжка), *серце* (сердце) из *сърьдьце* (ср. серчать, сердечко); название города *Пльсков* превратилось в *Плесков* у одних, у других в *Плсков*, откуда *Псков*; из *Дъбряньск* получилось *Брянеск, Брянск*; из *Смольньск — Смолнескъ* и *Смоленеск (Смоленск); изба* из *истьба* (ср. немецк. Stube); из древних *неслъ, пеклъ* с XII в. имеем *нес, пек,* из древнего *пьпьръ* получился наш *перец* и *пряник* (из пьпряник), согласный *в*, имевший после себя глухой гласный, с исчезновением последнего, перешел в *у*: в рукописях XIII века находим *уторник, унук*, в современных южно-великорусских говорах *усё-всё, удова, у* город и проч.; с другой стороны, имел место переход *у* в *в*: из *заутра* получилось *завтра*.

Кроме глухих *ъ* и *ь*, исчезли из произношения другие неударяемые гласные: *ружьё* при древнерусск. *оружье*; с XIV в. *не ту* (= *несть ту*) перешло в *нет*; из древнерусск. *лише* имеем *лишь*, из *хотя — хоть, покаместь* из *пока места* (вин. мн.); *тут* (древн. *туто*); *вот* (древн. *вото*); *вон* (древн. *воно*); *скорлупа* при древн. *скоролупа* (слав. *скралупа*); *горностай* из *горностай* (ставропольское *гроностай*); в великорусских говорах *тыща* из *тысяча*; *притолка* (при *сутолока*); *стойло* из *стояло*. Многие слова сократились: из *надобе — надо*, из *гляди — ли*, из *топерьво — теперь*; *мол* от глагола *молвить* (да и то *мол* Петру = *молви*, повелит. форма, в одном памятнике XVII в.; „вашему дедушке и донесли, что Петр Овсяников, мол, на вас жалуется“ — (Тургенев); из *скажеть — скать (дескать)*; соврем. великорусск. *шиворот* из шивоворот, *де* из *деетъ* 3 л. ед. ч. от глагола *деяти* (говорить); *буде* = = *будеть*; *нельзя* (старое *нѣ-льзѣ*) — *несть льзе*; *с* в слушаю-с из *осударь, государь*; *гыт, грыт* — из *говорит*.

Большие изменения совершились в формах русского языка. Склонения и спряжения современного языка не похожи на древние формы, кой-где все-таки уцелевшие до сего времени: раньше было особое двойственное число (дъва, оба, дъв-ою и одв-оу, обою, дъв-ѣ-ма, обѣма; двѣ, обѣ и т. д.), от которого сохранились остатки в живом говоре в именит. (и винит.) пад: *два, две, оба, обе,* в словах *двугривенный, двуногий, двоюродный, обоюдоострый, очи, уши* (ранее *очеса, ушеса*) — ср. *воочию, колени* (при множ. *колена*), *плечи* (при множ *плеча*), в числительном *двести*, в существительных, согласо-

ванных с числительным два, оба, три, четыре — две *книги*, два *дня*, и проч.; был звательный падеж со своим окончанием, ныне слившийся с именительным падежом и сохранившийся только в украинском и белорусском наречии (*враже*, *батьку*, *сынку*), а у нас в немногих словах: *старче*, *боже* и проч.; существительные склонялись особенно сравнительно с теперешним: в дательном мн. ч. имен мужск. рода было окончание *ом*, сохранившееся теперь в выражении „поделом вору и мука"; раньше неодинаково склонялись имена мужск. рода (*сын*, *сыну*, *сынови*, *сын*... *раб*, *раба*, *рабу*, *раб*...) или имена средн. рода (*село*, *села*, *селу*... *слово*, *словесе*, *словеси*...); было особое склонение ср. рода: *теля*, *теляте*, *теляти*..; имена мужск. рода: *камы*, *пламы* также имели особое склонение (*камене*, *камени*, *камень*...) — в настоящее время лишь сохранились старые формы множ. числа — *чудеса* (по примеру *словеса*), род. и дат. пад. ед. ч. *дитяти* (по примеру *теляте*, *теляти*, ср. еще *поросята*, *телята*); некоторые имена женск. рода в род. пад. имели окончание *ѣ* (*землѣ*), слышимое в московском народном говоре — *у сестре*. Сходство форм притягивало имена существительные из одного склонения к другому: так, уже в XI века писали *от льну* вм. *от льна*, в XII—XIII в. встречаем *на снегу*, *на торгу*, тогда как более правильные формы были бы с окончанием *-ѣ*; это смешение форм отмечается и теперь: в *лесу*, но на *морозе*; „оне в *песку* Днепра-реки зарыты" (Пушкин) — „на желтой полосе *песка* белеет камень" (Никитин); ни *слуху* ни *духу* — обладатель тонкого *слуха*; с *миру* по нитке—оторвался от крестьянского *мира*. Имена прилагательные имели двоякое склонение — краткие и полные формы (красен, красный), краткие формы (усеченные) часто встречались у писателей прежнего времени, их особенно много в современных наречиях: *от мала до велика*, *сгоряча*, *понапрасну*, *по добру*, *по здорову*, *гораздо*, *вообще*, *налегке*, *мало-мальски*, *по-дружески* и много др. Кроме местоимения *тъ — та — то* было еще *съ — си — се*, формы которого в настоящее время сохранились в словах *авось* (из *авосе*), *ни то ни се*, *летось*, *вчерась*, *восвояси*; местоимение *съй — сия — сие* (из *съ — си — се* + личное местоимение 3 л. *и — я — е*), не исчезнувшее по сию пору (слышится в выражениях: *по сю сторону* и т. п.). Из спрягаемых форм глагола *есмь* осталось в народном песенном творчестве 2-е л.

настоящего вр. — ой, ты гой *еси*, добрый молодец, да от глагола *вемъ* сохранилось 3-е л.: „попробуй говорить — и ни *весть* что наскажут“ (Грибоедов); повелительная форма *читай* раньше звучала полно — *читаи*; прошедшее время имело несколько форм — современное *я читал* в старину могло быть выражено четырьмя оборотами: 1) *читах,* 2) *читаах,* 3) *читал есмь,* 4) *читал беах,* при чем форма *читал* была формой причастия прош. вр., а давнопрошедшее время *читал беах* могло заменяться формой *читал был есть*, остаток каковой сохранился в зачине наших сказок: *жил-был, жили-были* (ср. заглавие рассказа Л. Андреева).

Что касается синтаксиса древнерусского яз., достаточно сказать, что в нем не было сложного предложения в нашем смысле, — одно это сразу укажет, какие глубокие различия залегли между строением старинной речи и современной, многим обязанной западноевропейскому влиянию в XVIII в. При соединении словосочетаний ставились союзы там, где теперь они не употребляются: „мы себе не *ставя* судьей *да помирились*“ (XVI в.), „вздел на себя шубу соболиную *да* котора шуба в три тысячи“ (в старинных песнях по записи Кирши Данилова в XVIII в.); между членами предложения вставлялся союз: „положили его *да* на сыру землю“ (там же); союзами начинались предложения: „*а* и по край было моря синего“ (там же), „*ино* что у нас в Москве учинилося“ (в записи XVII в.); союзы *а* и *и* соединяли словосочетания там, где в настоящее время существуют другие способы: „видех велик зверь, *а* главы не имеет“ (т.-е. видел огромного зверя, который был без головы), в пословице XVII в. „добра не смыслишь, *и* ты худа не говори“ (т.-е. если не смыслишь... то...); не похоже на современное употребление союза *что*: „вы к чему на двор идете, *что* (вм. так как, ибо) хозяина к дому нет“ (К. Данилов); своеобразно ставилась частица *не*: в подсловице XVII в.: „не купи двора, купи соседа“, у Кирши Данилова: „не попал он в сизых голубей, что попал он в окошечко косящето“ (т.-е. попал он не в голубей, а в окошечко).

Наблюдения ученых установили, что язык русский стремился к упрощению грамматических форм; эти формы сближались между собой и смешивались в том случае, если были сходные звуковые чередования; одни формы побеждали, выте-

сняя другие и подчиняя себе новые словарные ряды. Влияние примера, образца иного ряда играло большую роль в этой замене форм: так, в древнерусск. яз. имеем формы: *потоло́к, потоло́ка, потоло́ки* и т. д. с исконным *о* в последнем слоге, что подтверждается поговоркой „руки в боки, глаза — в потолоки“ и очевидным полногласным корнем *толок* (ср. *толочь, толокно*, украинское *толо́ка, толо́чите*), но в сознании говорящих стояли слова с конечным некорневым *ок*, вроде *клубо́к, дымо́к, плато́к*, и слово *потоло́к* стало изменяться, как эти слова, т. е. *потолка, потолку* и т. д. В Оренбургском крае от слова *урок* — род. пад. *урка́* — явно происхождение слова забылось (оно имеет корень *рок* (*рек*): час *урочный, оброк, зарок, обрекать*), и оно стало изменяться подобно словам *поло́к, кружо́к, клубо́к* и т. д.; этому же закону аналогии подчинилось слово *брелок, брелка́, брелки*: зашедшее в наш язык с французского — la breloque — по точному правилу должно изменяться всем своим корневым составом (брелока и т. д.).

Мы предлагаем несколько образцов старинного русского языка, литературного и разговорного; первый отрывок из „Слова о полку Игореве“, повествующего о людях XII в., дан с сохранением орфографии дошедшего до нас списка, в котором язык XII века соединен с особенностями говоров XV—XVI в.

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ [1]).

Ярославнинъ гласъ слышить: зегзицию незнаемь, рано кычеть: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утьру Князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ. Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ, арькучи: о вѣтре! вѣтрило! Чему Господине насильно вѣеши? Чему мычеши Хиновьскыя стрѣлъкы на своею нетрудьною крильцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшеть горѣ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему Господине мое веселіе по ковылію развѣя? Ярославна рано плачеть Путивлю городу на заборолѣ, арькучи: о Днепре словутицю! ты пробилъ еси каменьныя горы сквозѣ землю Половецькую. Ты лелѣял еси на себѣ Святославли

---

[1]) В то время как Игорь, разбитый в сражении в 1185 г., находился в плену у половцев, жена его тосковала в городе Путивле.— В объяснении нуждаются слова: зегзица — кукушка; на забороле — на городской стене; арькучи — приговаривая; носады — лодки; туга — тоска, тули — колчаны. Кобяк — половецкий хан, разбитый Игорем в 1174 г.; Святослав — киевский князь, поход которого против кочевников закончился удачей (1184 г.).

носады до пълку Кобякова: възлелѣй господине мою ладу къ мнѣ, а бых не сълала къ нему слезъ на море рано. Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ, арькучи: свѣтьлое и тресвѣтьлое сълнце! вьсѣмъ тепло и красьно еси: чему господине простьре горячюю свою лучю на лады вои? въ полѣ безводьнѣ жаждею имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затъче.

ВЕСНА.

(Из повести Катырева-Ростовского XVII века.)

Уже зиме прошедши, время же бе приходит, яко солнце творяше под кругом зодейным течение свое, в зодею же входит Овен, в нем же нощ со днем уравняется, и весна празднуется, время начинается веселити смертных, на воздусе светлостию блистаяся. Растаявшу снегу и тиху веющу ветру, и в пространныя потоки источницы протекают, тогда ратай рало погружает и сладкую бразду прочертает и плододателя бога на помощь призывает; растут жатвы, и зеленеются поля, и новым листвием облачаются древа, и отовсюду украшаются плоды земли, поют птицы сладким воспеванием...

КРЕСТЬЯНСКАЯ ИЗБА [1]).

(„Путешествие из Петербурга в Москву" 1790 года.)

Я обозрел в первый раз внимательно, всю утварь крестьянския избы. Первой раз обратил сердце к тому, что доселе на нем скользило. Четыре стены до половины покрытые, так как и весь потолок сажею; пол в щелях на вершок покрайней мере поросшей грязью; печь без трубы, но лучшая защита от холода, и дым всякое утро зимою и летом наполняющей избу; окончины в коих натянутой пузырь смеркающийся в полдень пропускал свет; горшка два или три; (щастлива изба, коли в одном из них, всякой день есть пустыя шти!) Деревянная чашка, и крушки тарелками называемые; стол топором срубленной, которой скоблят скребком по праздникам. Корыто кормить свиней, или телят, буде есть, спать с ними вместе глотая воздух, в коем горящая свеча как будто в тумане или за завесою кажется. К щастью кадка с квасом на уксус похожим и на дворе баня, в коей коли непарятся, то спит скотина. Посконная рубаха, обувь данная природою, онучки с лаптями для выхода.—Вот в чем почитается по справедливости источник государственного избытка, силы, могущества; но тут же видны слабость, недостатки, и злоупотреблении законов, и их шароховатая, так сказать, сторона. Тут видна алчность дворянства, грабеж, мучительство наше и беззащитное

---

[1]) Сохранена пунктуация и некоторые особенности орфографии автора.

нищеты состояние.— Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем? то чего отнять неможем, воздух. Да один воздух. Отъемлем нередко у него, нетокмо дар земли хлеб и воду, но и самый свет. Закон запрещает отъяти у него жизнь. Но разве мгновенно. Сколько способов отъяти ее у него постепенно! С одной стороны почти всесилие; с другой немощь беззащитная. Ибо помещик в отношении крестьянина есть законодатель, судия, исполнитель своего решения, и пожеланию своему, истец, против которого ответчик ничего сказать несмеет. Се жребии заклепаннаго во узы, се жребии заключенного в смрадной темнице, се жребии вола во ярме...

А. Н. Радищев.

II

ФИЗИОЛОГИЯ ЗВУКОВ РЕЧИ.

§ 4.

Физиологический процесс речи.

Наблюдения над историческими судьбами русского языка уяснили, что его фонетика, морфология и синтаксис находились в состоянии непрерывного изменения. Эти изменения происходят и в живом говоре, подчиняясь определенным законам. §§ 4—37 дают материал для ознакомления и повторения некоторых отделов из области фонетики, морфологии и синтаксиса современного русского языка. Но, прежде чем приступить к рассмотрению этих отделов, считаем не лишним кратко остановиться на физиологии звуков речи, в целях более наглядного разъяснения отдельных моментов в науке о языке.

Задание 26.

1) Наблюдайте, какое положение занимает я з ы к [1]) при произнесении гласных *и, э, ы, а, о, у*: всегда одинаковое или, напротив, всегда различное?

2) Что происходит в то же время с г у б а м и? Изобразите стрелками движение языка и движение губ. Совпадут ли их направления?

3) Узнайте, дрожит ли г о р т а н ь, когда вы произносите эти звуки. Для этого положите руку на горло (на „адамовс яблоко“) и произнесите поочередно все гласные звуки.

---

[1]) Язык, как физиологический орган.

4) Попробуйте говорить, приблизив ко рту зеркало. Что произойдет с его поверхностью? Отчего это? Не наблюдали ли вы сходное явление, когда, разговаривая или просто дыша, наклонялись к стеклу? Следовательно, какой еще орган участвует в произношении?

Вывод.

В произношении гласных звуков участвуют следующие органы: легкие, гортань, язык и губы. Рот бывает раскрыт.

Примечание. При *и* и при *э* передняя часть языка остается все время у переднего нёба (за зубами), но при *и* она выше, и рот раскрыт уже, а при *э* она ниже, и рот раскрыт шире; при *ы* она занимает среднее положение; при *а*, *о*, *у* — заднее. С губами происходит обратное: они постепенно выдвигаются вперед: при *о* округляются, а при *у* складываются в трубочку.

Задание 27.

1) Произнесите попарно следующие согласные: *б — п в — ф*, *г — к*, *д — т*, *ж — ш*, *з — с*. При каких звуках ощущается дрожание гортани? При каких звуках слышится шум? Проделайте тот же опыт со звуками *р*, *л*, *м*, *н*. Попытайтесь отыскать соответствующие им парные согласные. Произнесите тем же способом согласные *ц*, *ч*, *щ* и *х*.

2) Зажмите нос и произнесите все согласные поочередно. В каких случаях это невозможно? Следовательно, когда в произношении участвует полость носа? Проверьте также участие губ, языка, зубов, нёба.

Выводы.

1. В произношении согласных звуков участвуют следующие органы: легкие, иногда гортань, полость рта (сомкнутая), изредка полость носа.

2. Дрожание гортани, сопровождаемое бо́льшим или ме́ньшим шумом в полости рта, происходит при произношении следующих звуков: *б*, *в*, *г*, *д*, *ж*, *з*, *л*, *р*, *м*, *н*; поэтому они и называются звонкими.

3. Звуки *п*, *к*, *т*, *ш*, *с*, *ф*, *ц*, *ч*, *щ*, и *х*, при произнесении которых не бывает дрожания гортани, но имеется шум в полости рта, называются глухими.

Примечание. Звонкие *р, л, м, н* совсем не имеют соответствующих себе глухих, а глухие *х, ц, ч, щ* крайне редко встречают соответствующие себе звонкие.

4. а) Звуки *т, д, с, з, ш, ж, р, л, н,* произносимые при участии зубов, называются з у б н ы м и.

б) Звуки *т, д, с, з, ш, ж, л, н, ц, р, й* и *щ,* все мягкие согласные (бь, вь, гь, дь и проч.) и *г, к, х,* произносимые при помощи языка, называются передне-, средне- и заднеязычными, смотря по тому, какая часть языка работает.

в) Звонкие *л, р,* в которых дрожание гортани преобладает над шумом, называются п л а в н ы м и.

г) Звуки *м* и *н,* произносимые при участии полости носа, называются н о с о в ы м и.

д) Звуки *к, г, х* и *й,* произносимые при участии нёба (среднего и заднего), называются н ё б н ы м и.

Общие выводы.

Физиологический процесс речи состоит в следующем: воздух, выдыхаемый из легких, проникает в гортань, где он производит дрожание голосовых связок при произнесении всех гласных, а также и звонких согласных. Из гортани воздух направляется в полость рта, а иногда и носа. Полость рта бывает сомкнутой при произнесении согласных и раскрытой в бóльшей или мѐньшей степени при гласных. В раскрытой полости рта, так же, как и в сомкнутой, язык принимает то или другое положение. Иногда он деятельно участвует в работе (прикасаясь к зубам, нёбу), иногда пассивен. Губы, зубы и нёбо также играют некоторую (не всегда одинаковую) роль в образовании звуков. Полость носа участвует только в качестве резонатора.

Задание 28.

1) Определите, какие из звуков (гласных и согласных) можно отнести к передне-, средне- и задне-язычным, средне- и задне-нёбным.

2) Составьте и начертите полную таблицу звуков (согласных и гласных), распределенных по вышеупомянутым категориям.

3) Составьте фонетический разбор какой-нибудь страницы читаемого вами литературного произведения и подсчитайте, какие звуки преобладают — гласные или согласные, и какие группы из согласных.

4) Прислушайтесь к разговорной речи иностранцев. Есть ли разница в звучании языка русского и англичанина, китайца и латыша, немца и француза?

§ 5. Чередование гласных.

1. Все звуки русской речи (гласные и согласные) могут чередоваться.

2. Чередование звуков происходит в близких по смыслу словах.

3. Наблюдается пять случаев чередования **гласных** звуков:

I. В ударных слогах:

хо́дишь — ха́живал, прово́дит — выпрова́живал,
но́сит — вына́шиваем, ло́мится — вла́мывался.

II. В безударных слогах без предшествующей мягкости:

(ы) (ə) (а)
па́р — пары́ — паро́вой,

(а) (ə) (а)
до́м — дома́ — домово́й,

(ы) (ə) (а)
ша́р — шары́ — шарова́я,

(ы) (ə) (а)
да́р — дари́ть — дарово́е.

III. В безударных слогах с предшествующей мягкостью:

(йа) (и) (йо) (и)
тяга́ — тяну́, нес́ — несу,

(йа) (и) (ə) (а) (йа) (и) (ə) (а)
ряд — ряды́ — рядовой, час́ — часы́ — часово́й.

IV. В безударных слогах — замена одного звука двумя — гласным и согласным:

(а) (йу) (ə) (и) (и) (у) (ə) (ы)
горюю — горева́ть, целую — целова́ть,

(йу) (и) (ы) (у) (ə) (ы)
воюю — воева́ть, дарую — дарова́ть.

V. Полное или частичное исчезновение звука (упразднение слога):

(—) (а)
со́н — сна; бо*й*ца́ — бо*е́*ц,

(а) (—) (й)
ого́нь — огня; жи*ль*ца́ — жи*ле́*ц,

(—)
де́нь — дня; я*й*цо́ — я*и́*ц,

(—) (й)
пе́нь — пня́; ко*ль*цо́ — ко*ле́*ц.

Примечания.

1. Знаки: 1) ` (над буквами) означают ударение;
   2) й („ „) „ мягкость звука;
   3) — („ „) „ пропуск звука;
   4) ә („ „) „ безударный звук;

2. Надстрочные буквы (и, ы, у) обозначают звуки, соответствующие буквам.

Все случаи чередования могут быть представлены в виде следующей таблицы:

(—) — е (и) — о — и (ә)	(—) — о — ы (ә) — у (ә)
брать — беру — сбор — сб*и*рать драть — деру — задор — зад*и*рать	задхлый — задохнуться — зад*ы*хаться — зад*у*шиться
а или я — (—) — ин (ән)	я — (—) — ин (ән) — он
м*я*ть — мну — разм*ин*ать ж*а*ть — жну — пож*ин*ать	преп*я*тствие — препну (запну-сь) — преп*ин*ание — преп*он*а
я — н или ен (jон = ён)	е (и) — о (ә) — а
м*я*ть — м*н*у знам*я* — знам*ен*	везу — возить — в*а*живать
(—) — ы (ә) — о	(—) — е (и) — о — и (ә)
ткнуть — т*ы*кать — точка лгать — прил*ы*гать — ложь	запру — зап*е*р — зап*о*р — зап*и*рать
о — у — ы (ә)	(—) — о — у (ә)
сохнуть — с*у*х — зас*ы*хать	бдеть — б*о*дрый — б*у*дить
ы — ов (ев) — ав	ы — в — ав
пл*ы*ть — пл*ов*ец — пл*ав*ать	заб*ы*ть — заб*в*енный — заб*ав*а

у — ов (эв)	ю (иjу) — ев (ив)	о (а) — а	а — а (ы) — а (ә)
кую — ковать — ка	плюю — плевать — ок	ходить — хаживал	пар — пары — паровой
й (j) — и	о — (—)	й (j) — е	я (а) — я (и)
яйцо — яиц	сон — сна огонь — огня	бойца — боец	тяга — тянуть
е — ой	и — ой	ь (j) — е	е (jo = ё) — е (и)
петь — пой	бить — бой	жильца — жилец	нёс — несу
	е — а		
	лезть — лазить		

Примечания:

1. Чередование звуков-букв обозначено над словами.
2. Буквы, стоящие в скобках, обозначают правильное произношение, а буквы, стоящие вне скобок — правописание.

Задание 29.

Составьте примеры с чередующимися гласными.

Чередование согласных.

В словах родственного образования чередуются не только гласные, но и согласные звуки:

к — ц: лик — лицо, никнуть — ниц;
к — ч: рука — ручка, плакать — плачешь; лик — безличный;
ц — ч: конец — кончина, отец — отеческий;
г — з: друг — друзья, легкий — польза (из старинного льга, малорусск. и великорусск. — польга; ср. льзя, нельзя, льгота);
г — ж: нога — ножка, друг — дружок, бегу — бежишь;
з — ж: грозить — грожу, мазать — мажу;

х — с: трухнуть — трусить, хмуриться — пасмурный (ср. в курск. говоре, пахмурный = пасмурный);
х — ш: ухо — ушко, пахать — пашу;
с — ш: просить — прошу;
д — ж: ходить — хожу, бродить — брожу;
д — жд: водить — вождь, ходишь — хождение;
т — ч: хотеть — хочу, светить — свечу;
т — щ: осветить — освещать, похитить = похищать;
ст — щ: пустить — пущу;
ск — щ: писк — пищать;
б — бл: рубить — рублю;
в — вл: ловить — ловлю;
п — пл: топить — топлю;
ф — фл: графить — графлю;
м — мл: срамить — срамлю.

Задание 30.

Составьте новые примеры на чередование этих звуков.

Задание 31.

1. Какие формы собственно русские, и какие заимствованы из церковно-славянского языка: бродящий, бродячий, горячий, горящий, ходячий, колючий, несущий, текучий, загребущий, завидущий, суженый, ряженый, золоченый, меченый, осужденный, пригожий, угождать, свеча, освещать, поглощать, проглочу, совращать, укорачивать, рождение, упрощение, принуждение, хищный, общий, завещать, обещать, жажда, надежда, нужда, умерщвлять, ухитряться, клевещу, трепещу, просвещенный, пища, овощь, плащ, вещь, пещера, повреждение, разверидить, предупреждать, опережать?

Задание 32.

Подберите слова родственного образования к следующим словам: чужой, одежа, прежний.

Задание 33.

Составьте фразы на слова: помощь и помочь, невежда и невежа, между и меж, гражданин и горожанин, годить и ждать.

Задание 34.

Не слыхали ли в областных говорах слов вроде *урождай* вместо *урожай* (Архангельск. край), *забиждать* вместо *забижать* (Псковск, Тверск., Пензенск. губ.), *обиждa* вместо *обида* (Рязанск. губ.)?

Задание 35.

Произнесите слова: зуб, кровь, пирог, благ, труд, нож, глаз, и напишите так, как произнесли.

Измените эти слова так, чтобы после согласных *б* (зуб), *в* (кровь), *г* (пирог), *д* (труд), *ж* (нож), *з* (глаз) стоял гласный звук, и напишите, как произнесли.

Сформулируйте из этого наблюдения правило правописания слов с звонкими согласными на конце.

Задание 36.

Подберите примеры, когда при произношении в конце слова звонкие согласные переходят в соответствующие глухие *(б — п, в — ф, г — к, (х), д — т, ж — ш, з — с).*

Задание 37.

1) Произнесите слова: губка, ловкий, легкий, сладкий, ножка, узкий, и напишите фонетически имеющиеся в них звонкие согласные *б, в, г, з, ж, д.*

2) Как звучат и как пишутся слова: отдать, просьба, сберечь, сжать?

3) Почему пишем: трубка, лавка, салазки, гладко, сказка, шубка, овца, низкий?

4) Найдите другие примеры, когда нельзя произнести рядом два разных звука — глухой и звонкий.

При произношении рядом стоящие согласные — глухой и звонкий — всегда уподобляются один другому, при чем побеждает второй согласный, которому и уподобляется первый согласный звук, т. е. если второй глухой, то и первый становится глухим, если второй звонкий, то и первый становится звонким. Этот закон уподобления одного звука другому принято называть латинским словом **ассимиляция**.

Задание 38.

Как произносятся слова: доктор, кто (ср. трактир), помощник, булочная, молочница, легкий, где, когда, тогда, когти, скучно, пшеничный, гречневый, нарочно, конечно, ногти, что, чтоб?

Как слышатся в устах народа слова: почта, почтенный, курьер, прорубь, коридор, пропорция, секретарь?

Сравните произнесенное с написанным и укажите, какие звуки расподобились? (Диссимиляция.)

III.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ. ПУНКТУАЦИЯ[1]).

§ 7.

Формы слов.

К большинству слов русского языка можно придумать два ряда слов, напр., к слову „молодой“ добавим такие слова:

(1-й ряд)	(2-й ряд)
*молод*ой	молод*ой*
*молод*ая	сед*ой*
*молод*няк	делов*ой*
*молод*ежь	развит*ой*
*молод*ится	и т. п.
*молод*еть	
*молож*авый	
и т. п.	

В первом ряду общее для всех слов звукосочетание „молод“; с ним связываются значения слов, а потому это звукосочетание и называется корнем слов.

Слова, имеющие общий корень, составляют семью слов.

Во втором ряду общим звукосочетанием является *ой*. Оно заканчивает слова, придает им известную форму: указывает

---

[1]) Наблюдения эти, в большинстве случаев уже знакомые учащемуся II ступени, имеют назначение повторить ранее пройденное и закрепить отдельные навыки правописания.

на принадлежность этих слов *молодой, седой* и т. п. к падежу, роду, числу (имена прилагательные).

Бывают и такие в конце слов звукосочетания, которые указывают на принадлежность слов к падежу и числу (имена существительные), лицу, времени, а также роду и числу в прошедшем времени (глаголы). Подобные звукосочетания, придавая словам ту или другую форму, служат для образования слов.

В языке встречаются и такие звуки или звукосочетания, которые служат для словоизменения, внося оттенки в значение корня. Например:

по-дум-*а*-л	*про*-дум-*а*-*нн*-ый
за-дум-*а*-юсь	*в*-дум-*а*-ть-ся
при-дум-*а*-ли	*пере* дум-*а*-в
вы-дум-*а*-ет	*об*-дум-*а*-в-ши
о-дум-*а*-*л*-ась	*на*-дум-*а*-ешь-ся
руб *к*-а	руб-*еж*
руб-*а*-*к*-а	*по*-руб-*еж*-*н*-ый
руб-*а*-*х*-а	руб-*ец*
за-руб-*и*-ть	руб-*ц*-ом
от-руб-*л*-*ен*-о	

Все указанные звукосочетания, как словообразовательные, так и словоизменяющие, называются формальными частями или формальными принадлежностями слов.

Выводы.

Формальные части, стоящие перед корнем, называются префиксами, а также представками или приставками.

Формальные части, служащие для словообразования и стоящие прямо после корня, называются суффиксами.

Формальные части, служащие для словоизменения и стоящие в конце слова, называются флексиями или окончаниями.

Задание 39.

Составьте по образцу второго ряда список слов — существительных и глаголов (напр., *река, читал*), обратив внимание на место ударения, а иногда и чередование звуков.

Задание 40.

Имеются ли формальные принадлежности у существительных мужского рода в *именительном падеже*, напр., *пионер, комсомол, отряд* и т. п.?

Задание 41.

Даны примеры:

крас-а	крас-не-ть
крас-к-а	крас-н-ух-а
крас-от-а	крас-н-ый
крас-от-к-а	крас-ова-ться
крас-ив-ый	краш-ен-ин-а
крас-ав-ец	у-крас-и-ть
крас-иль-ня	с-крас-и-ть
крас-иль-щик	при-крас-и-ть

вы-крас-и-ть.

Укажите слова, в которых имеются: 1) корень и флексия; 2) корень, суффикс (один или несколько) и флексия; 3) приставка, корень, суффикс и флексия.

Выводы.

1) Корень и суффикс (один или несколько) составляют производную основу слова (крас-н-ух-); корень слова, т.-е. односложная, простейшая, неизменяемая и неразложимая часть слова [1]), от которой образуется группа слов сходного значения, называется непроизводной основой слова (крас-).

2) Приставка, суффикс (один или несколько) и флексия слова составляют его формальные принадлежности.

3) Слова, обладающие формальными принадлежностями, называются форменными.

---

[1]) В языке есть сравнительно немного слов с двухсложными корнями (голуб-, баран-, хребет- и др.), но ради них неудобно вносить в определение корня признак многосложности; поэтому удобнее сохранить признак односложности, считая данное выше определение корня условным. То же условное наименование имеет признак неизменяемости, так как если звуки и меняются в корне (ср. молод-моложавый), то 1) не изменяют его значения и 2) изменяются в рамках закона чередования звуков.

Задание 42.

Есть ли формальные принадлежности в словах *без, в, на, и, а, всегда, здесь, конечно* и т. п.? Подберите подобные словечки.

Вывод.

Слова, лишенные формальных принадлежностей, называются бесформенными. Некоторые разряды бесформенных слов (предлоги и союзы) называются частичными или служебными словами, так как они не имеют самостоятельного значения и только определяют отношения между словами (напр.: *без* работы; учащие *и* учащиеся).

§ 8.

Суффиксы имен существительных.

От одного корня при помощи суффиксов можно образовать много разных существительных. Так, напр., от корня *дом* образуются следующие имена существительные:

домик	домови́тка (заботливая хозяйка)	домашество
домок		домашность
домочек	доми́лище (жильё)	домовщи́на
домишка	домови́на	дома́шник (платье)
домишечка	домови́ще	дома́шничание
до́мец	домовье́ (гроб)	домашни́чанье
доми́на	домови́к (прислуга)	
доми́ще	домо́вник (хозяин)	
	домо́вик } невыходящий из дому	
домово́й	домовни́к } невыходящий из дому	
домови́к	домо́вка (дом. скарб)	
домо́вая (стряпуха)	дома́ха	
	дома́шка } хозяйка	
домови́тость	домовня́ } хозяйка	

Имена существительные могут иметь только следующие суффиксы:

-к (в косвенн. пад. *-ек, -ок*):

реч-к-а, боч-к-а (реч-ек, боч-ек); сив-к-а, молод-к-а, (сив-ок, молод-ок);

трав-к-а, зорь-к-а, Вань-к-а, Петь-к-а и т. д.

-ик, -ок, -ек (в косвенн. пад.-*к*):

муж-ик, лещ-ик, лист-ок, ветер-ок (лист-к-а, ветер-к-а), ребен-ок, телен-ок, огонь-ёк.

-н-ик, -н-иц-:

шут-н-ик, помощ-н-ик, помощ-н-иц-а.

-он-ок, -он-к, -ён-к, ень-к:

медвеж-он-ок, рубаш-он-к-а, сил-ен-к-а,

Миш-ень-к-а, паш-ен-к-а.

-чик:

зай-чик, голуб-чик, маль-чик.

оч-ек, -ёч-ек, -еч-к, -оч-к:

кус-оч-ек, друж-оч-ек, огон-еч-ек, избуш-еч-к-а, окош-еч-к-о, ёл-оч-к-а, лап-оч-к-а, крыл-еч-к-о, сан-оч-к-и.

-ец (в косвенн. пад. -ц), иц:

брат-ец, мороз-ец, вдов-иц-а, сестр-иц-а, красав-иц-а, куп-ец, молод-ец.

-е-не-ц:

млад-ен-ец.

-ц (в род. пад.-ец.):

серд-ц-е, серд-ец.

-ак, -як, -ач, -яч,

рыб-ак, толст-як, рыб-ач-к-а, бог-ач, сп-яч-к-а.

-ар, -р, л, -ал:

пах-ар-ь, жи-р, са-л-о, кварт-ал.

-ыш, -иш, -уш:

солн-ышк-о, горл-ышк-о, крыл-ышк-о, зерн-ышк-о, гнезд-ыш-к-о, маль-ч-ишк-а, кум-ушк-а, голуб-ушк-а, сосед-ушк-а, зим-ушк-а, дед-ушк-а.

-ян, -ян-ин, -ан-ин, -н, -ын:

семь-ян-ин, горож-ан-ин, двор-ян-ин, восста-н-ие, пуст-ын-я.

-ст, -ств, -т, -тв:

резво-сть, окрестно-сть, семей-ств-о, лови-тв-а, кро-т.

-чик, -щик:

извоз-чик, разнос-чик, перепис-чик, поме-щик, времен-щик.

-их, -ух:

куп-ч-их-а, повар-их-а, стар-ух-а.

ищ:

город-ищ-е, пепел-ищ-е, пожар-ищ-е, нож-ищ-а, глаз-ищ-а.

-чин, -щин:

муж-чин-а, жен-щин-а.

-от, -тай, -тель:

добр-от-а, быстр-от-а, выс-от-а, завсегда-тай, учи-тель, сея-тель.

-б, -еб:

молоть-б-а, моль-б-а, мол-еб-ен, похваль-б-а.

-ей, -й:

солов-ей, кра-й, сара-й.

Задание 43.

Присоедините суффиксы к следующим существительным: рука, нога, глаза, голова, земля, солнце, река, вода, город, год, слово, змей, хлеб, конь, лошадь, седло, сабля, одежда, рубашка, рукав, шайка, шуба, сапоги, лень. Например: рука — ручонка, нога — ноженька и т. д.

Задание 44.

Выпишите существительные, подчеркивая каждый раз встречающиеся в них суффиксы:

БЕГЛЯНКА.

В белом ситцевом платочке
по проталинке пройдусь,
на разъезженном мосточке
вся слезами обольюсь.

Погрущу по той березке,
что срубили на заре.
За чужой уйду повозкой,
оглянусь на той горе.

Ветер теплый, шелковистый
обоймет меня в груди.
Загорится золотистый
перелесок впереди.

Вздрогнут тонкие перила,
заколышется мосток.
Я не даром полюбила
эти избы и лесок.

Заплету по-сельски косу,
ленту алую вплету.
Где-то стукнули колеса,
оживили пустоту.

Ах, зачем я полюбила
холод каменных домов!
Деревушка засветила
пару светлых огоньков.

Я пойду в одном платочке,
по проталинке пройдусь.
На разъезженном мосточке
вся слезами обольюсь!

П. Орешин.

§ 9.

Суффиксы имен прилагательных (неглагольных).

I. Прилагательные имена, образующиеся от слов (существит., а изредка и наречий) с корнем на *н*, имеют суффикс *н*. Таковы:

(сон) — сон-*н*-ый
(луна) — лун-*н*-ый
(камень) — камен-*н*-ый
(баня) — бан-*н*-ый
(звон) — (пусто)-звон-*н*-ый
(плен) — плен-*н*-ый
(цена) — (бес)-цен-*н*-ый, (драго)-цен-*н*-ый

(рано) — ран-*н*-ий
(страна) — стран-*н*-ый
(дно) — (без)-дон-*н*-ый
(закон) — закон-*н*-ый
(осень) — осен-*н*-ий
(весна) — весен-*н*-ий
(корень) — корен-*н*-ой

II. Прилагательные имена, образующиеся от существительных имен, не имеющих в корне *н*, тоже получают суффикс *н*. Это следующие:

(медь) — мед-*н*-ый
(жесть) — жест-я-*н*-ой
(полотно) — полотн-я-*н*-ый
(глина) — глин-я-*н*-ый
(серебро) — серебр-я-*н*-ый
(кожа) — кожа-*н*-ая
(зима) — зим-*н* яя
(лето) — лет-*н*-яя

(звезда) — звезд-*н*-ая
(гибель) — гибель-*н*-ое
(муть) — мут-*н*-ое
(шерсть) — шерст-я-*н*-ое
(зной) — зной-*н*-ое
(земля) — земля-*н*-ой, подзем-*н*-ый, зем-*н*-ой
(свобода) — свобод-*н*-ый
и т. п.

Примечание. Исключение составляют три прилагательных имени (стеклянный, деревянный и оловянный), имеющие суффикс *нн*.

III. Некоторые имена прилагательные имеют следующие суффиксы:

-ч, -уч, -ач, -яч, -ич:

рабо-ч-ий, треск-уч-ий, мог-уч-ий, полз-уч-ий, тяг-уч-ий, леж-ач-ий, сто-яч-ий, Фадде-ич, Евсе-ич и т. п.

-ив, -ав, -ев, -ов, -ен, -еньк:

счастл-ив-ый, краснореч-ив-ый, игр-ив-ый, велич-ав-ый,

Зверь-ев-а, Петр-ов-а, вскипяч-ен-а, оглуш-ен, ум-ен, оживл-ен, мал-еньк-ий, убог-еньк-ий и т. п.

-ск, -еск, -ист, -аст:

город-ск-ой, издеватель-ск-ий, предатель-ск-ий, комсомоль-ск-ий, биологич-еск-ий, химич-еск-ий, экономич-еск-ий, голос-ист-ый, горл-аст-ый и т. п.

-ш, -ейш, -айш, -альн:

млад-ш-ий, стар-ш-ий, умн-ейш-ий, высоч-айш-ий, коммун-альн-ый, вертик-альн-ый, горизонт-альн-ый и т. п.

Задание 45.

1) Определите, от каких слов (и частей речи) образованы данные имена прилагательные.

2) Подберите к ним все известные вам родственные слова, т. е. составьте семейство слов.

(Некоторые имена прилагательные имеют по несколько суффиксов:

-ова-т, -н-ова-т:

стар-ова-т-ый, глуп-ова-т-ый, холод-н-ова-т-ый и т. п.)

Задание 46.

Выделите суффиксы имен существительных и прилагательных.

МАТРЕНА:

Спится мне, младенькой, дремлется,
клонит голову на подушечку;
свекор-батюшка по сеничкам похаживает,
сердитый по новым погуливает.

Странники хором:

Стучит, гремит, стучит, гремит,
снохе спать не дает:
Встань, встань, встань, ты — сонливая!
Встань, встань, встань, ты — дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

Матрена:

Спится мне, младенькой, дремлется,
клонит голову на подушечку;

свекровь-матушка по сеничкам похаживает,
сердитая по новым погуливает.

Странники хором:

Стучит, гремит, стучит, гремит,
снохе спать не дает:
Встань, встань, встань, ты — сонливая!
Встань, встань, встань, ты — дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

(„Кому на Руси жить хорошо“
Н. А. Некрасова).

Задание 47.

Придумайте имена прилагательные, обозначающие величину, цвет, вкус, вес, движение, и напишите их с суффиксами *-айш*, *-ейш*, *-ш*.

§ 10.

Суффиксы глагольных имен прилагательных.

I. Существуют имена прилагательные, имеющие либо суффиксы *-ющ*, *-ующ*, *-ящ*, *-еющ*, *-ающ*, либо суффиксы *-ш*, или *-вш*, либо суффиксы *-аем* (*-яем*) или *-им*, либо суффиксы *-енн* (*-анн*, *-онн*) или *-т*.

Примеры.

I группа.		II группа.
вражд-*ующ*-ий (класс)	(враждебный)	враждова-*вш*-ий
серд-*ящ*-ийся (противник)	(сердитый)	серди-*вш*-ийся
молод-*ящ*-ийся (человек)	(молодой,	молоди-*вш*-ийся
молод-*еющ*-ий	молоденький,	помолоде-*вш*-ий
	моложавый)	
сме-*ющ*-ийся (мальчик)	(смешной,	
насмех-*ающ*-ийся	смешливый,	смея-*вш*-ийся
	насмешливый)	
стар-*еющ*-ий (предмет,	(старый,	
дом)	старенький,	состари-*вш*-ийся
	староватый)	постаре-*вш*-ий

осып-*ающ*-ийся (лист)	(сыпучий)	осыпа-*вш*-ийся
сыпл-*ющ*-ийся		сыпа-*вш* ийся
скрип-*ящ*-ий (сапог)	(скрипучий)	скрипе-*вш*-ий
кип-*ящ*-ий (самовар)	(кипяченый)	кипе-*вш*-ий
закип-*ающ*-ий		закипе-*вш*-ий
холод-*еющ*-ий (воздух)	(холодный, холодноватый)	похолоде-*вш*-ий
охлажд-*ающ*-ийся		
	(мерзлый)	замерз-*ш*-ий

III группа.

(главный совет)	Совет труда и обороны, возглавл-*яем*-ый тов. . . . . .
(осадное положение)	осажд-*аем*-ое со всех сторон селение.
(славный поэт)	прославл-*яем*-ый всеми поэт
(важная фигура)	уваж-*аем*-ая всеми фигура
(различные тона)	различ-*аем*-ые слухом тона
(уловимые, неуловимые простым глазом цвета)	неулавлив-*аем*-ые простым глазом цвета
(видный бюст из камня)	вид-*им*-ый отовсюду бюст из камня

IV группа.

(Главный совет)	Совет труда и обороны, возглавл-*енн*-ый тов. . . . . .
(комсомольский)	окомсомол-*енн*-ый флот (надпись в Ц. Д. раб. молод.)
(славный поэт)	прославл-*енн*-ый всеми поэт
(ясное положение)	выясн-*енн*-ое положение
(свежий воздух)	освеж-*енн*-ый воздух
(слышный звук)	услыш-*анн*-ый всеми звук
(мягкое наказание)	смягч-*енн*-ое судом наказание
(подвижной стол)	подвину-*т*-ый к окну стол
(заливной луг)	зали-*т*-ый весенним половодьем луг

2. Суффиксы *-ущ*, *-ющ*, *-ящ*, *-ающ*, *-ующ*, *-яем*, *-аем*, *-им* указывают на настоящее время, а суффиксы *-вш*, *-ш*, *-енн*, *-анн*, *-т* — на прошедшее время.

Задание 48

I. Отыщите на какой-либо странице читаемой вами книги встречающиеся глагольные прилагательные и переделайте глагольные прилагательные прошедш. времени в прилагательн. наст. врем. Следите за изменением значения.

§ 11.

Суффиксы глаголов.

Глаголы могут иметь только следующие суффиксы:

-ва, *-ыва*, *-ива*, *-ова*:

пе-*ва*-л, поби-*ва*-л, чит-*ыва*-л, распил-*ива*-л, забрак-*ова*-ли, проб-*ова*-ли и т. п.;

-а, *-и*, *-я*, *-о*, *-н*, *-ну*:

брос-*а*-л, брос-*и*-л, измен-*я*-л, измен-*и*-л, кол-*о*-л, коль-*н*-у, коль-*ну*-ть, пуг-*н*-у, скрип-*ну*-ть, скак-*а*-л, скак-*н*-у, скак-*ну*-ть, пуг-*ну*-ть и т. п.

Примеры.

1) С той поры я с горем-нуждою
по чужим углам *скитаюся*,
за дневной кусок *работаю*,
кровным потом *умываюся*. *(Кольцов.)*

2) Парень этот простой, а сила в нем чудесная, и меня *слушает* — кругом пальца *оберну*. *(Вл. Короленко.)*

3) Жители *горланили* — кто в лес, кто по дрова... иные *сердились* и *ругались*, иные *затягивали* песни. *(Достоевский.)*

4) Ведь мне только *рассердиться* стоит да уйти от вас, так вы после слезы-то кулаком станете *утирать*...

(Островский.)

Задание 49.

Найдите суффиксы глаголов в след. отрывке из рассказа Сейфуллиной „Встреча“.

Виктошка привстал, надел шапку и, озираясь воровски, тихо выскользнул из школы. Из-за бурана даже молодежь не гуляла сегодня на улице. Петухи давно уже полночь

прокричали. Снег сыпать перестал. Звезды проглянули. В чьем-то дворе люто взвыла собака. Другие устало и коротко *перебрехивались*. Под снежными шапками избы черны, молчаливы. Враждебно надвинулись на белую дорогу. И далеко видно, как Витошка идет один. Кругом все спят. Никто не отзовется, если *крикнуть*. А оттого, что снег в тишине громко скрипит под ногами, кажется: сзади кто-то нагоняет. Вдруг *настигнет, припластает* к земле, а никто не услышит. Ой! Виктошка вздрогнул всем телом, оглянулся. Белая *оскалилась* сзади степь. А в сугробах будто кто возится, осторожно *шевелит* снег. *Испугался*, побежал изо всех сил. У своей избы еле отдышался. Хозяйская собака залаяла во дворе. Но учуяла своего, подошла и руку лизнула. Сразу стало легко на сердце.

§ 12.

Упражнения в определении этимологического состава слова.

Корень, приставка, суффикс, флексия (окончание) называются этимологическими частями слова; они образуют этимологический состав слова. При определении корня слова надо иметь в виду, что далеко не все корни поддаются нашему изучению, так как мы не знали первичной поры образования наших слов; с трудом, но поддаются определению те корни, для которых можно подыскать родственные образования в славянских наречиях и других индоевропейских языках; легче всего определить корень путем сравнения слов только русского языка, как в его историческом развитии с древнеболгарской (церковнославянской) стихией, так и с включением слов, употребляемых в современных говорах. Напр., зная в древнерусском языке слово — *ук* = *навык*, привычка, обычай (*конь неоукъ* в одном памятнике XVI в. обозначало — неприученный; в астраханск., оренбургском говоре: „конь *неук*“ — необъезженный; в старинной былине: — „письмо Василью в *наук* пошло“, т.-е. он выучился писать); можно найти корень в словах *наука*, *учить, при-в-ык-ну-ть, на-вы-к;* зная старинный глагол *жасити* (страшить), легко определить корень в словах *ужас*, *ужасать*; зная, как из слова *дъска* (доска) образовавшееся *дъщан* (т.-е. дощаный) изменилось в *дщан, тщан, чан*, можно установить, что слово *чан* происходит от корня *дъск*.

Таким образом, корень бывает или неизмененным или измененным согласно звуковым законам. Чтобы отыскать его, нужно освободить слово от окончания, суффикса и приставки. Дано слово *препятствие*. Расчленяя его, мы находим окончание *е*, гласный суффикс имен существительных *и*, суффикс *ств*, приставку *пре* (русск. полногласная форма *пере*). Остался слог *пят*. Корень ли это, или еще нет? Надо отыскать сходные по значению слова и увидать, повторяется ли в них слог *пят*. Вот как вел наблюдения по этому вопросу один из русских ученых, проф. Е. Ф. Будде: Значение слова *препятствие* таково, что оно означает *помеху, преграду, нечто перегораживающее* нам путь, т.-е. *препону*, о которую мы спотыкаемся; если мы возьмем другие слова с слогом *пят*, наприм., рас-*пят*, про-*пят*, за-*пят*-а-я, то увидим, что слог *пят* встречается не во всех производных словах: наприм., рас-*пят* имеет этот слог, но будущее время этого глагола: рас-*пн*-у имеет вместо *пят* два согласных *пн*, а мы знаем, что для корня должен быть *слог*, т.-е. гласный звук, следовательно, между *п* и *н* исчез гласный, а таким гласным может быть ь или ъ; из формы рас-*пин*-а-ть мы видим, что исчез гласный *ь*, следов., в этом глаголе является корень-слог *пьн*. Сравнив его со слогом *пят*, мы увидим, что здесь *я* чередуется с *ьн*, а, значит, это *я* есть древний ѧ; следовательно, и звук *т* в слоге *пят* не принадлежит корню: он есть, значит, суффикс. Мы знаем, что *т* в глаголе рас-пя-*т* образует собою причастие прошедшего времени после корня, оканчивающегося на гласный звук (*и*, *у*, *ѣ*, *ы*, ѧ), следовательно, отделив *т*, мы получим пре-*пя*-т-ств-и-е, т.-е. *пя* есть корень (*я* здесь есть носовой звук ѧ: корень пѧ).

Подберем семейство этого корня; пре-*пя*-т-ств-и-е, рас-*пя*-т-и-е, рас-*п*(*ь*)*н*-у, рас-*пин*-а-ю, пре-*пин*-ан-и-е, пере-*пон*-к-а, за-*пин*-а-ть-ся, за-*пя*-т-ая, за-*пон*-к-а и проч. Отсюда выходит, что слово *препятствие* по своему происхождению родственно со словом *перепонка*.

Другой пример: требуется найти корень слова *согнуть*. Освободив от окончания *ть*, глагольного суффикса (приметы) *ну*, получаем слог *сог*. Глагол *согнуть* в прошедшем времени образует формы *со-гну-л* и *сгибал*, последняя форма указывает нам на то, что корень будет *гиб*.: *с-гиб-а-л*, а с или *со* — приставка в глаголе *со*-гнуть, перед согласными. Следо-

вательно, в глаголе *согнуть* этимологические части будут: *со-г-ну-ть*; на долю корня остается один согласный *г*: этого быть не может; значит гласный исчез; а исчезнуть может только *ъ* или *ь*; из сравнения звука корня *г* и корня *гиб* видим, что в слоге *гиб* гласный *и*, значит, был когда-то *ь*, но *ь* после *г* прежде не мог стоять, иначе *г* изменилось бы в *ж*, также не мог стоять по этой причине после *г* и звук *и*. Значит, это был не *ь* и не *и*, а твердые *ъ* и *ы*, т.-е. не *гиб*, а *гыб*, не *гь*, а *гъ*; из формы *со-гб-ен-н-ый* мы видим, что в форме *со-г-ну-ть* перед *ну* выпал звук *б*. Следовательно, корень будет *гъб*, а теперь наше — *гб*, по чередованию — *гыб*, наше *гиб*. Значит, состав слова *согнуть* следующий: *со-г(ъб)--ну-ть*.

Сравните семейство этого корня: *с-гиб-а-ть, со-гб-ен, со--г-ну-ть, за-гиб, по-гиб, по-гиб-ел-ь*; по чередованию *ъ-ы-у* мы имеем: *по-губ-и-ть, па-губ-а, па-губ-н-ый* и проч. Звук *у* также указывает нам на то, что в корне был *ъ*, а не *ь*. Если бы мы даже забыли, что прежде нельзя было стоять звуку *и* или *ь* и прочим мягким гласным после *г, к, х* без изменения последних звуков в *ж, ч, ш*, в *з, ц, с*, то и тогда звук *у* в корне *по-губ-и-ть* и проч. указал бы нам настоящий простейший корень: *гъб* — в слове *со-г-ну-ть*. Из слова *погибель* мы опять увидим, что по корню оно означало прежде просто *согнутую часть* предмета; наприм., мы до сих пор говорим: *согнуть в три погибели*, т.-е. в три раза, в три колена; но теперь слово *погибель* расширило свое значение и стало означать не только физическую погибель, но и нравственную.

Задание 50.

Припомнив законы изменения гласных и согласных, найдите корни в словах *точка* (ср. ткнуть, тыкать), *будить* (ср. бодрый, бдеть), *ложь* (ср. лгать, прилыгать), *запирать* (ср. запор, запру, запер), *задохнуться* (ср. задыхаться, задушиться, затхлый из задхлый), *засыпать* (спать, сон, вм. сопн, сопеть).

Задание 51.

Определите этимологический состав слов: *уборка, пшеничный, подпруга, ожерелье.*

[Поработайте по книге А. Преображенского „Этимологический словарь русского языка“ — вып. I (см. *брать*), вып. IV (см. *жерло*), вып. XI (см. *пруг, пшено*).]

§ 13.

Виды глаголов.

Одни и те же глаголы могут иметь различные формальные части: суффиксы, приставки, окончания. Пример: пел, пе-*ва*-л, за-пе-*ва*-л. Эти формальные части указывают на время, число и род (если имеется прошедшее время), а также и лицо (если имеется настоящее или будущее). Пример: пе-*л* (прошедшее время единственного числа), по-*ю* (настоящее время единственного числа, 1-е лицо).

Кроме того, эти же глаголы, обладающие различной формой, имеют и различный смысл. Так, одни глагольные формы указывают, что действие окончено (совершено) или будет окончено (будет совершено), а другие — что действие не окончено (не совершено) или что действие не будет окончено (не будет совершено). Первые называются глагольными формами совершенного вида, а вторые — глагольными формами несовершенного вида.

Примеры.

Несовершенный вид.	Совершенный вид.
Я *ловил* / *ловлю* } его взгляд	Я *уловил* / *уловлю* } его отношение к себе
Они *рассказывали* / *рассказывают* } о боях Красной армии	Они *рассказали* / *расскажут* } о боях Красной армии
Ты *колешь* / *колол* } дрова	Ты *кольнешь* / *кольнул* } его сегодняшним сообщением
Мы *опровергаем* / *опровергали* } ложные слухи	Мы *опровергнем* / *опровергли* } ложные слухи.

Выводы.

Глаголы совершенного вида образуются от глаголов несовершенного вида путем:

1) прибавления приставок или суффиксов: ловлю — уловлю; колю — кольну;

2) выпуска суффиксов: рассказываю — расскажу.

Задание 52.

Определите виды глаголов в стихотв. Навроцкого „Утес на Волге".

Есть на Волге утес. Диким мохом оброс
он с боков от подножья до края,
и стоит сотни лет, только мохом одет,
ни нужды, ни заботы не зная.
 На вершине его не растет ничего;
 там лишь ветер свободный гуляет,
 да могучий орел свой притон там завел
 и на нем свои жертвы терзает.
Из людей лишь один на утесе том был,
лишь один до вершины добрался,
и утес человека того не забыл
и с тех пор его именем звался.
 И хотя каждый год по церквам на Руси
 человека того проклинают, —
 но приволжский народ о нем песню поет
 и с почетом его вспоминает.
Раз, ночною порой, возвращаясь домой,
он один на утес тот взобрался
и в полуночной мгле, на высокой скале,
там всю ночь до зари оставался.
 Много дум в голове родилось у него,
 много дум он в ту ночь передумал,
 и под говор волны, средь ночной тишины,
 он великое дело задумал.
И, задумав, угрюм от надуманных дум,
он на утро с утеса спустился
и задумал пойти по другому пути,
и итти на Москву он решился.
 Но свершить не успел он того, что хотел,
 и не то ему пало на долю;
 и расправой крутой да кровавой рекой
 не помог он народному горю.
Не владыкою был он в Москву приведен,
не почетным пожалован гостем,
и не ратным вождем на коне и с мечом, —
а в постыдном бою со зверем-палачом
он сложил свои буйные кости.
 И Степан будто знал: никому не сказал,
 никому своих дум не поведал,
 лишь утесу тому, где он был, одному
 он те думы хранить заповедал.

И поныне стоит тот утес, и хранит
он заветные думы Степана
и лишь с Волгой одной вспоминает порой
удалое житье атамана.
Но зато, если есть на Руси хоть один,
кто с корыстью житейской не знался,
кто неправдой не жил, бедняка не давил,
кто свободу, как мать дорогую, любил
и во имя ее подвизался —
пусть тот смело идет, на утес тот взойдет
и к нему чутким ухом приляжет,
и утес-великан все, что думал Степан,
все тому смельчаку перескажет.

§ 14.

Суффиксы наречий.

Примеры.

бол-*е*-е	боль-*ш*-е	прин-*яв*-ши	прин-*им а*-я
мен-*е*-е	мень-*ш*-е	украс-*ив*-ши	украш-*а*-я
заран-*е*-е	рань-*ш*-е	огорч-*ив-ши*-сь	огорч-*а*-ясь
крас-*ив-е*-е	нар. крас-*ив-ш*-е	отодвин-*ув*-ши	отодвиг-*а*-я
холод-*н*-о;	жар-*к*-о;	дал-*ек*-о;	близ-*к*-о;
гряз-*н*-о;	гад-*к*-о;	прият-*н*-о;	опас-*н* о и т. п.

Многие наречия не имеют суффиксов, например: толще, лежа, глядя, сего-дня (составлено из 2 слов), затем (за-тем), зачем (за-чем), теперь, туда, куда и т. п.

Задание 53.

Найдите наречия и суффиксы у них в следующем тексте.

Снявши голову, по волосам не плачут (пословица). Заяц торопливый, прижавши уши, боязливо, по кочкам, полем, сквозь леса, скачками мчится ото пса *(Пушкин)*. Иной, взглянув на него, говорил: „Экий здоровенный, кровь с молоком" *(Достоевский)*. Узнали мы таких людей, перед которыми поздней слепой народ восторг почует, вздохнет и совесть уврачует, воздвигнув пышный мавзолей *(Некрасов)*. Склоняясь к моему плечу, он умирал, твердя всечасно: мне душно здесь... я в лес хочу *(Пушкин)*. Враг дерзости, всегда застенчиво, несмело... *(Грибоедов)*.

§ 15.

Согласование, управление и примыкание.

Слова в речи (устной и письменной) сочетаются тремя способами: либо управляются, либо согласуются, либо примыкают.

Примеры.

I.

Управление.	Согласование.
1. а) дом коммуны;	1. а) дом коммунальный;
б) изба коммуны;	б) изба коммунальная;
в) здание коммуны;	в) здание коммунальное;
2. а) дома коммуны;	2. а) дома коммунальные;
б) вот дом коммуны;	б) вот дом коммунальный;
в) здесь нет дома коммуны;	в) здесь нет дома коммунального;
3. Лишь *на* короткое *время* остановилась машина *для смазки* и снова пошла, как ни *в чем* не бывало, мерно дыша и сверкая *под* ярким *светом* своим электрическим *светом* своим мотылем и быстро, как волчок, вращавшимся регулятором. Еще *до пуска* ее *в ход* многие рабочие уже *с нетерпением* держались *за ручки* станков, и как только пошла, — завертелись, завыли и станки. (*А. Бибик.*)	на *короткое время* . . . . сверкая под *ярким электрическим светом своим мотылем* . . . . *вращавшимся регулятором* . . . .

II.

Управление.	Согласование.
1. Готовятся *открыть конференцию.*	1. Конференция открывается; " открылась; " откроется.
2. Тов. Н. идет *читать доклад.*	2. Доклад { читается, читался.
3. Заседания будут *происходить по вторникам.*	3. Заседания { происходят происходили по вторникам.

Выводы.

1. Имена существительные управляют и управляются двумя способами: посредством предлогов (машина *для* смазки) и без них (дом, изба, здание коммуны).

2. Неопределенная форма глагола управляет именами существительными также двумя способами: посредством предлогов (*по* вторникам) и без них (открыть конференцию) и т. п.

3. Имена прилагательные согласуются с именами существительными в роде, числе и падеже (дом коммунальн*ый*, изба коммунальн*ая*, дома коммунальн*ые*), а глаголы согласуются с именами существительными лишь в числе, а в прошедшем времени и в роде (конференция откры*лась*, доклад чита*лся*, заседания происход*ят*).

Примеры на примыкание.

I.

1. Все пойдет *хорошо* — обычно бодро отвечал тов. Ленин. (З. Лилина.)

а) Все пойдет *хорошо*	г) *обычно бодро* отвечал
б) все *хорошо* пойдет	д) *бодро обычно* отвечал
в) *хорошо* пойдет все	е) отвечал *обычно бодро*

ж) *обычно*	отвечал	л) *бодро*	отвечал
з) „	отвечает	м) „	отвечает
и) „	отвечающий	н) „	отвечающий
к) „	отвечая	о) „	отвечая.

II.

а) Здесь происходит собрание пионеров.

б) Там занимаются обществоведением.

III.

а) Готовились *открыть* конференцию.

б) *Открыть* конференцию готовились.

в) Конференцию готовились *открыть* и т. п.

Выводы.

1. Прилагательные единственн. числа сред. рода, употребленные в значении наречий (хорошо, обычно, бодро), а также наречия (здесь, там и друг.) не управляются, не управляют, не согласуются, а примыкают.

2. Неопределенные формы глагола (открыть и т. п.) не управляются, не согласуются, но примыкают и управляют.

Задание 54.

Найдите управляющие, управляемые, согласующиеся и примыкающие слова в произведении Чапыгина „Белая ночь“.

Травянистая дорога... Вода реки свинцовая — холодно... Осень, осень...

Но отчего же в ближайшем перелеске звенят голоса птиц? Кругом колышется цветущая бледными цветочками рожь, поют предрассветные петухи. На востоке, раздвигая унылые облака, встает и ширится лимонно-бледная заря. От зари на траве и деревьях тусклые блики. То холодная июньская ночь севера, родная сестра октябрьскому дню... В такую ночь звучит грусть в голосах поющих птичек, и знаю я, почему печальна их песнь — холод убивает птенцов. Такой ночью поющие птицы напоминают мне маленьких детей города, полуодетых, с грустными глазами, бессильно пляшущих на ледяных камнях мостовой, под гнусавый голос шарманки.

§ 16.

Грамматическое предложение.

Примеры.

Конференция открывается. Начинаются приветствия. Раздается Интернационал. Записываются ораторы. Начинаются доклады. Выступают комсомольцы. Происходит обсуждение. Выносятся резолюции. Объявляется перерыв.	Конференция открылась. Начались приветствия. Раздался Интернационал.	Конференция откроется. Начнутся приветствия. Раздастся Интернационал.

Дописывайте сами.

Выводы.

1. Грамматическое предложение может состоять только из двух слов: склоняемого слова и согласуемого с ним глагола.

2. Именительный падеж склоняемого сл ва называется подлежащим предложения.

Примечание. Изредка и несклоняемое слово может служить подлежащим. Напр., „равнину оглашая, далече грянуло *„ура“ (Пушкин).*

3. Всякая глагольная форма, согласуемая с подлежащим, называется сказуемым предложения.

Задание 55.

Составьте сами несколько грамматических предложений.

§ 17.

Предложения распространенные и нераспространенные.

Примеры.

В десять часов утра открывается конференция. Начинаются приветственные речи. Раздается громкое пение Интернационала. В течение пятнадцати минут записывается громадное количество ораторов. Начинаются доклады о положении на местах. Комсомольцы выступают бойко и резко. Происходит длительное обсуждение. Выносятся резолюции по разнообразным вопросам. Объявляется двухчасовой перерыв.

Выводы.

1. Предложения, имеющие, кроме подлежащего и сказуемого, еще и другие слова, называются распространенными.

2. Предложения, состоящие только из подлежащего и сказуемого, называются нераспространенными.

3. Подлежащее и сказуемое называются главными членамм предложения.

4. Слова, зависящие от подлежащего или сказуемого или примыкающие к ним, называются второстепенными членами предложения.

Задание 56.

Придумайте какие-либо нераспространенные предложения и дополните их другими словами (т.-е. сделайте их распространенными).

Задание 57.

Составьте описание вашего учебного дня распространенными и нераспространенными предложениями.

§ 18.

Полные и неполные предложения.

Примеры.

1. Помнишь рощу за заводом? Что за песни, что за речи, что за огненный порыв! *(Князев.)*	1. Помнишь ли ты рощу за заводом? Что за песни раздаются, что за речи слышатся, что за огненный порыв несется!
2. Прямо дороженька: насыпи узкие, столбики, рельсы, мосты. А по бокам-то все косточки русские... *(Некрасов.)*	2. Прямо идет дороженька, виднеются насыпи узкие столбики, рельсы, мосты. А по бокам-то лежат все косточки русские...
3. Город пышный, город бедный, дух неволи, стройный вид, свод небес зелено-бледный, скука, холод и гранит. *(А. Пушкин.)*	3. Виднеется город пышный, виднеется город бедный, ощущается дух неволи и т. д.
4. Все в библиотеках да на собраниях. *(Л. Сейфуллина)*	4. Они проводят время все в библиотеках да на собраниях.
5. Только до избы — там согреюсь. *(А. Чапыгин.)*	5. Я думаю добраться только до избы — там согреюсь.
6. Потом опять на Кубани, где активно провел всю гражданскую войну. *(Ф. Гладков.)*	6. Потом я был опять на Кубани, где активно провел всю гражданскую войну.

Выводы.

1. Предложения, в которых имеется и подлежащее и сказуемое, называются полными предложениями.

2. Предложения, в которых подлежащее или сказуемое, или и то и другое отсутствуют, но могут быть восполнены, называются неполными предложениями.

Задание 58.

Найдите полные и неполные предложения в отрывке из „Повести о днях моей жизни“ Ивана Вольнова:

Белобрысый захаровский парень — староста пришел с перевязанной головой.

— Ну, так как же у вас? — спросил Лопатин.

— Тринадцать убитых, — отвечал я.

— Знаю, слышал... об этом, Петрович, после. Прежде — что важнее... Ружьишки не забыли?—кивнул он на княжую экономию.

— Ты как, шахтер?

— Завтра ярманка... надо в Мытищи...—хрипло отозвался Петя.

— Гуртом? Я тоже этак думаю... Матренушка, ты что нам скажешь?

— Поезжайте, — ответила сестра.

— А вы, ребята? — Ехать?.. Дипломатик, малец, сбрось, сейчас чтоб не было!..— Микитич сорвал с Дениски пальто.— Поди, изруби его топором! — крикнул он второму захаровскому парню, приехавшему вместе с ним.

— Зачем же? Хоть бы продать кому-нибудь, коли мне не даете,— закричал Дениска. — Я трудился — нес его.

— Петрович, он у нас записан или нет?

— Стало быть, записан, — ответил Дениска...— Еще двадцать копеек хотел взять за запись.

— Ну, так слушайся, голубок, старших, если записан...

Разговоры были недолгими. Согласились, что дело еще только началось. Никто не поднимал вопроса о необходимости какой-нибудь организации действий, никому не приходила в голову мысль, что не нынче-завтра нагрянет начальство.

Лопатин тотчас же после собрания уехал в свою деревню.

— Бывайте живы, соколики!.. Завтра на ярманке увидимся.

§ 19.

Предложения с составным сказуемым.

Примеры.

1) Я — *сын полей и вольных пашен,*
Вы — *дети фабрик, знойных руд,*

мое заветное и ваше —
однообразно-серый *труд...*
Ваш мир — *огонь и лязг машины,*
мой — златорунные *поля,*
Но в этом разном мы *едины.*

(*Я. Тисленко*).

2) Утром, как солнышко обогрело, все стало *живым и радостным.* (*Л. Сейфуллина.*)

3) Мы — *ржаные, толокончые,*
пестрядинные, запечные.
Вы — *чугунные, бетонные,*
электрические, млечные.

(*Н. Клюев.*)

4) *Товарищами* его *были* такие же безусые, как и он сам; между ними лучшими *друзьями считались* двое. Один *был Щукин,* другой *назывался Шаров.*

(*Каронин-Н. Петропавловский.*)

5) Наша ветхая лачужка
и *печальна* и *темна.* (*А. Пушкин.*)
6) *В зубах* — цыгарка, *примят* картуз,
на спину б *надо* бубновый туз! (*А. Блок.*)
7) Но правда все-таки *родней* мне и *дороже.* (*Д. Бедный.*)

Вопрос.

Можно ли поставить данные примеры в другом времени (1, 3, 5, 6, 7 в прошедшем или будущем, а 2-й и 4-й — в настоящем или будущем)?

Выводы.

1. Сказуемые бывают двух родов: простые и составные.

2. Простые сказуемые состоят из одного слова и выражены глаголом (см. предыдущие упражнения), а составные — из двух слов: глагола-связки и добавочных слов (какой-либо части речи).

3. Эти добавочные слова не могут быть опущены, — а глагольная связка нередко опускается или заменяется при помощи тире.

Задание 59.

Найдите простые и составные сказуемые и укажите, какими частями речи они выражены в следующем отрывке из произведения П. Низового „За Октябрь“.

РАБОЧИЙ ОТРЯД.

Формировались во дворе, у заводских спален.

— Левое плечо вперед!.. Арш!..— Слесарь Вавилов сделал три шага впереди отряда. — Ать! Два! Левой!.. Левой!..

За отрядом на улицу вылились провожающие, все свои, заводские. Бабы несли сундучки и узелки; на глазах слезы и покорность, непредотвратимая необходимость. У молодежи и ребятишек — любопытство, острый интерес к необычному. Заиграл оркестр, свой же, заводский — уходил вместе.

Крепким, уверенным шагом отбивал по булыжнику рабочий отряд. Все были сосредоточенные, молчаливые. Шли, чтобы в истекающую кровью, нередко колеблющуюся, Красную армию влить свою рабочую стойкость. Знали ожидающее их и шли. Республика дала директиву: покончить с врагом.

Уверенно, без сомнения, без надрыва несли свои жизни на защиту завоеваний Октября.

Перрон гудит тысячами голосов. Споры, плач, молодые задорные выкрики. Разлилось, плещется серое, солдатское. На многих шинели сидят нескладно, топорщатся, точно накрахмаленные, да и сами эти солдаты неуклюжи, неповоротливы, по-бабьи топчутся, не знают, куда девать руки. У некоторых за поясом бомбы, сбоку — револьвер. Гордо прохаживаются, окидывают взглядом окружающих. Тут же — несколько женщин в шинелях и солдатских ботинках с обмотками — ткачихи с Государственной № 2.

С любовью и гордостью, с добродушными усмешками смотрят провожающие, ласково подтрунивают, — все свои, близкие, товарищи, идут за общее, рабочее дело. Пройдет немного времени, и они, оставшиеся сейчас у верстаков и станков, пойдут туда же — пополнять поредевшие ряды, устилать своими трупами дорогу грядущему всечеловеческому миру.

Бабы утирают наплаканные глаза, виснут на плечах у мужей и сыновей. Идут последние наказы, последние советы. У некоторых солдат на руках дети, отдают им отцы свою последнюю ласку. Выстукивают по асфальту каблуки, гремят у поясов котелки.

Бородастому, одинокому стало уже скучно или тягостно:

— Скоро ли? Надоело ждать! — Он сел на тачку, локти в коленки, и уперся тяжким, неподвижным взглядом в поблескивающие мертвые рельсы.

Первый звонок. Колыхнулись, загудели. Под широкой железной кровлей — густой, тяжелый шум.

— Товарищи-и!..

У решетки, на ящиках, человек в меховой куртке. Толпа метнулась к нему, уплотняясь, тискаясь. Он вытянул руки. Застыло тысячеустое, тысячегрудое, превратилось в слух.

— Товарищи-и!.. Живой кусок своего окровавленного тела посылаем мы сегодня туда, в далекие степи!..

Чеканит стальной голос в холодной, ночной тиши. Напряглись головы в пытающем слухе. Под широким железным навесом, покачиваясь, вспыхивают и бледнеют электрические фонари, ветер пересчитывает под крышей пыльные железные стропила. А за крышей, за мягким матовым светом — тьма, ночь, и где-то далеко, может быть, и близко — смертный, вековой враг. Нужно уничтожить его, стереть в прах, иначе он уничтожит и сотрет, не оставит следа. Уже тысячи легли за грядущее счастье человечества, и лягут еще многие и многие тысячи. Но с каждой новой жертвой путь этот короче, и каждая капля крови пойдет в тот цемент, который спаивает воедино трудящиеся классы. На Дону, на Волге, на Уральских горах поднялось не народное, трудовое, а вскрылило себя надеждой кулацкое, помещичье и золотобрюхое! Оно будет опрокинуто, смято, обращено в пыль!..

Тревожна, напряженна городская ночь. Где-то звонки, где-то гудки; сухо хлопнул одинокий выстрел. Передвигаются по линиям вагоны, звякают цепи...

Долго аплодируют, кричат меховой куртке. На смену ей — с рыжими усами, в шинели.

— Это кто?

— Семенов! Рабочий-токарь! Наш комиссар!

— ...Крепко будем помнить ваш наказ! Постоим!.. Облегчите и вы нашу службу! Семьи наши не забудьте!..

— Не забудем!..

— Позаботимся! Они наши теперь!

Второй звонок.

— Посадка-а! По ваго-онам!..

Застонала платформа, заметались крики, плач. Высокий, в шинели с нашивками, гудит басом к воющим бабам:

— Замолчите! Выгоню!..

Седой старик без фуражки поднял на плечи девочку и показывает дрожащим пальцем к теплушке:

— Вон, видишь, у двери стоит, машет рукой!

— Папа!.. — кричит девочка, и по щекам ее ползут слезы.

...Поезд медленно уходит во тьму.

§ 20.

Безличные предложения.

Примеры.

1. Ах, в самом деле *рассвело!* *(Грибоедов.)*

2. Его *бросило* в жар, потом в холод. *(А. Чапыгин.)*

3. *Тяжело* тут в телеге-то, парень. *(Вс. Иванов.)*

4. Нет, тебя за живое *взяло,* — возбужденно кричит сосед. *(И. Вольнов.)*

5. Не *обидно* терпеть от такого гриба? *(А. Неверов.)*

6. То *скосило* градом, то *сняло* пожаром. *(А. Кольцов.)*

7. А *задумано-то* как, мастерски *задумано.* *(Ив. Тургенев.)*

8. И я боялся лишь заснуть —
Так *было сладко, любо* мне.
(М. Лермонтов.)

9. В деревне *пусто.* Нет овинов.
Полынь в степи и на дворе.
И над пустым забытым клином
Высокой *холодно* заре.
(П. Орешин.)

10. Из двери *дует.* Но здесь *теплее,* чем на улице. *(Л. Сейфуллина.)*

11. Есть *хочется,* плакать *хочется.* Забудет Мишка про него (Сережку), сядет один и уедет, а он и дороги не знает, как домой дойти. Если бы и знал — нельзя: дойдешь до оврага — там жулики. Мужиков больших убивают, мальчишку маленького ничего не *стоит*: сразу — смерть. *(А. Неверов.)*

Выводы.

1. Глаголы, не имеющие ни форм множественного числа, ни форм первого и второго лица единственного числа (а в прошедшем времени и форм мужского и женского рода), называются безличными (1-й и 2-й примеры).

Примечание. Все остальные глаголы, по сравнению с безличными, называются личными.

2. Предложения, имеющие сказуемым безличный глагол, называются безличными.

3. Некоторые личные глаголы (примеры 3, 4, 10), а также прилагательные среднего рода краткой формы (примеры 5, 6, 7, 9) могут употребляться в безличном смысле и тогда тоже образуют сказуемые безличных предложений.

Задание 60

I. Даны предложения:

1) убило громом; 2) занесло непогодой; 3) разбило бурей; 4) сломало ветром; 5) заложило уши; 6) белеет на дворе.

Переделайте их в личные и добавьте к ним другие слова.

II. Дополните какими-либо словами следующие предложения: смеркается, вечереет, рассветало, свежело, холодно, тепло, свежо, страшно, досадно, весело, шумно, уютно, смешно, приятно.

Задание 61.

Найдите:

а) безличные, б) с составным сказуемым и в) неполные предложения в следующем отрывке:

КУСТАРНЫЙ ЗАВОД.

Работаю на маленьком кустарном заводике. Токарный станок один. Ему лет двадцать — ветеран. Станина корява (суппорт разболтан, шпиндель пляшет), кулаки патрона сбиты. Не работа — мука: отдает, пляшет, дрожит.

Советую пьяненькому старику-хозяину отремонтировать станок. Он щурит слезливые от водки и нюхательного табаку глаза, ударяет рукой по бабке станка и наступает на меня:

— Это его в ремонт? А чем он плох? Разболтан? Да это, если хочешь понимать, не станок, а конь, первосортный битюг. Сразу видно, что на больших заводах работал ты. Может, в баню его для тебя сводить, да в стрижку - брижку? Не фордыбачь, работай...

Пожимаю плечами и предлагаю не брать точной работы.

— Не брать точной работы? — вспыхивает старик. — И это мне, хозяину, говоришь?!. Да это, как хочешь понимать, не твоего ума дело!

— Но ведь нельзя же порядочную работу выполнить с такой развалиной...

— Нельзя? Молод ты еще учить меня, глуп!

Отмахиваюсь и склоняю к суппорту голову. На нее сыплются ворчанье, брань и искры полупьяных глаз. *(Н. Ляшко.)*

§ 21.

Знаки препинания внутри грамматических предложений и между ними.

Общие указания.

I. Знаки препинания нужны для обозначения:

1) способа произношения, остановок в речи и

2) смысловых отличий.

II. Способом произношения или интонацией называют изменение голоса — повышение или понижение.

III. Интонация сопровождается остановками, или паузами.

Примечание. Существует еще случайная (исторически укоренившаяся) постановка знаков: так, запятая ставится перед вторым и третьим *и*, перед вторым, третьим и четвертым *и*; запятая не ставится перед первым *и* (внутри предложения), перед первым и вторым *и*, если их только два.

Примеры.

1. Мастерская, как всегда, сложно гудела своим обычным гудом: бился яростно железный шум, вращались ремни, визжали станки, воздух выл, крутился, стонал. *(С. Семенов.)*

2. И над Голодом сраженным,
свой увидя приговор,
будуть выть предсмертным воем
челядь верная и двор:
и священство, и бояре,
и купцы, и прочий сброд, —
все, чью власть навеки сбросил
пробудившийся народ. *(Д. Бедный.)*

3. Не видя слез, не внемля стона,
на пагубу людей избранное судьбой,
здесь барство дикое, без чувства, без закона,
присвоило себе насильственной лозой
и труд, и собственность, и время земледельца.
(А. Пушкин.)

§ 22.

Вопросительные предложения. Вопросительный знак.

Примеры.

1) О, *кто* ты, родина? Старуха?
иль властноокая жена? *(Н. Клюев.)*

2) Но *кто* родней — мой дядя ли, Семен Сергеевич,
иль это солнце мая? *(Вас. Казин.)*

3) Не ты *ли*, Русь моя родная,
зажгла немеркнущий маяк? *(Я. Бердников.)*

4) Ты хочешь знать, *что* делал я на воле? *(М. Лермонтов.)*

5) *Разве* даром революция спешила
чутким слухом одарить глухих?
Разве даром рабочая блуза
выходила в октябрьский штурм? *(Г. Лелевич.)*

6) — Здравствуйте, товарищ Грачева... Я хотел вас спросить, как пройти в городской сад.

— В городской сад? Я только что оттуда, там ведь субботник был... по заготовке дров. Почти весь сад мы вырубили.

— Вы разве партийная?

— Нет, но на субботник можно ходить беспартийным. А я считаю, что нужно помочь коммунистам. Не правда ли?

— Конечно, конечно... я бы тоже пошел, если б знал об этом субботнике заранее. Ну, и много вы наработали?

— Да, много, я забыла сколько кубов, но почти весь сад вырубили... *(Ю. Либединский.)*

7) Чьей силой заводы пускалися в ход?
Чьим потом кровавым кропилися нивы?
Чьим хлебом кормилася шайка господ?
Очистив от трутней рабочий наш улей, —
мы ль снова их пустим назад? *(Д. Бедный.)*

Выводы.

1. Предложения, имеющие вопросительную интонацию (повышения), называются вопросительными.
2. В конце вопросительных предложений ставится вопросительный знак.
3. Вопросительные предложения могут иметь вспомогательные слова, выражающие вопрос: *что*, *кто*, *как*, *чем* и др.

Задание 62.

Даны примеры:

1) Ты что, Пешков, скучный стал, нездоровится, что ли? *(Горький.)* 2) Скажите, вы в пятом году не выступали на митингах? *(Гастев.)* 3) Равнодушно слушая проклятья в битве с жизнью гибнущих людей, из-за них вы слышите ли, братья, тихий плач и жалобы детей? *(Некрасов.)* 4) Эй, за кого там задымилась рана, во имя ль хищнического торжества, иль торжества трудящегося стана? *(В. Казин.)* 5) Для того ль из злой неволи вырван труд детьми труда, чтобы цепи рабской доли вновь надеть нам? *(Д. Бедный).*

1. Найдите вспомогательные слова.
2. Придумайте вопросительные предложения: а) с вспомогательными словами и б) без них.

§ 23.

Восклицательные предложения. Восклицательный знак.

Примеры.

1) Эй, посылайте на смену! *(Короленко.)*

2) Голубчики! И одёженки-то военной не на всех! *(Сейфуллина.)*

3) Прочь с дороги, мир отживший, сверху донизу прогнивший! *(Шкулев.)*

4) Пусть сильнее грянет буря! *(М. Горький.)*

5) Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая, сама пойдет, —
подернем, подернем, да ухнем! *(Рабочая песня.)*

6) Эй! берегись! под лесами не балуй! *(В. Брюсов.)*

7) Вставай, проклятьем заклейменный,
весь мир голодных и рабов!

8) Настала пора, и проснулся народ,
великий, могучий, свободный! *(Бедный).*

9) Ломая кольцо блокады,
бросая обломки ввысь,
всё вперед, за грань, за преграды,
алым всадником — мчись! *(В. Брюсов.)*

10) Край ты мой, родимый край!
Конский бег на воле!
В небе крик орлиных стай!
Волчий голос в поле!
Гой ты, родина моя!
Гой ты, бор дремучий!
Свист полночный соловья!
Ветер, степь да тучи! *(А. Толстой.)*

Выводы.

1. Предложения, имеющие восклицательную интонацию (повышения), называются восклицательными.

2. В конце восклицательных предложений ставится восклицательный знак.

3. Восклицательные предложения могут иметь вспомогательные слова: пусть, прочь, эх, эй и др. (1-я группа.)

Задание 63.

Даны примеры:

1) Опомнитесь. В землю воткните штыки,
бедняки, бедняки
Пусть земля, орошенная кровью народной,
со стали холодной
сотрет, пусть сотрет страшный след со штыков.
(Д. Бедный).

2) Шире двери, долой запоры
рати юные идут. *(Нечаев.)*

3) Революционный держите шаг.
Неугомонный не дремлет враг. *(А. Блок.)*

4) И гневно, свергая в мятежном огне
позорные цепи и долю,
несется сзывающий клич по стране:
„За волю, за волю, за волю" *(Алексей Гмырев.)*

а) Перепишите их и поставьте восклицательные знаки там, где они пропущены.

б) Найдите вспомогательные слова.

§ 24.

Повествовательные предложения. Точка.

Пример.

Шум реки наполняет всю окрестность. Небо сплошь загорожено теплыми тучами. Далеко лают собаки в разных концах. Смутно белеющими пятнами проступают хаты. Густо несется храп из-под повозок. Мерно и звучно жуют лошади. *(Серафимович.)*

Выводы.

1. Интонация точки (понижения голоса), по сравнению с интонациями вопросительной и восклицательной, называется повествовательной.

2. Предложения, имеющие интонацию понижения с последующей паузой, называются повествовательными.

Общие выводы к §§ 22, 23 и 24.

1. Предложениям свойственна одна из трех интонаций: восклицательная, вопросительная и повествовательная.

2. Этим трем интонациям соответствуют три различных знака на письме: восклицательный, вопросительный и точка.

3. Красная строка всюду обозначает большую паузу между предложениями.

Задание 64.

Отыщите предложения, перепишите их и расставьте точки и большие буквы в следующем отрывке из произведения Сейфуллиной „Правонарушители".

Осень свою нитку до середины доплела березы облетели бор глухим сумрачным стал насупилось небо озеро больше не синело птицы улетели волка на пашне видели в дачах печи протапливать стали с гор ветер злой подул и не только дождь и хмарь с осенью пришли голод поближе к колонии подвинулся хозяйственная комиссия подсчитала и паек определила мяса не стало рыба из озера поддерживала но трудно пришлось ребятам на ферме работу заканчивали техник приехал электричество налаживать вечером одеяла стегали а ветер с гор все свирепел скоро выстывали печи дров много надо нарубить и привезти деревня близко от колонии была в деревне и летом хлеба не хватало картошка не уродилась ребятишки голодные в колонию прибегали стайками детский дом в деревне был заморились там ребята мальчишку из детского дома у завхоза на дворе поймали мясо украл собранием постановили своим отделением считать этот детский дом.

§ 25.

Многоточие.

Примеры.

1) Я сидел у раскрытого окна... утром, ранним утром первого мая. *(Ив. Тургенев.)*

2) Светает!.. Ах! как скоро ночь минула!
Вчера просилась спать: — отказ!
„Ждем друга". Нужен глаз да глаз,
Не спи, покудова не скатишься со стула.
Теперь вот только что вздремнула —
уж день!.. Сказать им. (Стучится к Софье.)
Эй, Софья Павловна, беда.
Зашла беседа ваша за ночь.
Вы глухи?.. Алексей Степаныч!
Сударыня!.. И страх их не берет!
(Отходит от двери.)

Ну, гость неприглашенной,
быть может, батюшка войдет! *(А. Грибоедов.)*

3) В печке кричит сверчок. В последней комнате, за дверью, похрапывает хозяин и подмастерье Афанасий... Колыбель жалобно скрипит, сама Варька мурлычет — и все это сливается в ночную, убаюкивающую музыку, которую так сладко слушать, когда ложишься в постель. *(А. Чехов.)*

4) Блеща средь полей широких,
вон он льется... Здравствуй, Дон!
От сынов твоих далеких
я привез тебе поклон... *(А. Пушкин.)*

5) Хотел меня суду предать... я... бух ему в ноги!.. не погубите!.. *(А. Островский.)*

6) Наконец, мы пришли туда... Село „гуляло"... На улице толпа девушек в разноцветных платьях водила хоровод, крича дикими голосами что-то непонятное и бесконечно-тягучее... Неподалеку от хоровода стояли две палатки, в которых бойко шла торговля „гостинцами". *(С. Подъячев.)*

7) Старик, я слышал много раз,
что ты меня от смерти спас. —
Зачем? Угрюм и одинок,
грозой оторванный листок,
я вырос в сумрачных стенах,
душой дитя, судьбой монах. *(М. Лермонтов.)*

8) Мы сады взрастим в пустыне,
с толщей дебрей вступим в бой... *(А. Безыменский.)*

Выводы.

1. Многоточие употребляется вместо точки.
2. Многоточие обозначает:

а) перерыв в речи,

б) бóльшую паузу и

в) мéньшее понижение голоса, чем при точке.

Примечания. 1. Многоточие нередко сопровождается вопросительным или восклицательным знаком.

2. После многоточия пишется то большая, то малая буква.

3. Большая буква ставится в начале каждого предложения.

4. Малая буква ставится внутри предложения.

Задание 65.

Расставьте многоточие в отрывке из повести Горького „Мать".

В конце улицы, — видела мать, — закрывая выход на площадь, стояла серая стена однообразных людей без лиц. Над плечом у каждого из них холодно и тонко блестели острые полоски штыков. И от этой стены, молчаливой, неподвижной, на рабочих веяло холодом, он упирался в грудь матери и проникал ей в сердце.

Она втиснулась в толпу, туда, где знакомые ей люди, стоявшие впереди у знамени, сливались с незнакомыми, как бы опираясь на них. Она плотно прижалась боком к высокому, бритому человеку; он был кривой и, чтоб посмотреть на нее, круто повернул голову.

— Ты что? Ты чья? — спросил он.

— Мать Павла Власова! — ответила она, чувствуя, что у нее дрожит под коленами, и нижняя губа невольно опускается.

— Ага! — сказал кривой.

— Товарищи! — говорил Павел. — Всю жизнь вперед — нам нет иной дороги!

Стало тихо, чутко. Знамя поднялось, качнулось и, задумчиво рея над головами людей, плавно двинулось к серой стене солдат. Мать вздрогнула, закрыла глаза и ахнула — Павел, Андрей, Самойлов и Мазин только четверо оторвались от толпы.

Но в воздухе медленно задрожал светлый голос Феди Мазина:

— „Вы жертвою пали" — запел он.

— „В борьбе роковой", — двумя тяжелыми вздохами отозвались густые, пониженные голоса. Люди шагнули вперед, дробно ударив ногами землю. И потекла новая песня, решительная и решившаяся.

— „Мы отдали все, что могли, за него", — яркой лентой извивался голос Феди.

— „За свободу", — дружно пели товарищи.

— Ага-а! — злорадно крикнул кто-то в стороне. — Панихиду запели, сукины дети!

— Бей его! — раздался гневный возглас.

Мать схватилась руками за грудь, оглянулась и увидела, что толпа, раньше густо наполнявшая улицу, стоит нерешительно, мнется и смотрит, как от нее уходят люди со знаменем. За ними шло несколько десятков, и каждый шаг вперед заставлял когонибудь отскакивать в сторону, точно путь посреди улицы был раскален, жег подошвы.

— „Падет произвол" — пророчила песня в устах Феди.

— „И восстанет народ!" — уверенно и грозно вторил ему хор сильных голосов.

Но сквозь стройное течение ее прорывались тихие слова:

— Командует.

— На руку! — раздался резкий крик впереди.

В воздухе извилисто качнулись штыки, упали и вытянулись навстречу знамени, хитро улыбаясь.

— Ма-арш!

— Пошли — сказал кривой и, сунув руки в карманы, широко шагнул в сторону.

Мать не мигая смотрела. Серая волна солдат колыхнулась и, растянувшись во всю ширину улицы, ровно, холодно двинулась, неся впереди себя редкий гребень серебристо сверкавших зубьев стали. Она, широко шагая, встала ближе к сыну, видела, как Андрей тоже шагнул вперед Павла и загородил его своим длинным телом.

— Иди рядом, товарищ! — резко крикнул Павел. Андрей пел, руки у него были сложены за спиной, голову он поднял вверх. Павел толкнул его плечом и снова крикнул:

— Рядом! Не имеешь права! Впереди — знамя!

— Ра-азойтись! — тонким голосом кричал маленький офицерик, размахивая белой саблей. Ноги он поднимал высоко и, не сгибая в коленях, задорно стукал подошвами о землю. В глаза матери бросились его ярко начищенные сапоги.

А сбоку и немного сзади него, тяжело шел рослый бритый человек, с толстыми седыми усами, в длинном сером пальто на красной подкладке и с желтыми лампасами на широких штанах. Он тоже, как хохол, держал руки за спиной, высоко поднял густые седые брови и смотрел на Павла.

Мать видела необъятно много, в груди ее неподвижно стоял громкий крик, готовый с каждым вздохом вырваться на волю, он душил ее, но она сдерживала его, хватаясь руками за грудь. Ее толкали, она качалась на ногах и шла вперед без мысли, почти без сознания. Она чувствовала, что людей сзади нее становится все меньше, холодный вал шел им навстречу и разносил их.

Все ближе сдвигались люди красного знамени и плотная цепь серых людей, ясно было видно лицо солдат — широкое, во всю улицу, уродливо сплюснутое в грязно-желтую узкую полосу — в нее были неровно вкраплены разноцветные глаза, а перед нею жестоко сверкали тонкие острия штыков. Направляясь в груди людей, они, еще не коснувшись их, откалывали одного за другим от толпы, разрушая ее.

Мать слышала сзади себя топот бегущих. Подавленные тревожные голоса кричали:

— Расходись, ребята!

— Власов, беги!

— Назад, Павлуха!

— Бросай знамя, Павел! — угрюмо сказал Весовщиков. — Дай сюда, я спрячу!

Он схватил рукой древко, знамя покачнулось назад.

— Оставь! — крикнул Павел.

Николай отдернул руку, точно ее обожгло. Песня погасла. Люди остановились, плотно окружая Павла, но он пробился вперед. Наступило молчание, вдруг, сразу, точно оно невидимо опустилось сверху и обняло людей прозрачным облаком.

Под знаменем стояло человек двадцать, не более, но они стояли твердо, притягивая мать к себе чувством страха за них и смутным желанием что-то сказать им.

— Возьмите у него, поручик, это! — раздался ровный голос высокого старика.

Протянув руку, он указал на знамя.

К Павлу подскочил маленький офицерик, схватился рукой за древко, визгливо крикнул:

— Брось!

— Прочь руки! — громко сказал Павел.

Знамя красно дрожало в воздухе, наклоняясь вправо и влево, и снова встало прямо — офицерик отскочил, сел на землю. Мимо матери несвойственно быстро скользнул Николай, неся перед собой вытянутую руку со сжатым кулаком.

— Взять их! — рявкнул старик, топнув в землю ногой.

Несколько солдат выскочили вперед. Один из них взмахнул прикладом — знамя вздрогнуло, наклонилось и исчезло в серой кучке солдат.

— Эх! — тоскливо крикнул кто-то.

И мать закричала звериным, воющим звуком. Но в ответ ей из толпы солдат раздался ясный голос Павла:

— До свиданья, мама! До свиданья, родная.

— Жив! Вспомнил! — дважды ударило в сердце матери.

— До свиданья, ненько моя!

Поднимаясь на носки, взмахивая руками, она старалась увидеть их и видела над головами солдат круглое лицо Андрея — оно улыбалось, оно кланялось ей.

— Родные мои, Андрюша, Паша — кричала она.

— До свиданья, товарищи! — крикнули из толпы солдат.

Им ответило многократное, разорванное эхо. Оно отозвалось из окон, откуда-то сверху, с крыш.

§ 26.

Двоеточие.

Примеры.

1) Уж всходит солнце земледельца!..
Забитый, он на месть не скор;
но знай: на своего владельца
давно уж точит он топор. (*И. Никитин.*)

2) Запутались Сережкины мысли: и взять и не взять. И есть хочется, и перед товарищем стыдно. *(А. Неверов.)*

3) Не серна под утес уходит,
орла заслышав тяжкий лет:
одна в сенях невеста бродит,
трепещет и решенья ждет. *(А. Пушкин.)*

4) К тетушкам приехала их соседка с детьми: двумя барышнями, гимназистом и с гостившим у них молодым художником. *(Л. Толстой.)*

5) Я был скромен — меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен. Я глубоко чувствовал добро и зло — никто меня не ласкал, все оскорбляли: я стал злопамятен; я был угрюм — другие дети веселы и болтливы; я чувствовал себя выше их — меня ставили ниже: я сделался завистлив. Я был готов любить весь мир — меня никто не понял: и я выучился ненавидеть. *(М. Лермонтов.)*

6) Питкевич продолжал:

„У него не только изуродована рука, у него на теле чудовищный шрам наискосок через грудь". *(Л. Сейфуллина.)*

7) Школы ФЗУ делятся по производственным циклам на:

а) текстильные;
б) полиграфические;
в) металло-обрабатывающие;
г) транспортные;
д) табачные и т. д.

8) Разве иногда прибавит с укоризной: „А вы все еще верите в авторитеты?". *(Ив. Тургенев.)*

9) Полоса выбралась трудная, с камешком: в великую силу они с мужичком ее одолели. *(М. Салтыков.)*

10) Да как всегда: бесится с жиру,— сказал Захар,— а все за тебя, по твоей милости, перенес я горя-то немало: все насчет квартиры-то! Бесится: больно не хочется съезжать... *(Ив. Гончаров.)*

Выводы.

1. Двоеточие употребляется между предложениями и внутри предложений:

а) перед перечислением (4-й и 7-й примеры),

б) перед чьей-либо речью (6-й и 8-й примеры),

в) если в одном предложении высказывается причина, а в другом следствие (5-й и 9-й примеры),

г) если предложение или предложения, следующие за первым, служат для пояснения речи (1-й, 2-й, 3-й и 10-й примеры).

2. Двоеточие обозначает либо предупредительную, либо пояснительную интонацию.

Примечание. 1) Предупредительная интонация имеет следующие признаки:

а) более быстрый, по сравнению с интонацией точки, темп речи;

б) резкое ударение на ударном слове;

в) понижение голоса, меньшее, чем при точке, и сосредоточивающееся, в отличие от точки, целиком на ударном слове и

г) обязательную заключительную паузу.

2) Пояснительная интонация имеет следующие признаки:

а) *уподобление* предложения, предшествующего двоеточию, и предложения, следующего за ним *по тону* друг другу (самые типы интонаций могут быть различны); и

б) обязательную паузу на границах.

Задание 66.

Расставьте двоеточие в следующих примерах:

1) Они некоторое время глядели в глаза друг другу один спокойно и непроницаемо, другой весело и открыто. *(Л. Толстой.)* Чем кто ближе с ним (Ноздревым) сходился, тому он скорее всех насаливал распускал небылицу, глупее которой трудно выдумать, расстраивал свадьбу, торговую сделку и вовсе не почитал себя вашим неприятелем. *(Гоголь.)* 3) Мать у чулана моргает то-то сердешный, поди, на войне голоду-холоду принял. *(М. Волков.)* 4) Он был очень забавен глаза его блестели, язык немного путался ему хотелось целоваться и изъясняться в любви со всеми. *(Л. Толстой.)* 5) Из города ответили прислать в библиотекари некого. *(Л. Сейфуллина.)* 6) Я знаю одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть она, как червь, во мне жила, изгрызла душу и сожгла. *(М. Лермонтов.)* 7) Повернулась, отворила ворота и сказала въезжайте во двор лошадь в сарай заводи, теплее буде, а сами идите в избу, погрейтесь. *(А. Серафимович.)* 8) А об чем говорить-то будешь? Обо всем о советской власти, о разрухе, о коммуне. *(А. Неверов.)*

§ 27.

Тире и черточка.

Примеры.

1) Завод — отец. Ячейка — дом.
Семьища — книги, труд, ребята.
Мы в Комсомолии живем,
стране великой и богатой.
Мне радость — брат, а солнце — тёзка.
Вот поле жизни. Я — жнецом.
И вот вам, вот мое лицо,
лицо рабочего подростка. *(А. Безыменский.)*

2) Народ выходил из станицы — кто на работу, кто на реку, кто на кордоны. *(Л. Толстой.)*

3) Шагнет Андрон — по избе колокольчики. Налево — звон, направо — звон. С музыкой весь. *(А. Неверов.)*

4) Я не француз Дефорж — я Дубровский. *(А. Пушкин.)*

5) От здания к зданию
протянут канат.
На канате — плакат:
„Вся власть Учредительному Собранию!“
Старушка убивается — плачет,
никак не поймет, что значит,
на что такой плакат,
такой огромный лоскут?
Сколько бы вышло портянок для ребят,
а всякий раздет, разут... *(А. Блок.)*

6) — Как зовут?

— Григорий Иванович Песков.

— Какой губернии? — брезгливо и невнятно спрашивал комендант.

— Дальний. Поди-ка и дорогу туды теперь не найду. Иваново-Вознесенской.

— Как же ты в Сибирь попал?

— Это какая Сибирь! Я и подале побывал,— сказал и гордо оглядел присутствовавших. *(Л. Сейфуллина.)*

7) Я сказал — брошу воровство! Ей-богу брошу! Коли сказал — сделано. Я грамотный: буду работать... Вон он говорит — в Сибирь-то по своей воле надо итти... едем туда, ну!.. Ты думаешь, моя жизнь не претит мне? Но — я одно чувствую: надо жить... иначе, лучше надо жить! надо так жить... чтобы самому себя можно мне было уважать... *(М. Горький.)*

8) Горбулин, похожий в сумерках на куст *перекати-поле*, бесшумно догонял курицу. *(Вс. Иванов.)*

9) *Кто-то* за кулисами потушил электричество. Дикие крики, шум и грохот наполнили мрак. *Оглушительно-резко* раздались почти одновременно два ружейных выстрела. *(Еф. Зозуля.)*

10) В избе, кроме мужика, который привел меня, никого не было.

— Один живешь? — спросил я, оглянувшись.

— Какой один... разя можно одному?.. Жана у меня. *Дочь-девка...* Сын на службе в Красной армии.

— Где же они *сейчас-то?*

— На мельницу уехали... жду вот... должны сейчас быть...

— Как *ехать-то* по такой дороге?.. Да и темно...

— Недалеча здесь, дорога знакомая... А у тебя где же, гляжу я, *поклажа-то?..* Ни сумки, ничего нету... Куда *едешь-то?*

— В Москву.

— Зачем? — не спуская с меня пытливого подозрительного взора, спросил он.

— По делу.

— Купить, небось, *чего-нибудь?*

— Соли купить,— чтобы отвязаться, соврал я. *(С. Подъячев.)*

11) Двигались медленно, и много потеряли убитыми и ранеными, и когда Спицын в синем утреннем тумане, на пригорке у заборов и домиков заметил далекую цепь врагов, край неба уже был *ярко-розовым*, и солнце *вот-вот* должно было выкатиться *из-за* волнистого, далекого горизонта. *(Ю. Либединский.)*

12) — *Ну-ну*, шути, да не больно! Я тебе не собачья нога! Я от комиссара штаба, за меня ответишь, брат!.. *(Ал. Малышкин.)*

Выводы.

1. Тире употребляется между предложениями и внутри предложений в следующих случаях:

а) при пояснении (2-й и 4-й примеры);

б) при пропуске слов (1-й, 3-й, 5-й и 7-й примеры);

в) в начале строк перед чьей-либо речью (6-й пример).

2. Тире обозначает:

а) сильное повышение голоса перед ним и

б) продолжительную паузу на его месте.

3. Черточка ставится:

а) между словами-определениями (8-й и 10-й примеры);

б) между существительными, глаголами и другими частями речи, а также и частичкой *то*, словом *нибудь* (9-й и 10-й примеры);

в) между двумя повторяющимися словами (11-й и 12-й примеры);

г) между двумя краткими прилагательными, употребленными в значении наречий (9-й пример), или одним кратким, а другим полным прилагательными (11-й пример).

Задание 67.

Поставьте *тире* и *черточки* в отрывке из произведения М. Горького „Городок Окуров“.

Сидели за столом в малиннике; Савелий Кожемякин тряхнул головой, вобрал в грудь много воздуха и протянул руку.

— И вот река Волга матушка, братец ты мой! Ширины она огромной, глубока, светла и течет... как будто в грудь тебе течет, али бы из груди твоей льется... это даже невозможно понять, до чего хорошо, когда лежит пред тобою широкий путь водный, солнышком озолоченный!

И бегут по нем, как лебедя, косовые лодки грудастые, однокрылые, под одним, значит, белым парусом... Золотые беляны с тесом вальяжно, как дворянки в кринолинах, не спеша спускаются; тут тебе мокшаны и коломенки, и разного фасона барки да баржи, носа свои пестрые вверх подняв, весело бегут по синей то реке, как на бархате шелком вышиты. На иных парусах кумачом оторочены, мачты дерева вертунами золочеными украшены: где стрела, где петух, где рука с мечом, это чтобы ветер показывать, а больше для красы.

Которые палубы крышами крыты, а по крышам коньки то резаны: тоже кочета или вязь фигурная, и все разными красками крашено, и флажки цветные на мачтах птицами бьются; все это на реке, как в зеркале, и все движется, живет, гуляй, душа!

Он говорил тихо и как бы на распев церковный. Толстые пальцы протянутой вперед руки легонько шевелились, точно он псалом царя Давида на гуслях играл. Потом, опустив руку, он стал чертить пальцем на доске стола круги и кареты, задумчиво продолжая:

— Идешь ты на барже, а встречу тебе берега плывут, деревни, села у воды стоят, лодки снуют, словно ласточки, рыбаки снасть ставят, по праздникам народ пестро кружится, бабьи сарафаны полымем горят мужики то поволжские сытно живут, одеваются нарядно, бабы у них прирабатывают, деньги дороги, одежа дешева. Взглянешь, бывало, на берег, вспыхнет сердце загогочешь, загайгакаешь во всю силу эй, вы, жители! Здорово ли живем? Бечевой бурлаки согнувшись идут, как баранки на мочало вздетые, маленькие они издаля то. Песни гудут, ровно бы большущие пчелы невидимо летят. А ночью потемнеет река, осеребрится месяцем, на привалах огни засветятся, задрожав на черной то воде, смотрят в небо как бы со дна реки, а в небе звезды эти наши русские и так мило все душе, такое все родное человеку! Обнимает Волга сердце доброй лаской, будто говорит тебе:

„живи де, браток, не тужи! Чего там?“. Волга, Матвей, это уж воистину за труд наш, для облегчения от бога дана, и как взглянешь на нее окрылится сердце радостью, ничего тебе не хочется, не надобно, только бы плыть вот какая разымчивая река!

Он замолчал, вздохнул и опустил голову, молчал и мальчик, охваченный большим и светлым чувством гордости: никогда еще отец не говорил с ним так мягко и сердечно.

§ 28.

Точка с запятой.

Примеры.

1) И вновь пустынными проселками
звучит напевный бег саней;
и в сердце — грусть по дымному поселку,
где солнечные дни ценней;
где синеблузая окраина
на злую силу меч кует;
где, — верю, Русь, — в борьбе необычайной
есть пробуждение твое!.. *(С. Обрадович.)*

2) В доме мало-по-малу нарушалась тишина: в одном углу где-то скрипнула дверь; послышались по двору чьи-то шаги; на сеновале кто-то чихнул. *(Гончаров.)*

3) Нужно было одеваться; нужно было на непредвиденные расходы откладывать; нужно было непременно свои деньги иметь.

(Достоевский.)

Вывод.

Точка с запятой употребляется между отдельными предложениями с менее заметной паузой и бо́льшей смысловой связью, чем при точке.

Задание 68.

Расставьте точки и точки с запятой в следующем отрывке из очерка Тургенева „Лес и степь“.

На темно-сером небе кой-где мигают звезды влажный ветерок изредка набегает легкой волной слышится сдержанный, неясный шопот ночи деревья слабо шумят, облитые тенью вот кладут ковер на телегу, ставят в ноги ящик с самоваром пристяжные

ежатся, фыркают и щеголевато переступают ногами пара только что проснувшихся белых гусей молча и медленно перебираются через дорогу за плетнем, в саду, мирно похрапывает сторож каждый звук словно стоит в застывшем воздухе, стоит и не проходит вот вы сели лошади разом тронулись громко застучала телега... Вы едете-едете мимо церкви, с горы направо, через плотину... пруд едва начинает дымиться вам холодно немножко, вы закрываете лицо воротником шинели вам дремлется лошади звучно шлепают ногами по лужам кучер посвистывает. Но вот, вы отъехали версты четыре... край неба алеет в березах просыпаются, неловко перелетывают галки воробьи чирикают около темных скирд светлеет воздух, видней дорога, яснеет небо, белеют тучки, зеленеют поля в избах красным огнем горят лучины, за воротами слышны заспанные голоса а между тем, заря разгорается, вот уже золотые полосы протянулись по небу, в оврагах клубятся пары жаворонки звонко поют, предрассветный ветер подул,— и тихо всплывает багровое солнце свет так и хлынет потоком сердце в вас встрепенется, как птица, свежо, весело, любо! Далеко видно кругом вон, за рощей деревня вон, подальше, другая, с белой церковью, вон березовый лесок на горе за ним болото, куда вы едете... Живее, кони, живее! Крупной рысью вперед!.. Версты три осталось, не больше солнце быстро поднимается небо чисто... Погода будет славная стадо потянулось из деревни к нам навстречу вы взобрались на гору... какой вид! Река вьется верст на десять, тускло синея сквозь туман за ней водянисто-зеленые луга за лугами пологие холмы вдали чибисы с криком вьются над болотом сквозь влажный блеск, разлитый в воздухе, ясно выступает даль... не то, что летом как вольно дышит грудь, как быстро движутся члены, как крепнет весь человек, охваченный свежим дыханием весны!..

§ 29.

Обособленные члены предложения.

А) Пунктуация имен прилагательных, стоящих после своих существительных, с обособленной интонацией.

Примеры.

1) Когда толпа увидела перед собой длинную ломаную линию солдат, *преграждавшую ей путь на мост,*— людей не остановила эта тонкая серая изгородь. *(М. Горький.)*

2) Никогда я еще не видал такого множества рабочих, *собранных вместе. (А. Свирский.)*

3) Маленькие желтенькие цыплята, *похожие на кусочки масла*, выкатились из-под навеса. *(Вс. Иванов.)*

Выводы.

Имена прилагательные, употребленные после того существительного, с которым они согласуются, и имеющие при себе одно или несколько зависимых слов, произносятся (вместе с ними) с особой интонацией и паузой и отделяются запятыми: а) одной запятой, если дальше не следует никаких слов (2-й пример); б) двумя запятыми, если дальше что-либо следует (1-й и 3-й примеры).

Б) Пунктуация имен прилагательных, стоящих перед своим существительным.

Примеры.

1) *Босоногий, оборванный и взъерошенный* Сучок казался с виду отставным дворовым, лет шестидесяти. *(Ив. Тургенев.)*

2) *Разгоряченный и взволнованный*, я разболтался.

(А. Пушкин.)

3) Лошак [1]) ворочал белками на *пропитанном гарью* лице и не отрывался от работы. *(Ф. Гладков.)*

4) *Сбитая в стадо* толпа смыкалась перед ним в рыхлую непролазную гущу — плаксивую, по-нищенски липкую, с сухими зубами в землистых губах, как у трупов. *(Ф. Гладков.)*

5) *Разгульный и бодрый,* едет он на вороном коне, подбоченившись и молодецки заломив шапку. *(Гоголь.)*

Выводы.

1. Имена прилагательные, употребленные перед теми существительными, с которыми они согласуются, и имеющие при себе одно или несколько зависимых слов, не образуют, *по большей части*, особой группы с отдельным ударным словом и потому в произношении не выделяются.

2. Эти имена прилагательные (вместе со всеми зависимыми словами) не отделяются запятой от своих существительных (3-й и 4-й примеры).

3. Имена прилагательные, употребленные перед теми существительными, с которыми они

---

[1]) Прозвище.

согласуются, имеющие при себе одно или несколько зависимых слов (и без них), произносятся вместе с ними иногда как особая группа с отдельным ударным словом.

4. Эти имена прилагательные (вместе со всеми зависимыми словами) отделяются запятой от своих существительных (2-й и 5-й примеры).

В) Пунктуация глагольных наречий.

Примеры.

1) *Тяжело вздыхая и беспрестанно поворачиваясь*, лежал Герасим и вдруг почувствовал, как будто его дергают за полу.
(И. Тургенев.)

2) И пляшет сумрак в галочьей тревоге, *согнув луну в пастушеский рожок. (С. Есенин.)*

3) *Терпя весь век во всем нужду и недохватку,*
мужик все ищет правду-матку
и в простоте своей бредет порой туда,
где правды нет следа
и не было зачатку. *(Д. Бедный.)*

4) Невыразимо тяжело и грустно становилось на сердце, *глядя на это жилище. (Д. Григорович.)*

5) Как хорошо расстаться с ночью
и, *не успев ее забыть,*
еще мутясь от сонных клочьев,
вдруг утро Пушкиным открыть. *(В. Казин.)*

6) По стародавней привычке, *попахав вдосталь*, собирались мужики на межах потолковать и покурить, покуда обсушивал ветер взопревших лошадей. Они присаживались на что попало, *наслаждаясь буйностью первовесеннего месяца, стряхивая с себя оцепененье долгих и душных зимних ночей. (Л. Леонов.)*

Выводы.

Глагольные наречия со всеми зависящими от них словами выделяются запятой, если употреблены в начале или в конце предложения (1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й примеры), и — запятыми, если стоят внутри предложения (5-й, 6-й примеры).

Г) Пунктуация слабо управляемых слов (существительных и прилагательных).

Примеры.

1) Отвечавший был толстый мужик, *с рыжей большой бородой, в извозчичьем длинном тулупе, с кнутом в руках и в рваной папахе,* из-под которой на лоб текли капельки пота.

(Ю. Либединский.)

2) Этот, по словам Аркадия Павловича, государственный человек был роста небольшого, *плечист, сед и плотен, с красным носом, маленькими голубыми глазами и бородой в виде веера.*

(Ив. Тургенев.)

Выводы.

Слабо управляемые существительные и прилагательные, с предлогами или без них, произносящиеся, как особая группа, могут выделяться на письме запятой, если стоят в начале или в конце предложения, и запятыми, если — внутри предложения.

Задание 69.

Найдите обособлённые члены в следующем тексте из повести Л. Толстого „Казаки".

На другой день был праздник. Вечером весь народ, блестя на заходящем солнце праздничным нарядом, был на улице. Вина было нажато больше обыкновенного. Народ освободился от трудов. Казаки через месяц сбирались в поход, и во многих семействах готовились свадьбы.

На площади, перед станичным правлением и около двух лавочек,— одной с закусками и семечками, другой с платками и ситцами,— больше всего стояло народа. На завалинке дома правления сидели и стояли старики в серых и черных степенных зипунах без галунов и украшений. Старики спокойно, мерными голосами беседовали между собой об урожаях и молодых ребятах, об общественных делах и о старине, величаво и равнодушно поглядывая на молодое поколение. Проходя мимо их, бабы и девки приостанавливались и опускали головы. Молодые казаки почтительно уменьшали шаг и, снимая папахи, держали их некоторое время пред головою. Старики замолкали. Кто строго, кто ласково, осматривали они проходящих и медленно снимали и снова надевали папахи.

Казачки еще не начинали водить хороводы, а, собравшись кружками в яркоцветных бешметах и белых платках, обвязываю-

щих голову и глаза, сидели на земле и завалинках хат, в тени от косых лучей солнца, и звонко болтали и смеялись. Мальчишки и девчонки играли в лапту, зажигая мяч высоко в ясное небо, и с криком и писком бегали по площади. Девочки-подростки на другом углу площади уже водили хороводы и тоненькими, несмелыми голосами пищали песню. Писаря, льготные и вернувшиеся на праздник молодые ребята в нарядных белых и новых красных черкесках, обшитых галунами, с праздничными, веселыми лицами, по-двое, по-трое, взявшись рука с рукой, ходили от одного кружка баб и девок к другому и, останавливаясь, шутили и заигрывали с казачками. Армянин-лавочник в синей черкеске тонкого сукна с галунами стоял у отворенной двери, в которую виднелись ярусы свернутых цветных платков, и с гордостью восточного торговца и сознанием своей важности ожидал покупателей. Два краснобородые босые чеченца, пришедшие из-за Терека полюбоваться на праздник, сидели на корточках дома своего знакомца и, небрежно покуривая из маленьких трубочек и поплевывая, перекидывались, глядя на народ, быстрыми гортанными звуками. Изредка непраздничный солдат в старой шинели торопливо проходил между пестрыми группами по площади. Кое-где уже слышались пьяные песни загулявших казаков. Все хаты были заперты, крылечки с вечера вымыты. Даже старухи были на улице. По сухим улицам везде в пыли, под ногами, валялась шелуха арбузных и тыквенных семечек. В воздухе было тепло и неподвижно, в ясном небе голубо и прозрачно. Бело-матовый хребет гор, видневшийся из-за крыш, казался близок и розовел в лучах заходящего солнца. Изредка с заречной стороны доносился дальний гул пушечного выстрела. Но над станицей, сливаясь, носились разнообразные веселые, праздничные звуки!

§ 30.

Запятая.

Примеры.

ПОЕЗД.

1) Шпалы гнутся, шпалы стонут,
рельсы в светлом поле тонут,
поезд мчится, мчится, мчится,
даль струится, серебрится,
ветер крутит, ветер бьет,
ветер нижет и поет:
Эй вы, эй ты, близкий — дальний,
молот чекай в наковальню,
молот чекай, сердце токай,

путь веселый, путь широкий —
вот он, вот он, впереди,
только весело гляди.
Лесом, лугом, степью, полем...
Мы творим, куем и волим,
мчится выше, мчится ниже,
к цели ближе, ближе, ближе,
мчатся годы, мчатся дни,
ближе станции огни.
Эй, вы! Эй, вы, мчитесь, мчитесь,
стройтесь, стройтесь и любитесь...
Стройте сами, будьте с нами,
будьте сами мастерами.
Взвейте, вскиньте выше гор
вашей силы семафор.
Все мы в поезде, в пути мы,
все мы чайки, рельсы, дымы,
мы в погоне, мы в вагоне,
в красном шуме, в красном звоне,
в быстрой скачке средь равнин!
все мы, все мы, как один.

(П. Орешин.)

2) Сошлись семь мужиков Подтянутой губернии, уезда Терпигорева, Пустопорожней волости, из смежных деревень. Заплатова, Дырявина, Разутова, Знобишина, Горелова, Неелова, Неурожайка-тож. *(Некрасов.)*

3) От хат соломенных селений,
где жизнь смирением горда,
на грозный зов сиренных пений,
пришли в стальные города. *(Мих. Герасимов.)*

4) Слова хозяйки были прерваны странным шипением, так что гость было испугался: шум походил на то, как бы вся комната наполнилась змеями; но, взглянувши вверх, он успокоился, ибо смекнул, что стенным часам пришла охота бить.

(Н. Гоголь.)

Выводы.

З а п я т ы е употребляются в следующих случаях:

1) в н у т р и п р е д л о ж е н и й:

а) для выделения п е р е ч и с л я е м ы х слов (1-й, 2-й примеры) и предложений (1-й пример);

б) для выделения о б о с о б л е н н ы х ч л е н о в (3-й пример и предыдущие упражнения);

2) между отдельными предложениями (1-й и 4-й примеры) (даже и в тех случаях, когда интонационные границы отсутствуют).

Задание 70.

Объясните расстановку запятых в каком-либо отрывке читаемого вами произведения.

Задание 71.

Перепишите следующие отрывки и *расставьте* знаки (запятые, точки с запятой и точки) там, где они пропущены.

1) Визг шкивов
Бег ремней
Завывание ротаций
Круженье колес и валов
Взмахи ритмичные рук
Сотен рук
Покрытых свинцовой пылью
Покорные воле единой
Буква к букве
Слово к слову
Строка к строке
Колонна к колонне
Целые армии строятся из знаков свинцовых
Целые армии звуков и песен,
Что сбежались из всех городов и селений
По звенящим в далеких просторах
Проводам телеграфным
Прислушайся к стуку валов и колес,
Прислушайся к шелесту белой бумаги,
Что завтрашний день в миллионах листов
На перекрестки
В вагонах трамваев
В вокзалы
В деревни
Свинцовую песнь разнесут
О том,
Что где-то в далекой Австралии
В Индии
В Конго
Рабы взбунтовались...
А где-то корабль затонул в океане
И где-то холера с чумой совершает обход
Два короля совещаются в море на яхте...
Быстрей кружатся колеса
Приводы шкивы и валы
Ротации воют и стонут
Мелькают листы
И так же ритмично
Усталые руки
Свинцовые строят полки
Колонна к колонне
Ряд к ряду
Бесстрастно и прямо,
Вперед, вперед и вперед
Барабанщики черные,
Знаменосцы свинцовые
На приступ идут.
И новые звуки
И новые песни
И новые зори
Несут на знаменах
Усталому миру.

(Хохлов.)

2) Чичиков вступил в темные широкие сени от которых подуло холодом как из погреба. Из сеней он попал в комнату тоже темную чуть-чуть озаренную светом выходившим из-под

широкой щели находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь он, наконец, очутился в свету и был поражен представшим беспорядком. Казалось как будто в доме происходило мытье полов, и сюда на время нагромоздили всю мебель. На одном столе стоял даже сломанный стул и, рядом с ним, часы с остановившимся маятником, к которому паук уже приладил паутину. Тут же стоял прислоненный боком к стене шкап с старинным серебром графинчиками и китайским фарфором. На бюро выложенном перламутровою мозаикой которая местами уже выпала и оставила после себя одни желтенькие желобки наполненные клеем лежало множество всякой всячины куча исписанных мелко бумажек накрытых мраморным позеленевшим прессом с яичком наверху какая-то старинная книга в кожаном переплете с красным обрезом лимон весь высохший ростом не более лесного ореха отломленная ручка кресел рюмка с какою-то жидкостью и тремя мухами накрытая письмом кусочек сургуча кусочек где-то поднятой тряпки два пера запачканные чернилами высохшие как в чахотке зубочистка совершенно пожелтевшая которою хозяин, может быть, ковырял в зубах своих еще до нашествия на Москву французов.

По стенам навешано было весьма тесно и бестолково несколько картин длинный пожелтевший гравюр какого-то сражения с огромными барабанами, кричащими солдатами в трехугольных шляпах и тонущими конями без стекла вставленный в раму красного дерева с тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми же кружками по углам. В ряд с ними занимала полстены огромная почерневшая картина писанная масляными красками изображавшая цветы фрукты разрезанный арбуз кабанью морду и висевшую головой вниз утку с середины потолка висела люстра в холстинном мешке от пыли сделавшаяся похожею на шелковый кокон в котором сидит червяк в углу комнаты была навалена куча того что погрубее и что недостойно лежать на столах. Что именно находилось в куче решить было трудно ибо пыли на ней было в таком изобилии что руки всякого касавшегося становились похожими на перчатки заметнее прочего высовывался оттуда отломленный кусок деревянной лопаты и старая подошва сапога. Никак бы нельзя было сказать чтобы в комнате сей обитало живое существо если бы не возвещал его пребыванье старый поношенный колпак, лежавший на столе. *(Н. Гоголь.)*

§ 31.

Кавычки.

Примеры.

1) Но даже и тогда,
когда на всей планете
пройдет вражда племен, исчезнет ложь и грусть,

я буду воспевать всем существом в поэте
шестую часть земли
названьем кратким „Русь“. *(С. Есенин.)*

2) Упорный взор вонзая в дали
и песней радуя простор,
на корабле „Лениниады“
я к берегам грядущего плыву.
Плыву, пою и славлю море.
Играй под кораблем, вода! *(Г. Санников.)*

3) Шли месяцы, матушка все больше и больше входила в роль властной госпожи, а Мавруша продолжала „праздновать“, и даже хлебы начала печь спустя рукава.

(Салтыков-Щедрин.)

4) Хотел инструктор отделаться фразой „лес рубят — щепки летят“, но, неожиданно для себя, обнял за плечи Ваньку, стал ходить с ним по комнате и посыпал мелкий, но четкий горох своих слов, зазвучавший глубокой полнотой человеческой искренности. *(Л. Сейфуллина.)*

5) „А ты не знаешь,— с жаром подхватил Илюша:— ну, брат, откентелева же ты, что Тришки не знаешь? Сидни же у вас в деревне сидят, вот уж точно сидни!“ *(Ив. Тургенев.)*

6) „Куда ездил? говорил Ноздрев и, не дождавшись ответа, продолжал: — А я, брат, с ярмарки. Поздравь: продулся в пух. Веришь ли, что никогда в жизни так не продувался? Ведь я на обывательских приехал. Вот посмотри нарочно в окно!“ Здесь он нагнул сам голову Чичикова, так что тот чуть не ударился ею об рамку. „Видишь, какая дрянь? Насилу дотащили, проклятые; я уже пересел вот в его бричку“. Говоря это, Ноздрев показал пальцем на своего товарища. „А вы еще не знакомы? Зять мой, Мижуев! Мы с ним все утро говорили о тебе: „Ну смотри, говорю, если мы не встретим Чичикова“. Ну, брат, если бы ты знал, как я продулся. Поверишь ли, что не только убухал четырех рысаков — все спустил. Ведь на мне нет ни цепочки, ни часов...“ Чичиков взглянул и увидел, точно, что на нем не было ни цепочки, ни часов. Ему даже показалось, что и один бакенбард был у него меньше и не так густ, как другой. „А ведь будь только двадцать рублей в кармане,— продолжал Ноздрев, именно не больше, как двадцать, я отыграл бы все, то-есть, кроме того, что отыграл бы вот, как честный человек, тридцать тысяч сейчас положил бы в бумажник“.— Ты, однако, и тогда так говорил,— отвечал белокурый,— и когда я тебе дал пятьдесят рублей, тут же просадил их.“ — „И не просадил бы, не сделай я сам глупость, право, не просадил бы. А ты думаешь майор твой хорошо играет? — „Хорошо или нехорошо, однако же он тебя обыграл“.— „Эка важность,— сказал Ноздрев, этак и я его обыграю“. *(Н. Гоголь.)*

Выводы.

1. Кавычки употребляются в следующих случаях:

а) для обозначения чужой речи (со всеми присвоенными ей интонациями) (5-й и 6-й примеры);

б) для особого выделения названий тех или других предметов (стран, пароходов, журналов, книг и т. п.) (1-й и 2-й примеры);

в) при желании автора подчеркнуть особое смысловое значение какого-нибудь слова, выражения.

2. Чужая речь называется обычно прямой речью; речь, не передающая подлинные слова, называется в отличие от прямой речи, косвенной.

Примечание. Кавычки заменяются иногда тире (в тех случаях, когда имеется беседа нескольких лиц).

Задание 72.

Переделайте:

а) прямую речь в косвенную,

б) косвенную речь в прямую в отрывке из „Пошехонской старины“ Салтыкова-Щедрина.

Она была новоторжская мещанка и добровольно закрепостилась. Живописец Павел, скитаясь по оброку, между прочим, работал в Торжке, где и заметил Маврушу. Они полюбили друг друга, и матушка, почти никогда не допускавшая браков между дворовыми, на этот раз охотно дала разрешение, потому что Павел приводил в дом лишнюю рабу.

Года через два после этого Павла вызвали в Малиновец для домашних работ. Очевидно, он не предвидел этой случайности, и она настолько его поразила, что хотя он и не ослушался барского приказа, но явился один, без жены. Жаль ему было молодую жену с вольной воли навсегда заточить в крепостной ад; думалось: подержат господа месяц, другой, и опять по оброку отпустят.

Но матушка рассудила иначе. Работы нашлось много: весь иконостас в малиновецкой церкви предстояло возобновить, так что и срок определить было нельзя. Поэтому, Павлу было приказано вытребовать жену к себе. Тщетно молил он отпустить его, предлагая двойной оброк и даже обязываясь поставить за себя другого живописца; тщетно уверял, что жена у него хворая, к работе непривычная — матушка слышать ничего не хотела.

— И для хворой здесь работа найдется,— говорила она,— а ежели, ты говоришь, она не привычна к работе, так за это я возьмусь: у меня скорехонько прывыкнет.

Мавруша, однакож, некоторое время упорствовала и не являлась. Тогда ее привели в Малиновец по этапу.

При первом же взгляде на новую рабу матушка убедилась, что Павел был прав. Действительно, это было слабое и малокровное существо, деликатное сложение которого совсем не мирилось с представлением о крепостной каторге.

— Да ведь что же нибудь ты, голубушка, дома делала?— спросила она Маврушу.

— Что делала! хлебы на продажу пекла.

— Ну, и здесь будешь хлебы печь.

И приставили Маврушу для барского стола ситные и белые хлебы печь, да кстати, и печенье просфор для церковных служб на нее же возложили.

Мавруша повиновалась; но, повидимому, она с первого же раза поняла значение шага, который сделала, вышедши замуж за крепостного человека...

Задание 73.

Напишите рассказ, с разговором действующих лиц. *Канва* вагон железной дороги; два пассажира: рабочий и крестьянин (бедняк, кулак, предсельсовета); тема разговора — о смычке города с деревней; появление рабкора; итог беседы.

§ 32.

Простые и сложные предложения.

Примеры.

1) Мы с тобою родные братья:
я — рабочий, ты — мужик.
Наши крепкие объятья —
смерть и гибель для владык. *(Н. Тихомиров.)*

2) „Эй, Пелагея, сказала помещица стоявшей около крыльца девчонке лет одиннадцати, в платье из домашней крашенины и с босыми ногами, которые издали можно было принять за сапоги, так они были облеплены свежей грязью:— покажи-ка барину дорогу". *(Н. Гоголь.)*

3) Он несколько лет неутомимо работает над планами, думает, размышляет и ходя, и лежа, и дома, и в людях; то дополняет, то изменяет разные статьи, то возобновляет в памяти придуманное вчера и забытое ночью: а иногда вдруг, как молния, свер-

кнет новая неожиданная мысль и закипит в голове — и пойдет работа. *(И. Гончаров.)*

4) Солнце еще не поднималось, и в лощине под деревней было пасмурно и сыро, а уж мужики выехали пахать и сеять — в первый раз на помещичью землю.

Сколько лет ждали ее, смотрели на нее, и работали на ней, как на чужой, а теперь — своя.

Жалкое, изрезанное узкими полосками крестьянское поле, все изрытое рвами и пробоинами, жавшееся по буграм, смотрело бедно и убого. А рядом с ними — целое, разделенное на большие участки — свободное поле, точно обетованная земля. В поле выехали все. *(П. Романов.)*

Выводы.

1. Сочетание предложений, объединенных в интонационном отношении, называется сложным предложением.

2. Предложения, составляющие сложное предложение, называются простыми.

Задание 74.

1) Найдите в отрывке из произведения Серафимовича „Железный поток“ сложные предложения, разбейте их на простые и подчеркните обособленные члены.

Нестерпимо ослепительно глядит крохотное солнце на весь развернувшийся под ним край. Марево трепещет знойным трепетанием.

А люди говорят:

— Та нема ж найкращего, як наш край.

Слепящий блеск играет в плоскодонном море. Чуть приметно набегают стекловидные зеленые морщины, лениво моют прибрежные пески. Рыба кишмя-кишит.

Рядом другое море — бездонно-голубое и до дна, до самого дна отражается опрокинутая синева. Бесчисленно дробится нестерпимое сверкание — больно смотреть. Далеко по голубому дымят пароходы, черно протянув тающие хвосты, — за хлебом идут, гроши везут.

А от моря густо-синей громадой громоздятся горы: верхи завалены первозданными снегами; залегли в них глубокие голубые морщины.

В бесконечных горных лесах, в ущельях, в низинах и долинах, на плоскогорьях и по хребтам — всякой птицы, всякого зверя, даже такого, которого уже нигде не сыщешь во всем свете — зубр.

В утробе диких громад, размытых, загроможденных, навороченных — и медь, и серебро, и цинк, и свинец, и ртуть, и графит, и цемент, и чего-чего только нет, а нефть, как черная кровь, сочится по всем трещинам, и в ручьях, в реках тонко играют радугой расплывающиеся маслянистые пленки и пахнут керосином.

Найкращий край...

А от гор, а от морей потянулись степи, потянулись степи и потеряли границы и пределы. „Та нема ж им конца, и краю нема!..“

Безгранично лоснится пшеница, зеленеют покосы, либо без конца шуршат камыши над болотами. Белыми пятнами белеют станицы, хутора, села в неоглядной густоте садов, и остро вознеслись над ними в горячее небо пирамидальные тополя, а на знойно трепещущих курганах растопырили крылья серые ветряки.

По степи сереют отары неподвижно уткнувшихся друг в друга овец; густо колышется над ними с гудением миллионно-кишащее царство оводов, мошкары, комаров.

Лениво по колено отражается в зеркале степных вод красный скот. Тянутся к балкам, мотая головами, лошадиные косяки.

А надо всем — изнеможенно-звенящий, не умирающий зной.

На бегущих по дороге в запряжке лошадях соломенные шляпы, иначе падают от смертельно пристального взгляда крохотного солнца. И люди, неосторожно обнажившие голову, пораженные, с внезапно побагровевшим лицом, падают на обжигающую пыль дороги, стеклеют глаза... Тонко звенящий, всюду трепещущий зной.

Когда запряженный тремя, четырьмя парами круторогих быков тяжелый плуг режет в бескрайной степи борозду, отбеленный лемех отваливает такую жирную маслянистую землю, что не земля, а намазал бы, как черное масло, да ел. И сколько вглубь ни забирай тяжелым плугом, как ни взрезывай отбеленным лемехом, все равно до мертвой глины не доберешься, все равно сияющая сталь отворачивает нетронутые, девственные, единственные в мире пласты — чернозем — местами до сажени.

И какая же сила, какая же нечеловечески родящая сила! Заткнет в землю, балуясь, мальчишка валяющуюся жердь, глядь, побеги выбросила, глядь, уже дерево шатром ветки раскинуло. А виноград, арбузы, дыни, груши, абрикосы, помидоры, баклажаны, да разве перечесть! И все громадное, невиданное, противоестественное.

Заклубятся облака в горах, поползут над степями, польют дожди, напьется жадная земля, а потом начинает работать безумное солнце, и засыпается страна невиданным урожаем.

„Та нема ж края найкращего, як цей край“.

§ 33.

Бессоюзное соединение предложений.

Примеры.

1) Была ужасная пора:
об ней свежо воспоминанье. *(А. Пушкин.)*

2) Ушел он в рыжем старом пальто, в серой шапке; среди рабочих, одетых в черное, его сразу бы можно заметить.

(А. Яковлев.)

3) Наверху, на штабном телеграфе, несмолкаемо стучали аппараты: бесконечно ползли ленты, крича короткие тревожные слова. *(А. Малышкин.)*

4) По ухабам еду ночью я в телеге.
Крикнул в тьму — сорвал с души своей запрет,
лес червонцами осыпал в тряском беге,
эхо дрогнуло и ухнуло в ответ. *(Семен Фомин.)*

5) Смотрел я на Петьку и дивился — на нем новый картуз в сорок копеек и каляная (плотная, крепкая) ситцевая рубашка.

(Гл. Успенский.)

Вывод.

Простые предложения могут соединяться следующим образом:

в произношении имеется обязательно пауза, сопровождаемая той или иной интонацией;

на письме — различные знаки препинания (двоеточие, точка с запятой, запятая, тире).

Задание 75.

Даны примеры. Разбейте их на предложения. Переписывая, расставляйте знаки.

Я все пою ведь я певец не вывожу пером строки брожу в лесу пасу овец в тумане раннем у реки. *(Сергей Клычков.)*

Да посидишь ли ты смирно, сударь, стыдно говорила нянька не все резв, однако же, ребенок он иногда вдруг присмиреет сидя подле няни и смотрит на все так пристально детский ум его наблюдает все совершающиеся перед ним явления они западают глубоко в душу его потом растут и зреют вместе с ним утро великолепное в воздухе прохладно солнце еще не высоко

от дома от деревьев и от голубятни и от галлереи от всего побежали далеко длинные тени в саду и на дворе образовались прохладные уголки, манящие к задумчивости и сну. *(И. Гончаров.)*

Разворачивайтесь в марше словесной не место кляузе тише, ораторы, ваше слово, товарищ маузер довольно жить законом данным Адамом и Евой клячу истории загоним. *(Вл. Маяковский.)*

В разлив весенний в Пермь на пароходе я возвращаюсь в город мой я весь в своем родном народе я еду лето жить домой. *(Вас. Каменский.)*

§ 34.

Соединение предложений посредством союзов и союзных слов.

Примеры.

1) Чины людьми даются, *а* люди могут обмануться. *(А. Грибоедов.)*

2) Когда ж пространствуешь, воротишься домой, *и* дым отечества нам сладок и приятен. *(А. Грибоедов.)*

3) Ваньке тринадцать, *и* сказываются тринадцать во всем. *(Колосов.)*

4) А белая лестница попрежнему хранила свою неизъяснимую тайну — *и* старый красный дворец на площади слабо мигал своими окнами и смотрел на площадь пустыми, гаснущими глазами. *(А. Аросев.)*

5) Тот, далекий, живет за снегами,
что к небу ведут, *как* ступени,
в городе с большими домами,
и зовут его люди — Ленин. *(Н. Тихонов.)*

6) Старуха вышла, *и* через несколько минут по скрипящим сходцам вошла в хату немая сестра Лукашки. *(Л. Толстой.)*

7) Пойди, заставь теперь любую бабу
из поскони наткать себе рубах,
когда все избы, исполкомы, штабы,
плетни форсят в московских кумачах. *(П. Орешин.)*

8) *Чем* дальше уезжал Оленин от центра России, тем дальше казались от него все его воспоминания, и *чем* ближе подъезжал к Кавказу, тем отраднее становилось ему на душе. *(Л. Толстой.)*

9) Стоит буржуй, *как* пес голодный,
стоит безмолвный, *как* вопрос.
И старый мир, *как* пес безродный,
стоит за ним, поджавши хвост. (*А. Блок.*)

10) И жена его сильно занята: она часа три толкует с Аверкой портным, *как* из мужниной фуфайки перешить Ильюше курточку, сама рисует мелом и наблюдает, *чтобы* Аверка не украл сукна; потом перейдет в девичью, задаст каждой девке, *сколько* сплести в день кружев; потом позовет с собой Настасью Ивановну или Степаниду Агаповну или другую из своей свиты погулять по саду с практической целью: посмотреть, *как* наливается яблоко, не упало ли вчерашнее, *которое* уже созрело. *(И. Гончаров.)*

Вывод.

Простые предложения могут соединяться еще следующим образом: в произношении имеется обязательная пауза, сопровождаемая той или иной интонацией;

на письме — тот или другой союз *(и, а* и т. п.), сопровождаемый обычно запятой.

Задание 76.

1) Найдите в следующем отрывке из произведения Леонида Леонова „Барсуки“: а) простые предложения и б) союзы на их границах.

2) Расставьте знаки препинания.

Последние восемь верст пришлось хромать солдату в ночное время влекло его неудержимо домой Был этот солдат громоздкого роста и на дорогах не напрасно косились люди на его большое лицо на его нескладный можжевеловый костыль этакая разбойничья кочерыжка Поистрепался в жаре военных неурядиц но и теперь видно было истовое дитя Воровской стороны костяк широкий поместительный есть где сердцу ходить

Потому что приходил он с другого края чем Брыкин попадались ему и места иные лесные неоткрытые. Итти было приятно по холодку приятно было возвращаться из тревожных городских зыбей в свою зеленую лесную глушь где вон она наступает неудержимая лесная лавина где вон они полянки не топтанные кажется ни человеком ни конем Но давала себя знать подраненная нога залеченная лишь наполовину отзывался каждый десятый шаг судорогой на его лице а на каждом сотом останавливался отдохнуть Ладно еще что никогда не бывает утомительна кладь путешествующего в одиночку солдата Дойдя до опушки он присел на пенек

Ночь приходила к убыли Небо прожелтело легонько с восточной лесной стороны в нижнем слою походя на новину новокрашенную ольхой Стояла настороженная тишина словно всякое прислушивалось из глубины своих нор с высот своих гнезд

к неуловимому началу восхода Яблоками пахла предвосходная та пора точно горы их были навалены где-то поблизости Вдруг зарделись земные закраины заголубела желтизна Похолодало на одно мгновенье Потом воздух вздрогнул ударили по нему первые быстрые лучи не сразу но вскочил один нечаянный и на письмо которое разложил солдат у себя на коленях

Тут разом заворошился лес все живое запищало закричало засвистело полезло громоздясь и вопя на широкую солнечную волю И месяц гость ночи зачарованный не спешил уходить хоть и сгонял его с неба умножающийся свет

Впереди текла Курья в версте за нею сидели Воры на холму Далеко влево на взмахе глаза высились Свинулинские развалины Подул ветерок и донес не расплескав к солдату разнозвучные голоса пробуждающегося села Резкий как и первый солнечный луч вплавился в воздух пастуший рожок Тяжко щелкнул невидимый бич И вдруг вся тишина наполнилась криками выгоняемого на луг скота даже тесно стало от звуков и было понятно что о том же кричит и корова и овца о чем и листок и птица и всякая лесная мелюзга Из крайнего заулка бурным потоком высыпали овцы и кони Воздух чист как ключевая вода пыль отяжелевшая за ночь не подымалась Не пылят утренние дороги ни под шагом ни под колесом

Ущемилось воспоминаньем солдатово сердце Дым и небылица Вот так же и он выганивал скотину и все силился выдуть из Лызловского рожка хоть четвертинку пастуховской песни О чем играл в давнем детстве Максим Лызлов Да обо всем что видано Видел бегущую собаку старый Максим о бегущей собаке и пел рожок Солдат встал и захромал ближе к Курье Воспоминанья неотступно следовали за ним Глебовская пойма здесь резали с Пашкой дудки из вёха а там под ветлой дремал Максим Вон там где от зимы осталась веха замычала первая корова Вот здесь мужики навалились на провинившегося Максима все заровнялось и не узнать теперь по сочной острой траве как пригоптана она была двенадцать лет назад

Стадо приблизилось к Семену располагаясь по сю сторону Курьи Опять под той же ветлой где и Максим сидит пастух и плетет обычный лапоть а пастушата собираются купаться Несбыточное и повторяемое из века в век И вот Семена потянуло к пастуху и он пошел хромым шагом а не доходя шагов трех поздоровался громко и дружелюбно

А ну дед закурим что ли

Закурим коли так спокойнехонько поднял веселые глаза старик и снова запрыгал шустрый кочеток прогоняя лыко в петли.

Из солдат вот иду сказал Семен опускаясь на траву возле пастуха.

Из солдат Ну и то дело А я лапоть вот плету согласился старый и покосился на драную Семенову шинель Росисто поле не садился бы Испортишь еще часом казенное-те добро

Обсушит засмеялся Семен протягивая ему махорку в горстке Эх ты ядовитый старичок ядовитей золовки.

А что старичок Не нонешней выделки старичок прочный Нонешней-то выделки все шарики пойдут

Они закурили Сладкие кольчики махорочного дымка свиваемые поземным ветерком понеслись на стоявшего невдали быка Бык понюхал воздух и таращась рогом подошел к пастуху уставился в него сторожа запах ноздрями и рогом

Ну ну Ступай, товарищш, ступай Куритель тоже нашелся замахал на него лапотной колодкой пастух Вишь бабы-те гляди заскучали без тебя Ступай

Бык понял и пошел к коровам

Комар-то не ест спросил Семен жадной струйкой выпуская дымок

До Петрова дни ест а потом уж ему не воля потом засыхает Мы не жалуемся Сам-то в городе что ли жил

До и в городе неохотно отвечал Семен

Дамой значит Очень хорошо и опять неторопливый шелест кочетка

С реки доносились возгласы пастушат фырканья их и плески В лесу захлебывалась кукушка И потом жаворонки жаворонки неустанные песельники утренних небес бултыхались в воздушных ветерках

Живете-то теперь как спросил Семен как бы вскользь

Живем хорошо ожидаем лучшего уклонился пастух

А ты небегай ты мне толком скажи настаивал Семен и досадливо потрогал длинный пастуховский кнут Ведь вот я двенадцать годов дома не был

Двена-адцать ну скажи-и равнодушно подивился тот и переложил кнут на другую сторону взяв его прямо из Семеновой руки

Так как же ждал Семен

Да что как есть мы деревенские обытели живем и всякий нас судит начал издалека пастух Одним словом, босы не ходим Было б лыко а сапоги будут и подмигнул своему суетливому кочетку Се-еньк вдруг закричал он подпаску натягивавшему на себя рубаху после купанья сгони корову с поймы-те

Так как же все не отступал Семен

Да вот и так же И насчет одежи совсем гоже В мешок рукава вшил вот и гуляй Мужику нашему что Селедка да самогон есть вот, значит, и царствие небесное хитрил пастух

Не об одеже спрашиваю Нонешним довольны ли глухо сказал Семен хмурясь от недоверия старика На фронте-т говорят говорят бывалошнее время так мозоли на ушах-то вскочут Я тебя как своего спрашиваю

Пастух отложил недоконченный лапоть в сторону и бережно потянул из почти докуренной папироски

Ты ко мне выходишь, парень, из лесу в ранний час Кто ты не знаю зачем ты не пойму А может ты меня, парень, на дурном

словить хочешь может тебе награду назначут коли ты старого Фрола за воротник возьмешь внятно и строго проговорил старик зорко и неодобрительно оглядывая Семена На-ко ехали мужики в водополье подсадили этакого Так ничего себе с хриповатиной только а чтоб оружья там так даже и нет Дорогой-то и брехали Известно какие только у мужиков слова во рту не живут И о холоде говорит а слова жаркие Человек-то и подкараулил

Савелья знаешь прервал его Семен и встал раздосадованный пастуховской осторожностью

Самокрутки их докурились разговор истекал

Портного Как не знать Эвось меринко его стоит

Ну-к а я сын его Ты мне не веришь а я и сам в пастушатах у Лызлова год проходил с обидой сказал Семен гладя рукой коротко остриженную голову.

У Максимки говоришь ходил загорелся разом пастух и глаза его стали светлы и веселы как голубое небо Помер Максимко-те Я-те уже Фрол Попов называюсь а Максимко помер да-а

Признав в Семене своего старик так разошелся что даже попросил еще табачку на завертку но первоначальный Семенов вопрос так и остался без ответа. Пора подошла перегонять стадо на другое место Фрол поднялся и уже на ходу успел сказать

Эка теснота Чуть не догляди а уж в низину прутся Эк небеса-т просторные вот бы где Фролу Попову стада свои гонять

§ 35.

Вводные слова и вводные выражения.

Примеры.

1) Вышел Молотков, *сказывают*, вышел! — сказал кто-то, пробегая мимо, и кучка кустарей метнулась за ним. (Вл. Короленко.)

2) Вон барыня в каракуле
к другой подвернулась:
— Уж мы плакали, плакали...
Поскользнулась
и — *бац* — растянулась. *(А. Блок.)*

3) Сознание, что писать могу и я, зародилось, *вероятно*, во мне, *во-первых*, в воскресной школе, где изредка ученикам задавались работы на темы: „Как я провел воскресенье" и т. д.; *во-вторых*, после прочтения мне одним из товарищей, токарем, своей рукописи. *(Н. Ляшко.)*

4) — Каменщик, каменщик, с верной лопатой,
кто же в ней (тюрьме) будет рыдать?

— *Верно*, не ты и не твой брат, богатый,
незачем вам воровать.
— Каменщик, каменщик, долгие ночи
кто ж проведет в ней без сна?
— *Может быть*, сын мой, такой же рабочий,
тем наша доля полна.
— Каменщик, каменщик, вспомнит, *пожалуй*,
тех он, кто нес кирпичи! *(В. Брюсов.)*

5) Бесчисленные золотые звезды, *казалось*, тихо текли все, наперерыв мерцая, по направлению млечного пути, и, *право*, глядя на них, вы как будто смутно чувствовали сами стремительный, безостановочный бег земли... *(Ив. Тургенев.)*

6) Думал — не удрать ли? Но Иван Алексеевич толстой белобрысой женщине — *у вешалки на стуле сидела* — сказал:

— Анфиса Михайловна, сейчас дрова привезут. Вот этот малый вам поможет их в сарай складывать. *(Л. Сейфуллина.)*

7) И вдруг — *обыкновенно это случалось весной, когда все на земле становится так обаятельно красиво, и чем-то укоризненно-ласковым веет на душу с ясного неба* — Игнат Гордеев как бы чувствовал, что он не хозяин своего дела, а низкий раб его. *(М. Горький.)*

8) Более не находилось ничего на сей уединенной или, *как у нас выражаются*, красивой площади. *(Н. Гоголь.)*

Выводы.

1. Существуют слова и выражения, не входящие в состав предложений. Они не связаны с остальными словами предложений ни управлением, ни согласованием, ни примыканием. Будем называть их вводными (*казалось, пожалуй* и др.).

2. Вводные слова и выражения произносятся глуше и быстрее, чем остальные слова предложения.

Задание 77.

Найдите вводные слова и вводные предложения и выделите их запятыми в следующем отрывке из повести Куприна „Молох“.

Подъезжая к своей квартире, Бобров заметил свет в окнах. „Должно быть без меня приехал доктор и теперь валяется на диване в ожидании моего приезда“, подумал он, сдерживая взмыленную лошадь. В теперешнем настроении Боброва доктор Гольдберг был единственным человеком, присутствие которого он мог выносить без болезненного раздражения.

Он любил искренно этого беспечного кроткого толстяка за его разносторонний ум, юношескую живость характера и добродуш-

ную страсть к спорам отвлеченного свойства. Какой бы вопрос ни затрагивал Бобров, доктор Гольдберг возражал ему с одинаковым интересом к делу и неизменной горячностью. И, хотя между обоими в их бесконечных спорах до сих пор возникали только противоречия, тем не менее они скучали друг без друга и видались чуть не ежедневно.

Доктор действительно лежал на диване, закинув ноги на его спинку, и читал какую-то брошюру, держа ее вплотную у своих близоруких глаз. Быстро скользнув взглядом по корешку, Бобров узнал „Учебный курс металлургии" Мевиуса и улыбнулся. Он хорошо знал привычку доктора читать с одинаковым увлечением, и непременно из середины, все, что только попадалось ему под руку.

— А я без вас распорядился чайком,— сказал доктор, отбросив в сторону книгу и глядя поверх очков на Боброва.— Ну, как попрыгиваете, государь мой Андрей Ильич? У — у! Да какой же вы сердитый! Что? Опять веселая меланхолия?

— Ах, доктор, скверно на свете жить,— сказал устало Бобров.

— Отчего же так, голубчик?

— Да так... вообще... скверно. Ну, как, доктор, ваша больница?

— Наша больница ничего... живет. Сегодня очень интересный хирургический случай был. Ей-богу и смешно и трогательно. Представьте себе, приходит на утренний осмотр парень из масальских каменщиков. Эти масальские ребята, какого ни возьми, все, как на подбор, богатыри.

— Что тебе? — спрашиваю. — Да вот, господин дохтор, резал я хлеб для артели, так палец маненечко попортил, руку никак не уймешь.— Осмотрел я его руку: так себе, царапинка, пустяки, но нагноилась немного, и я приказал фельдшеру положить пластырь. Только вижу, парень мой не уходит.— Ну, чего тебе еще надо? Заклеили тебе руку — и ступай.— Это верно говорит заклеили, дай бог тебе здоровья, а только вот што, этто башка у меня трешшыть, так думаю, заодно и напротив башки чего-нибудь дашь? — Что же у тебя с башкой? Треснул кто-нибудь верно — Парень так и обрадовался, загоготал.— Есть говорит тот грех. Ономнясь, на спаса (это значит дня три тому назад) загуляли мы артелью, да вина выпили ведра полтора, ну, ребята и зачали баловать промеж себя... Ну, и я тоже. А опосля... в драке-то нешто разберешься? Ка-ак он меня зубилом саданул по балде!.. починил стало быть... Сначала-то оно ничего было не больно, а вот теперь трешшыт башка-то.— Стал я осматривать и „балду" — и что же вы думаете? — Прямо в ужас пришел! Череп проломлен насквозь, дыра в пятак медный будет величиною, и обломки кости в мозг врезались!.. Теперь лежит в больнице без сознания. Изумительный я вам скажу народец: младенцы и герои в одно и то же время. Ей-богу, я не шутя думаю,

что только русский терпеливый мужик и вынесет такую починку балды Другой, не сходя с места, испустил бы дух. А потом, какое наивное незлобие: „В драке нешто разберешь?..“ Чорт знает, что такое!

Бобров ходил взад и вперед по комнате, щелкая хлыстом по голенищам высоких сапог и рассеянно слушал доктора. Горечь, осевшая ему на душу, до сих пор не могла успокоиться.

Доктор помолчал немного и, видя, что его собеседник не расположен к разговору, сказал с участием:

— Знаете что, Андрей Ильич. Попоробуемте-ка на минуточку лечь спать, да хватим на ночь ложечку-другую брому. Оно полезно в вашем настроении, и вреда все равно никакого не будет...

Они оба легли в одной комнате: Бобров на кровати, доктор на том же диване. Но и тому и другому не спалось. Гольдберг долго слушал в темноте, как ворочался с боку на бок и вздыхал Бобров, и наконец заговорил первый:

— Ну, что вы, голубчик? Ну, что терзаетесь? Уж говорите лучше прямо, что такое там в вас засело? Все легче будет. Чай все-таки не чужой я вам человек, не из праздного любопытства спрашиваю.

Эти простые слова тронули Боброва. Хотя его и связывали с доктором дружеские отношения, однако ни один из них до сих пор ни словом не подтвердил этого вслух: оба были люди чуткие и боялись колючего стыда взаимных признаний. Доктор первый открыл свое сердце. Ночная темнота и жалость к Андрею Ильичу помогли этому.

— Все мне тяжело и гадко, Осип Осипович — отозвался Бобров.— Первое мне гадко то, что я служу на заводе и получаю за это большие деньги, а мне это заводское дело противно и противно! Я считаю себя честным человеком и потому прямо себя спрашиваю: „Что ты делаешь? Кому ты приносишь пользу?“ Я начинаю разбираться в этих вопросах и вижу, что, благодаря моим трудам, сотня французских лавочников-рантье и десяток ловких русских пройдох со временем положат в карман миллионы.. А другой цели, другого смысла нет в том труде, на подготовку к которому я убил лучшую половину жизни!..

— Ну, уж это даже смешно, Андрей Ильич, — возразил доктор, повернувшись в темноте лицом к Боброву.— Вы требуете, чтобы какие-то „буржуи“ прониклись интересами гуманности. С тех пор, голубчик, как мир стоит, все вперед движется брюхом, иначе не было и не будет. Но суть-то в том, что вам наплевать на буржуев, потому что вы гораздо выше их. Неужели с вас не довольно мужественного и гордого сознания, что вы толкаете вперед, выражаясь языком передовых статей, „колесницу прогресса“? Чорт возьми! Акции пароходного общества приносят колоссальные дивиденды, но разве это мешает Фультону считаться благодетелем человечества?

— Ах, доктор, доктор, — Бобров досадливо поморщился: — но мне не придется ходить далеко за возражениями, потому что я сейчас разобью вас вашей же излюбленной теорией.

— То-есть, какой это теорией?.. Позвольте... я что-то не помню никакой теории... Право голубчик, я не помню... Забыл что-то...

— Забыли? А кто же здесь же, на этом самом диване с пеной у рта кричал, что мы, инженеры и изобретатели, своими открытиями ускоряем пульс общественной жизни до горячечной скорости? Кто сравнивал эту жизнь с состоянием животного, заключенного в банку с кислородом? О, я отлично помню, какой страшный перечень детей двадцатого века, неврастеников, сумасшедших, переутомленных, самоубийц, кидали вы в глаза этим самым добродетелям рода человеческого! Телеграф, телефон, стодвадцативерстные поезда говорили вы сократили расстояние до минимума — уничтожили его... Время вздорожало до того, что скоро начнут ночь превращать в день, ибо уже чувствуется потребность в такой удвоенной жизни. Сделка, требовавшая раньше целых месяцев, теперь оканчивается в пять минут. Но уж и это чортовская скорость не удовлетворяет нашему нетерпению... Скоро мы будем видеть друг друга по проволоке на расстоянии сотен и тысяч верст!.. А между тем, всего пятьдесят лет тому назад наши предки, собираясь из деревни в „губернию“, не спеша, служили молебен и пускались в путь с запасом, достаточным для полярной экспедиции... И мы несемся, сломя голову, вперед и вперед, оглушенные грохотом и треском чудовищных машин, одуревшие от этой бешеной скачки, с раздраженными нервами, извращенными вкусами и тысячами новых болезней... Помните, доктор? Все это ваши собственные слова, поборник благодетельного прогресса!

§ 36.

Обращения.

(Звательные слова.)

Примеры.

1) Я люблю вас, *пароходные гудки!*
Утром ранним вы свободны и легки.
Ночью темной вы рыдаете, вы бьетесь от тоски.

2) Я люблю тебя, *убогий грязный трюм,*
этот бешеный, подвальный жизни шум,
то мятежный, то, как омут, зол-угрюм.

3) Я люблю тебя, *суровая корма:*
стоном песен рулевых ты вся полна,
но голубит и ласкает тебя вольная волна.

Но всех больше полюбил я вас, *сигнальные огни:*
в буре, в шторме вы гуляете одни,
с горизонтов нелюдимых всем видны.

(А. Гастев.)

4) Ну, *молоканка*, что нос повесила? Ходит—ровно по стеклу, смотрит — будто душу чью-то загубила! *(М. Горький.)*

Выводы.

1. Именительные падежи имен существительных, обозначающие лицо (или предмет), к которому обращаются с речью, стоят вне предложения.

2. Эти слова (иногда соединенные с зависящими от них словами) употребляются с целью позвать кого-либо, обратить чье-либо внимание на данную речь. Будем их называть обращениями (звательными словами).

3. Звательные слова или выражения выделяются одной запятой, если стоят перед предложением или после предложения, и двумя запятыми — если вставлены в предложения.

Примечание. Одна запятая нередко заменяется восклицательным знаком.

Задание 78.

1. Найдите обращения и расставьте знаки препинания в сцене из произведения Островского „Свои люди — сочтемся".

Устинья Наумовна *(входя)*

Уф фа фа Что это у вас серебряные лестница-то какая крутая лезешь лезешь насилу вползешь

Липочка

Ах да вот и она Здравствуй Устинья Наумовна

Устинья Наумовна

Не больно спеши Есть и постарше тебя Вот с маменькой-то покалякаем прежде *(целуясь)* Здравствуй Аграфена Кондратьевна Как встала ночевала все ли жива бралиантовая

Аграфена Кондратьевна

Слава создателю Живу хлеб жую целое утро вот с дочкой балясничала

Устинья Наумовна

Чай об нарядах все *(целуясь с Липочкой)* Вот и до тебя очередь дошла Что это ты словно потолстела изумрудная Пошли творец Чего ж лучше как не красотой цвести

Фоминишна

Тьфу ты греховодница Еще сглазишь пожалуй

Липочка

Ах какой вздор Это тебе так показалось Устинья Наумовна Я все хирею то колики то сердце бьется как маятник все как словно тебя подманивает али плывешь по морю так вот и рябит меланхолия в глазах

Устинья Наумовна *(Фоминишне)*

Ну и с тобой божья старушка поцелуемся уж кстати Правда на дворе ведь здоровались серебряная стало быть и губы трепать нечего

Фоминишна

Как знаешь Известно мы не хозяева лыком шитая мелкота а и в нас тоже душа а не пар

Аграфена Кондратьевна *(садясь)*

Садись садись Устинья Наумовна что как пушка на колесах стоишь Поди-ка вели нам Фоминишна самоварчик согреть

Устинья Наумовна

Пила пила жемчужная провалиться на месте пила и забежала-то так на минуточку

Аграфена Кондратьевна

Что ж ты Фоминишна проклажаешься Беги мать моя проворнее

Липочка

Позвольте маменька я поскорее сбегаю видите какая она неповоротливая

Фоминишна

Уж не финти где не спрашивают А я матушка Аграфена Кондратьевна вот что думаю не пригожее ли будет подать бальсанцу с селедочкой

Аграфена Кондратьевна

Ну бальсан бальсаном а самовар самоваром аль тебе жалко чужого добра Да как поспеет вели сюда принести

Фоминишна

Как же уж Слушаю *(уходит)*

2) Расставьте знаки в стих. Ширяевца:

Лажу гусельки яровчаты
Песней звонкою зальюсь
Сколько буйных сил непочатых
У тебя родная Русь
И такие силы львиные
Хоронилися века
Не с того ли и надрывная
Тяжела твоя тоска
Злое чудище бессонное
Измывалось над тобой
Ты спала как опоенная
Чародейною травой
Твоего Илью-то Муромца
В клеть загнали благо прост
Полно маяться сутулиться
Встань родная во весь рост
Глядь зарею-зарянницею
Осветилась ночи мгла
Не бывать тебе черницею
Светлый путь ты свой нашла

§ 37.

Междометия.

Примеры.

1) *Эй*, берегись, под лесами не балуй...
Знаем все сами, молчи... *(В. Брюсов.)*

2) Ох, лето красное, любил бы я тебя,
когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.
(Пушкин.)

3) *Ой*, вейтесь осыпайтесь на пол,
вы, кудри русые, с доски!
Ах, вас не мед ли где закапал:
как вы душисты, как сладки.
(Вас. Казин.)

4) *О*, Волга, после многих лет
я вновь принес тебе привет.
(Некрасов.)

5) Чу! скрипит с протяжным стоном
наклоненный бурей ствол.

(В. Брюсов.)

Выводы.

1. Междометия, внося изменения интонации и ритма, не входят в состав предложения, как и вводные слова и обращения.

2. Междометия отделяются от других слов запятыми, а иногда и восклицательным знаком, если произносятся с особым ударением и последующей паузой (5 пример).

Задание 79.

Расставьте знаки препинания и подчеркните междометия.

1) Разрезая пылающей грудью тьму
Грохотом
Свистом
Шипением
Тревожа молчанье холодных полей
Как вызов
Как пламенный вызов
Он мчится железный гигант
Из мрака
Из бездны
Как вихрь
Эй машинист
Крепче сжимай регулятор
Эй кочегар
Еще угля в железную глотку котла
Остановки не будет

(А. Крайский.)

IV.

ЖИЗНЬ ЯЗЫКА. ПРОЗА И ПОЭЗИЯ.

§ 38.

Литературный и разговорный русский язык живет, постоянно пополняясь новыми словами или старым словам придавая новый смысл, новое значение. Варваризмы и провинциализмы только часть в этом движении к развитию, к росту языка. Смена классов, форм государственной жизни, изменения социального и политического характера, новые культурные запросы новых общественных групп производят значительные перемены в словарном составе языка. Неологизмы, т.-е. новые слова или старые слова с новым значением, — один из главных признаков жизни языка. На наших глазах, в связи с разнообразными явлениями общественной жизни, возникли новые слова: *керенка, шкурник, мешочник, беженец, учредилка, колчаковщина, деникинщина, красноармеец, ленинец, октябрины*. Сравнительно недавно появились: *открытка, массовка, зажигалка*. Иногда можно установить, кто был творцом нового слова, кто первый пустил в оборот новое словцо: с именем Тредьяковского (1703—1769) связано появление в литературном языке слов: *достоверный, искусство, подлежащее, вероятный, естественность* и др. Карамзин ввел слова: *носильщик, переворот, влияние, развитие, лавина, выпуклый, потребность*. Гречем создано слово *пароход*. Достоевский гордился, что он в 1846 г. ввел во всеобщее употребление слово *стушеваться*, ходившее среди воспитанников Инженерного училища. Игорю Северянину обязано хлесткое словечко *бездарь*. Большинство неологизмов ходит

среди нас без штемпеля автора. Новые слова образуются каждым из нас; детский язык полон ими. Разумеется, многие из них умирают в день их рождения. Деятели литературы с помощью печатного станка утверждают подобные словообразования; письма и сочинения их пестрят неологизмами, иногда остающимися достоянием индивидуального языка данного писателя: *наянтаривать, магдалиниться* (Герцен), „зла и *сверлива*, как буравчик", „*дзенькание* пересыпающихся денег" (Достоевский), „все так *спестрилось* в моем воображении", „многие из них упорствуют и *задорствуют*", „неопытный *сердцезнатель*" (Гоголь), „дни на веки *удолжатся*" (Грибоедов), *казармность* (Лермонтов). Чрезвычайное обилие неологизмов характеризует язык наших писателей с конца XIX века, принадлежащих к литературным школам символистов, футуристов, имажинистов; Бальмонт, Брюсов, Белый, Маяковский, Есенин и многие другие современные писатели дают многочисленные примеры речетворчества. Современник Бальмонта И. Анненский считал, что едва ли не впервые у Бальмонта встретились отвлеченные слова: *печальность, напевность, безглагольность, многозыблемость;* у того же поэта: „встает луна и *паутинит* нить", „росы краткие *звездилися* лучами", „мы молча смотримся в затон необычайный, горящий *звездностью*, бездонностью и тайной", „ты будешь во сне *многосладостном*", „*несчетности* млечных путей", „*болотвенная* мгла-полутьма", „*рдянились* громы", „*цветопоклонники-звездозаконники*" и пр. У Игоря Северянина встречались выражения, необычные в свое время: „лимоннолистный лес *драприт* стволы в туманную тунику", „было повсюду *майно*", „вдали долины *снежели*, точно полотно", „бурно *бравурит* весна", „*кружевеет*, розовеет утром лес... *бриллиантится* веселая роса", „по аллее *олуненной* Вы проходите", „*белопудрый* снег", „я *повсеградно оэкранен*, я *повсесердно* утвержден". А. Белый пишет в „Серебряном голубе" (гл. I): „в жаре *стеклянели* стрекозные крылья над прудом... *шепотный* лес струит на тебя дрему... побежит травная волна... и гулко так *протарарыкает* телега запоздалого однодворца". У С. Есенина „чащею *отéнит* мир вода... выползет из колоса пшеничный злак, чтобы пчелиным голосом *озлатонивить* мрак... рушит скалы *златоклыкий* омеж". У А. Жарова — солнце с апрелем „вдвоем пришли освобо-

дить на волю *ручьево-реченский* район". У Маяковского — „Кто схватит улиц рвущийся *вымах*", „смех зазвенел и *зазвякал*", „и вот я — *озноенный* июльский тротуар", „мутью *озлобив* глаза", „один заорал, толпу *ростя*", „как взревет *медно* голосина", „мир *огромив* мощью голоса, иду", „вот и вечер... *декабрый*, „а ночь по комнате *тинится и тинится*", „грудь *испешеходили*", „улица корчится *безъязыкая*", „крик *тысячедневных* мук", „морда комнаты *выкосилась* ужасом". Для определения, чем является выражение — неологизмом или провинциализмом, необходимо прибегать к областным словарям; только справка в словаре или осведомленность в живом говоре данной местности дадут возможность выяснить личное творчество в словообразовании — так приходится поступать при чтении стихотворений Н. Клюева („Песнослов", книга первая и вторая).

К неологизмам относятся многочисленные сокращенные слова, образуемые разными способами от соединений старых слов, вошедшие в словарный обиход последнего времени: *совдеп, Наркомпрос, Моно, всеобуч, цик, комсомол* и многие другие. Такие словообразования были и раньше в почтово-телеграфных сношениях, в торговом, военном мире, среди политических деятелей (ср. название партийных работников — эсдек, эсер); сокращенное построение слов известно было древним народам: уже название *азбука* по первым буквам *аз, буки* (ср. *алфавит* по начальным греческим буквам *альфа, бета)* показывает, что принцип подобного построения слов очень стар. В настоящее время, насыщенное быстротой движения, требующее экономии сил при безостановочной смене явлений, такие сокращения стали особенно ходкими. Конечно, многие из них быстро исчезают: перестали существовать условия, вызвавшие необходимость данного слова, его уже нет в живых, оно ушло из живого языка. Так подходим к другому моменту жизни языка — язык не только развивается, растет, обогащаясь новыми словообразованиями, но и стареет, ветшает, выбрасывает вон те или иные обороты речи, формы слова. Вышедшие из употребления слова называются архаизмами. Главная причина изъятия из живой речи некогда употреблявшихся слов коренится в социальных изменениях, переживаемых обществом в определенный исторический момент. Хозяйственные перемены, вызывая к жизни новые

политические порядки, всегда изменяют словарный материал. Когда-то существовали слова: *посадник, тиун, бояре, смерды, холопы, стрелец, воевода, приказный, местничество.* Октябрьская революция, наново перепахавшая социально-политическую почву русской земли, устранила тем самым множество слов, обозначавших учреждения старого порядка, превратила недавно живые слова в мертвые знаки, перевела их в разряд архаизмов: *губернатор, околоточный, гимназия, сенат, дворянин, земство, городской голова* и многие другие. Слова стареют постепенно; иногда вновь возвращаются к жизни или с новым значением или сохраняя прежнюю форму. Некоторые выражения объясняются только справкой в историческом прошлом: „*подлинная* правда“, „знать всю *подноготную*“ возникли в судебных учреждениях Московской Руси, когда судьи, желая добиться признаний от обвиняемого, прибегали к пыткам: били палкой (*линником*) или вколачивали деревянные гвозди *под ногти* (ср. значение этих выражений тогда и теперь). Писатели, изображая старину, обычно прибегают к архаизмам: Пушкин в „Борисе Годунове“, А. Толстой в „Царе Федоре“, Мережковский в романе „14 декабря“, Лев Толстой в главах романа „Петр I“ (изд. библиотеки „Огонек“ № 73) привносили в язык своих героев характерную для их времени языковую стихию

Задание 80.

Составьте список новых словообразований, окружающих вас в школе (*стенгазета* и пр.), на вывесках в учреждениях и магазинах, в сегодняшнем номере газеты (напр., по объявлениям). Укажите различные способы их сложения и подумайте, для каких из этих неологизмов имеются аналогии в существующих фактах языка?

Задание 81.

Выпишите современные словообразования из „Комсомолии“ Безыменского, из сборника „Ледоход“ А. Жарова.

Задание 82.

Какие новые слова вы слышали в деревне?

Задание 83.

Составьте подробный список слов, которые недавно употреблялись и вышли из современного обихода.

Задание 84.

Следите, как образуются слова у ваших маленьких братьев, сестер. Составьте словарик „детского языка" [1]).

Задание 85.

Отметьте архаизмы в стихотворениях Пушкина и Н. Клюева.

ПРИМЕТЫ.

Старайся наблюдать различные приметы.
Пастух и земледел в младенческие леты,
взглянув на небеса, на западную тень,
умеют уж предречь и ветр, и ясный день,
и майские дожди, младых полей отраду,
и мразов ранний хлад, опасный винограду.
Так, если лебеди, на лоне тихих вод,
плескаясь вечером, окличут твой приход,
иль солнце яркое зайдет в печальны тучи,
знай: завтра сонных дев разбудит дождь ревучий,
иль бьющий в окна град, а ранний селянин,
готовясь уж косить высокий злак долин,
услыша бури шум, не выйдет на работу
и погрузится вновь в ленивую дремоту. *(А. Пушкин.)*

Изба-богатырица,
кокошник вырезной,
оконце, как глазница,
подведено сурьмой.
Кругом земля-землица
лежит, пьяна дождем,
и бора-старичища
подоблачный шелом.
Из-под шелома строго
грозится туча-бровь...
К заветному порогу
я припадаю вновь.
Седых веков наследство,
поклон вам, труд и пот!..

Чу, песню малолетства
родимая поет:
— Спородила я сынка-богатыря
под потокою на сиверке,
на холодном полузимнике,
чтобы дитятко по матери пошло
не удушливато в летнее тепло,
под морозами не зябкое,
на воде-луде не хлябкое!
Уж я вырастила сокола-сынка
за печным столбом на выводе,
чтоб не выглядел Старик-Журавик,
не ударил бы черемушкой,
не сдружил бы с горькой долюшкой!

(Н. Клюев.)

§ 39.

Меняются формы жизни, меняются понятия человека о жизни, изменяется язык его в словарном запасе, в звуко-

[1]) Ср. записки В. Короленко в его „Дневнике", т. I, стр. 142—146, 149—154 (Гиз Украины, 1925).

вом составе, в синтаксическом и морфологическом строе. Меняются значения слов, смысл их. В XVI—XVII веке *пошлым* называли то, что *пошло́ по старине,* что казалось почетным, заслуживающим уважение; впоследствии, когда личное начало стало разлагать привычные, сделавшиеся стеснительными понятия о жизни, *пошлое,* ходячее стало казаться противоположным свежему, новому, движущемуся вперед, обновляющему жизнь. Слово *опять* в древности имело пространственное значение *назад; опять-назад* восходит к слову *пята* — ср. *вспять, пятиться.* Любопытные изменения претерпело слово *верста:* его старинное значение — борозда плуга, далее верста в смысле возраста („юн *верстою*", „от млады *версты*", ср. *сверстник:* „он беаша Епифану *верста*" — XII век); *верста* в смысле равенства („в разуме себе в *версту* не поставил никого" — XVII в.; невеста „умом *сверстна*" — в народной песне); *верстати* — ставить в ряд („в чины мимо указа *верстати*" XVII в., *верстать* в солдаты); *верста* в смысле меры пространства.

Звуковой состав во всех случаях одинаков, но значение в каждом случае разное. Поэтому в каждом таком случае перед нами новое слово.

Задание 86.

Разберитесь в значении слова *красный* в след. примерах:

На красных лапках гусь тяжелый
ступает бережно на лед. *(Пушкин.)*
И красный месяц в облаках
тихонько по небу катился. *(Пушкин.)*
Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано. *(Некрасов.)*
Теперь наступает самое красное время. *(Тургенев.)*
Вянет, вянет лето красное! *(Пушкин.)*

Долг платежом красен.
Не красна изба углами, а красна пирогами.
Красно поле рожью, а речь — ложью.
На людях и смерть красна.
} *Пословицы.*

Так вот какая приключилась беда:—красную ни за что, ни про что отдал. *(Григорович.)*

Жила в Москве около Красных ворот, в большой квартире. *(Чехов.)*

Захватил пустошь, где у нас празднуется красная горка. *(Гоголь.)*

Дети собрались на балконе, выходящем на красный двор. (*Салтыков.*)

Красны ясны и тихи стояли короткие зимние дни. (*С. Аксаков.*)

О красном вечере задумалась дорога. (*С. Есенин.*)

Этот шкапчик из красного дерева делал моему отцу столяр Бутыга. (*Чехов.*)

Деревья все одно к одному, красные — сосняк, которые в два, а которые и в три обхвата. (*Салтыков.*)

Левин с девятнадцатью штуками красной дичи и с одной уткой вернулся. (*Л. Толстой.*)

Кистера прозвали красной девушкой и обращались с ним нежно и кротко. (*Тургенев.*)

Сын да дочь — красные детки. (*Мамин-Сибиряк.*)

Чем же ваша жизнь не красна? (*Гоголь.*)

Пылает горн под сводом черным,
мехами серыми дыша,
и звоном красным и задорным
полна Микулина душа. (*Бердников.*)

Чтобы далече по городам, лачугам, палатам и весям разносился красный звон. (*Гоголь.*)

Никак по зверю красному погнали? (*Некрасов.*)

Кости на счетах звонко выщелкивают красные куши. (*Данилевский.*)

Рядом с грубостью приемов, с цинизмом красного носа... мелькает какая-то скрытая жажда нежности. (*Достоевский.*)

Молодец-от становился под окошечко,
и под хорошо, под красно, под трубно окно. (*В былине.*)

В одно слово решили мужики, что лихой человек Трифону красного петуха пустил. (*Печерский.*)

Все это ты выдумал... для красного словца. (*Тургенев.*)

В отделе городских вестей и заметок она пробежала одну, две, три красных строки. (*Боборыкин.*)

Он знает толк в красном товаре и кожевенном. (*Тургенев.*)

Мы вернулись в избу и легли, каждый на лавке, он в красном углу, я — в переднем, на постланном сене. (*Тургенев.*)

Всей этой шапке, если желаете знать, красная цена — пять целковых. (*Чехов.*)

Твоя статья не избежала красных чернил. (*Пушкин.*)

А внук под красну шапку поспел. (*Писемский.*)

Если где и казалось вероятным избрание какого-нибудь радикала, то стоило министерской партии описать его, как красного террориста — и все от него отказывались. (*Добролюбов.*)

В тогдашнее время всем людям, которые почему-нибудь не разделяли красных убеждений, в Петербурге тотчас же приснащали звание правительственных шпионов. (*Лесков.*)

Как бы благоразумно ни правили республиканцы, но буржуазия всегда при них уверена, что рано ли, поздно ли, а грянет красный бунт. *(Достоевский.)*

В жемчугах и в изумруде —
Властелин наш — Красный Май... *(Бердников.)*

Красный флаг над рабочим селом
точно жаркое пламя свечи! *(Орешин.)*

Красным цветом цветут наши думы. *(Орешин.)*

„Под красным знаменем" (заглавие сборника стихотворений пролетарского поэта *Самобытника*).

А фартук красную песню
потемкам поет о кирпичах. *(„Каменщик" Казина.)*

Упорно ждали мы восхожденья
красной звезды с востока. *(Герасимов.)*

Не нам ли на горе Синая,
в неопалимой купине,
как солнце, красный стяг, сияя,
явился в буре и огне? *(Герасимов.)*

Я знаю — красный флаг коммуны
над миром будет пламенеть. *(Герасимов.)*

Во всех этих примерах звуковое сочетание (красный) однородно, но значений много, т.-е. слов гораздо больше. Человек не стремится создавать новые звуковые сочетания для каждого своего понимания какого-либо явления: память не выдержала бы напора бесконечного множества новых звуковых сочетаний (слов). Экономия, стремление сберечь умственные силы заставили прибегнуть к приему придавать одному и тому же слову новые, разные значения. С другой стороны, каждый предмет, каждое явление бросались человеку с какой-нибудь особой стороны, поражали каким-нибудь признаком, и потому один и тот же предмет получал особое название, прозвище, обозначался новым словом. Так, в санскрите понятие *человек* выражено словом *мартиа*-смертный, в латинском языке *гомо* (г = *h;* сравни *благо*) = = от земли взятый, в греческом языке создалось слово *антропос* = смотрящий вверх, в немецком языке — *манн* = = мыслитель. Каждая группа выделяла разные признаки, получались разные слова для одного и того же предмета. В арабском языке имеется 500 названий льва, 200 — для змеи, 5744 — для верблюда. Первобытный человек называл волка то серым, то терзающим, лес называл то зеленым, то шумящим. Так возникли с и н о н и м ы — слова, называющие один и тот

же предмет (или явление) разными именованиями, близкие друг к другу по основному значению, но отличающиеся частными признаками. Смотря по тому, какой признак надо выделить, мы употребляем при обозначении известных качеств человека слова: храбрость, мужество, смелость, отвага; робкий, пугливый, трусливый; ленивый, беспечный, праздный и пр. Наш язык богат синонимами, но необходимо употреблять их точно, в соответствии с тем, что надо подчеркнуть в предмете.

Задание 87.

Составьте выражения, где бы на месте стояли синонимы: труд, работа, дело, делание, действие, изделие, произведение, творение, занятие, упражнение, создание, поделка, страда.

Задание 88.

Составьте выражения, где бы к каждому из вышеуказанных имен существительных были присоединены синонимические имена прилагательные, напр., работа кропотливая, усидчивая, тяжелая и т. д.

Задание 89.

Придумайте синонимы к словам: здоровый, больной, полезный, вредный, ждать, медлить, сор, риск, ловко и т. п.

Задание 90.

Подберите какие-нибудь слова в порядке усиления или ослабления их основного значения по образцу: плестись, итти, бежать, нестись, мчаться, лететь.

Синонимы иногда бывают парными в целях более ясного выражения соответствующего явления: *путь-дорога, девица-красавица*, открою всю *правду-истину, грусть-тоска*. Устная народная поэзия дает много примеров подобных выражений.

В разных говорах (подобно отдельным языкам одной и той же семьи) однородные предметы обозначаются разно; в этом случае имеем диалектическое происхождение синонимов: в одном говоре — *сарай*, в другом — *завозня* [1]). Иногда

[1]) Сравни в этом отношении областные словари, напр.: А. Карпов „Сборник слов, синонимов и выражений, употребляемых амурскими казаками" (1909); М. Герасимов „Словарь уездного Череповецкого говора" (1910), вышеуказанные словари Подвысоцкого, Куликовского.

областные слова помогают объяснить первоначальное значение тех слов, которые употребляются в литературной речи: слово — *сутки* (день и ночь) состоит из предлога *су (с)* + *ткнуть, тыкать*, следовательно, означает нечто соединенное вещественно. Во Владимирской и Олонецкой губ. слово *суточь* или *сутычь* означает соприкосновенность двух предметов, напр., доски лежат *суточь;* в губ. Вологодской и Вятской *сутки* значит „передний угол“, а в Вятской *сутучек* — простенок между двумя окнами, в Новгородской — *сутки*, „сени“ — в украинском языке — „приход“, в Костромской *сутычки* значит „место в избе, где у печи сомкнуты два столба“, а в Нижегородской *сутки* — „сумерки“, т.-е. время, когда сходятся день с ночью (отсюда же *сутки* в его литературном значении, т.-е. день и ночь вместе).

Этот пример показал нам, что́ собственно значит слово *сутки;* только путем разложения его на составные части и привлечения для сравнения других слов мы поняли его смысл, первоначальное значение, ставшее для нас забытым. Таких слов с забытыми, потускневшими корнями и значениями множество, мы по преимуществу орудуем ими. Почему *стол* назван *столом*, почему со словами *соль, старый* связано определенное значение? Мы говорим так, потому что получили эти слова от людей, нас окружающих, употребляем эти слова, когда нам нужно обозначить желаемое.

Мы подошли к важному вопросу: как возникают слова, каково происхождение значений слов?

§ 40.

Когда простой человек впервые увидел паровоз, вагоны, бегущие по железнодорожной насыпи, он назвал этот неизвестный ему предмет *чугункой*; когда Максим Горький впервые выводит перед читателем Челкаша, он характеризует его так: „появился Гришка Челкаш, *старый травленый волк*, хорошо знакомый гаванскому люду“. В обоих случаях новое явление обозначено по какому-то резко бросившемуся в глаза признаку. Это во-первых. А во-вторых, чтобы это новое явление получило название, надо было и Горькому и неизвестному творцу слова *чугунка* воспользоваться старым словом, ранее бывшим, известным и тому и другому: чтобы получилось слово *чугунка*, надо было существовать в созна-

нии говорящего слову „чугун"; чтоб назвать Челкаша волком, надо было знать это слово. Оба сказавших проделали следующую умственную работу: 1) отметили одно из свойств чугуна, волка, 2) сравнили новый, не имеющий еще названия предмет (железная дорога, Челкаш) с известным уже предметом (чугун, волк), и 3) уяснили себе этот новый предмет в слове (чугунка, Челкаш — старый травленый волк).

Так возникли все новые слова, так они возникают сейчас. Новое слово есть средство познания неизвестного при помощи известного, средство объяснить вновь познаваемое при помощи прежде познанного. Наука не знает, какое значение имели первые слова, но знает, как, по какому принципу они возникали: для каждого нового слова, обозначающего какой-либо признак предмета, необходимо существование другого слова, из значения которого заимствуется данный признак. Слово *отрок* первоначально означало „неговорящй" (*от* = отрицанию *не*, *рок* от *реку:* ср. *пророк;* а теперь что значит? как изменилось значение?); *месяц* = „измеритель"; *мышь* = „вор" (греческий *мюс*, латинский *мус*, санскритский *муш* = красть); *золото* = „желтое"; *трава* = „снедь" (слав. *тру-ти* = „есть"); *корова* = „рогатая" (в древнейшем зендском языке *крва* = „рогатая"; в латинском *кервус* = „олень", в греческом *кераос* = „бык"); *колодец* от корня *холод; кладбище* от слова *кладу*, класть.

Все эти примеры говорят, что первоначальные значения слов были конкретны, в них живо чувствовался процесс сравнения с прежде познанным. Когда первобытный человек увидел то, что он назвал *коровой*, он мыслил так: то, что я вижу, сходно по признаку рога с тем, что я знал прежде. В его сознании было какое-то движение; мы употребляем это слово спокойно, по преданию, не вызывая никакого яркого признака; он с чем-то сравнивал, в его мысли намечался пункт сравнения — будем называть это средство сравнения представлением, образом, — для него это новое слово состояло из трех элементов: 1) звуковое сочетание (внешняя форма), 2) представление (внутренняя форма) и 3) значение; у нас, когда мы говорим это слово, оно состоит из двух элементов: 1) звуковое сочетание и 2) значение. Или, иначе говоря, для

первобытного человека все слова были с живым представлением, а мы в тех же словах эти представления уже не чувствуем, употребляем их как слова с забытым представлением. Таким образом, мы можем говорить о двух разрядах слов: у одних слов значение прямо примыкает к звукам (река, сыр, море), у других есть еще представление, образ (внутренняя форма). Первый разряд слов можно назвать отвлеченными, безо́бразными словами, второй — о́бразными. Но первый разряд стал таковым только тогда, когда забылось, потускнело то представление, та первоначальная работа мысли, благодаря которой возникло слово. Все эти слова первично были о́бразными, с течением времени утратившими свою о́бразность, живое представление, знак сравнения. Разбирая такие отвлечённые слова, как *закон, понятие, мысль, душа, слово, печаль, тоска, хитрый, лукавый*, ученые пришли к выводу, что в основе всех этих слов лежали материальные, конкретные, чувственные признаки, что можно установить такие группы: *закон* — то, что лежит за *коном* (ср. названия ряда в игре в бабки), за пределом — чертой, началом, *исконный* = „начальный" (ср. *спокон веку)*; *понятие* — понять, по-ять, вз-ять (схватить), понимать — поймать; *мысль* — промыслить, промышлять (добывать, ловить), украинское *мысливец* — охотник, северно-великорусский *промышленик* — тоже охотник; *душа* от слова *дуть, дышать*; *слово, слава* (дурная бежит, хорошая лежит), *слыть, слух, слышать* и *слушать*; *печаль* — печь („печаль жгучая"); *тоска* — нечто давящее, щемящее в родстве с *тиски, стиснуть, тесный*; *хитрый* от *хитить* (корень *хыт)* — хватать (в старину *хитрый* — искусный: хитрая работа; в некоторых говорах *хитрый* — скорый, быстрый); *лукавый* от *лук (лучить* — гнуть) прежде означало изгибистый, извилистый (в XIII веке: река *лукава;* ср. *разлука* — расставание людей — по сходству с разгибанием концов лука). Употребляемые нами названия грамматических частей речи, слова, служащие для установления связи суждений, возникли из самых конкретных представлений: *пред* тянется к *передку* телеги, *кроме* напоминает о *кромке* — кайме, *между* — о *меже* на ниве, *под* о печном *поде*.

Как возникло слово *голубой*? По признаку цвета *голубя*. Следовательно, первый творец этого слова, заимствуя при-

знак цвета предмета *голубь*, имел в этом слове внутреннюю форму (представление). Но когда мы употребляем сочетание „голубой цветок“, „голубое небо“, то при произнесении уже не имеем представления цвета голубя — внутренняя форма забылась. Другими словами, „голубой“ в выражении „голубой цветок“ служит простым обозначением общего представления цвета данного предмета, является прямым, буквальным именованием, т.-е. словом, в котором звук непосредственно примыкает к значению. Первоначально же был момент сравнения двух предметов (цветок — голубь), перенесения с одного предмета на другой признака цвета, была известная работа мысли, связанная с некоторым волнением, движением. Мы можем теперь сказать на основании всех приведенных примеров, что вообще все слова в языке — *слова с переносными значениями*, что они все явились в результате сравнения, сопоставления, перенесения представлений с одного явления, ранее известного, на новое, искомое, ждущее своего наименования, что сравнение это только с течением времени забывалось, процесс перенесения в сознании говорящего постепенно утрачивался, в итоге чего слово становилось отвлеченным знаком, без живого, конкретного представления какого-либо признака, по которому первоначально оно сложилось.

При этом надо иметь в виду следующее: когда мы произносим безобразное слово (с забытым представлением) напр., *корова*, мы соединяем в этом слове все признаки: если для впервые давшего это прозвище был признак рога, для нас в этом слове, помимо указанного признака, имеются все прочие признаки: и то, что корова мычит, дает молоко, питается травой и т. д., т.-е. когда мы произносим слово *корова*, оно уже для нас не *рогатое* [1]), а отвлеченный знак, слово, в котором разместилась масса признаков; первичный признак забылся, слово как бы стало „бессодержательным“. Облегчив человеческую память названием предмета по одному признаку, это слово, объединив все другие признаки около первичного (ныне забытого) признака, победившего все прочие, в свою очередь облегчает работу мысли, давая простор для дальнейшего приобретения знаний, не требуя сложной работы

[1]) Ср. поговорку: „Бодливой корове бог рог не дает“.

мысли. Экономия мышления очевидна при употреблении таких слов, служащих лишь для точного обозначения предметов.

Но эти слова-общие знаки всегда могут быть переведены в разряд слов-знаков однозначных, слова безобразные с прямым, буквальным значением всегда могут стать образными с другим, со многими значениями, могут стать иносказательными словами. Тургенев, характеризуя жизнь старой помещицы (в „Муму"), сказал: „день ее, нерадостный и ненастсный, давно прошел; но и вечер ее был чернее ночи". А. Толстой, говоря о юности, употребил выражение: „то было в утро наших лет". Припомним у Тютчева:

Сей день, я помню, для меня
был утром жизненного дня...

Тот же Тютчев написал „На смерть В. А. Жуковского" — следующие строки:

Я видел вечер твой. Он был прекрасен!
Последний раз прощаяся с тобой,
я любовался им; и тих, и ясен,
и весь проникнут теплотой...
О, как они и грели и сияли —
твои, поэт, прощальные лучи!..
А между тем заметно выступали
уж звезды первые в его ночи.

В этих выражениях, мы видим, употреблены слова: *утро, день, вечер, ночь.* Эти же слова я могу произнести в таких сочетаниях: сегодня *утро* пасмурное... вчера был солнечный *день*, но *вечер* опять испортился... *ночь* была очень холодная. Где во всех приведенных выражениях слова просто обозначают время, дают обозначение общему представлению (понятию) о различных моментах времени, и где они обозначают яркий, единичный признак, примененный по сходству к моментам человеческой жизни? Где слова, дающие точное понятие о предмете? Где слова, рисующие единичное представление о предмете? Еще примеры: у Пушкина — „огонь опять горит", „огонь поэзии погас", у Тургенева — „красным пламенем горели и дымились друг подле дружки два огонька", „некрасивое лицо (Павлуши) горело смелой удалью"; у Орешина:

1) Люблю я золото соломы
на крыше русских деревень.

2) Будут нищие боярами,
медный грош — червонным золотом.

Задание 91.

Сравните значения подчеркнутых слов в выражениях: *острый* нож — *острый* ум; „облетает моя голова, *куст* волос золотистый вянет" (Есенин) — срубили *куст* сирени; *железный* характер — *железный* гвоздь; „легко и радостно *играет* в сердце кровь, желания *кипят*" (Пушкин) — *играют* дети, вода *кипит;* „на *заре* туманной юности" (Кольцов) — золотая *заря* занимается" (Кольцов);

Васильки на полях ослезились росой,
васильки твоих глаз оросились слезой. *(Ф. Сологуб.)*

Задание 92.

Составьте ряд выражений, в которых были бы употреблены в буквальном и переносном смысле следующие слова: **проглотить, улыбаться, смеяться, каменный, резкий, горячий, кислый, низкий, высокий, густой, столб, дорога, искра, зерно, холодный, жесткий, сладкий.**

Задание 93.

Рассмотрите какую-либо пословицу со стороны ее буквального смысла и со стороны ее иносказания, применения к разным случаям жизни. Какое количество применений вызвала в группе пословица „близок локоть, да не укусишь"?

Задание 94.

Укажите, где „огни" имеют буквальный смысл, и где „огни" являются иносказанием (символом)? Что символизируют короленковские *огоньки?*

ОГОНЬКИ.

Как-то давно, темным осенним вечером, случилось мне плыть по угрюмой сибирской реке. Вдруг, на повороте реки, впереди, под темными горами, мелькнул огонек.

Мелькнул ярко, сильно, совсем близко.

— Ну, слава богу! — сказал я с радостью,— близко ночлег.

Гребец повернулся, посмотрел через плечо на огонь и опять апатично налег на весло.

— Далече!

Я не поверил: огонек так и стоял, выступая вперед из неопределенной тьмы. Но гребец был прав: оказалось, действительно, далеко.

Свойство этих ночных огней — приближаться, побеждая тьму, и сверкать, и обещать, и манить своею близостью. Кажется, вот-вот, еще два-три удара веслом,— и путь кончен... А между тем — далеко!..

И долго еще мы плыли по темной, как чернила, реке. Ущелье и скалы выплывали, надвигались и уплывали, оставаясь назади и теряясь, казалось, в бесконечной дали, а огонек все стоял впереди, переливаясь и маня,— все так же близко и все так же далеко...

Мне часто вспоминается теперь и эта темная река, затененная скалистыми горами, и этот живой огонек. Много огней и раньше и после манили и не одного меня своею близостью. Но — жизнь течет все в тех же угрюмых берегах, а огни еще далеко. И опять приходится налегать на весла...

Но все-таки... все-таки впереди — огни!..

(В. Г. Короленко.)

Задание 95.

Какой символический смысл заложен в „Песне о буревестнике“ (1900) Максима Горького?

Итак, слова, стоящие в известных сочетаниях, могут быть то образными, то безобразными в зависимости от того, обозначают ли они какой-либо единичный признак предмета или всю сумму признаков, выражают ли они понятие или представление предмета. Этот переход слова из одного значения в другое, эта способность слова иметь множественность значений совершаются по известным приемам: или слово называет целый предмет по какой-либо одной его части; или слово называет предмет по каким-либо связям его с другим предметом, или слово называет предмет по сходству его с другим предметом.

Так, в первом случае мы говорим *„рабочие руки* дороги“ вместо „работники“; во втором случае говорим „я читаю *Пушкина*“ вместо „сочинения Пушкина“; в третьем случае: *„подошва“* (обуви, горы), *„шляпка“* (гриба, гвоздя). Эти приемы создания новых значений слов уже в древности — у греков и римлян — получили общее название тропов (*троп* от греческого *тропос* — оборот), а их разновидности получили названия — 1) синекдоха (сообозначение), 2) метонимия (переименование), 3) метафора (перенесение).

Прием синекдохи наблюдаем в выражениях: „домашний *очаг*“, „жить под одной *кровлей*“, где подчеркнутые слова

получили общее значение *дома,* хотя называют только часть его; в выражениях: „*дело* отложено“ (в суде), „получена *бумага*“ подчеркнутые слова употреблены в частном, специальном смысле, в других случаях имеют смысл более широкий. Наиболее употребителен случай обозначения целого по его части, замены множества — единичным — „хозяйский *глаз*“; „убит приятельской *рукой*“, „на берегу пустынных *волн*“, „*лист* на землю валится“.

Прием метонимии более разнообразен: 1) вещь заменяется материалом: „носить *шерсть*“, „*янтарь* в устах его дымился“; 2) действие заменяется орудием — „*кисть* художника“, „зарабатывать *пером*“; 3) содержимое заменяется содержащим — „я три *тарелки* съел“; 4) действие вместо лица действующего — „ты моя *забота* милая“ (т.-е. — о мне заботилась); 5) лицо в значении того, что ему принадлежит — „*сосед* погорел“; 6) образ действия заменяется внешним знаком — „уж темно: в санки он садится: *поди! поди! — раздался крик*“ (едет быстро); 7) душевное состояние изображено жестом — *махнуть рукой* (=отчаяться), *протянуть руку* (=просить о помощи), *сыграть кому в руку* (= угодить), *задрать нос* (= возгордиться). Вообще в тех случаях, где предмет *A* заменяется предметом *B*, имеющим известное отношение к предмету *A*, находим прием метонимии: „весь *дом* переполошился“, „*шум улицы*“, „*после звонка*“ (вместо после окончания урока), „*в обед*“ (когда обедают), „*сытный стол*“, „*ухом не ведет*“ и т. д.

Наиболее распространенный прием создания новых значений слов — метафора; всякое слово в речи может быть метафорой, так как оно является результатом сравнения прежде названного и вновь познаваемого, а сходство между предметами, бросившееся в глаза при отыскании общего, есть самое быстрое и удобное движение мысли. В четверти луны человек увидел серп — появилось выражение *серп луны*; посмотрел на облака, бросилось сходство со стадом баранов — возникло выражение для облаков — *барашки*. В самых обыкновенных словах и выражениях мы находим метафоры: горный *хребет, осоветь, ежиться, проворонить, волноваться, колебаться, упорство, лист* бумаги, *цепь* гор, грибы растут *семьями,* стоять *в хвосте, вспылить, в жару* спора, *рост* промышленности, *цветущее* здоровье, *нос* корабля, *зеленая* молодежь и т. д.

Задание 96.

Укажите, какие выражения основаны на синекдохе, метонимии и метафоре:

трудиться в поте лица, малый с головой, смотреть сквозь пальцы, пережевывать старое, глаз не кажет, держать язык за зубами, глаз не смыкать, тебе и книги в руки, стукнет год, хоть пруд пруди, ни в зуб толкнуть, корень учения, продать хлеб на корню, держи карман, раскошелиться, молоко на губах не обсохло, палец о палец не ударить, с оружием в руках, глядеть в оба, на дружеской ноге, с глазу на глаз, выйти из себя, войти в колею, самовар ушел, водить за нос, при громе пушек, избитый путь, горлышко бутылки, замять дело, хромать в математике, надуть губу, навострить уши, вилять хвостом, критическое чутье, искра таланта, даровому коню в зубы не смотрят, руками развел, насолить кому, след простыл, найти ключ к делу, читать между строк, красная нить, неосновательное мнение, река вскрылась, выжать из себя, взвешивать слова.

В указанных приемах создания новых значений слов лежат основные пути мысли, орудующей познанием мира. Каждый человек творит свою мысль путем одного из этих приемов, всегда пользуется известным способом для преобразования своей мысли, для создания своего отношения к миру. Здесь же, в этих переходах от первичного, буквального значения слова к вторичному, переносному значению, кроются элементы поэзии и прозы, как приемов словесного оформления человеческого сознания. Слова безобразные, с забытым представлением, в которых звук прямо примыкает к значению, служат зародышами прозаического языка, научной речи, также обыденной речи; слова образные, с ярким представлением, в которых помимо звука и значения имеется внутренняя форма, слова с переносным, иносказательным значением, служат первоначальными клетками в развитии поэтического языка, художественной речи. Так как переходы из одного состояния мысли в другое совершаются в нас беспрерывно, при наличии известных условий, то переливы значений слов также при известных условиях протекают беспрерывно. Образные слова встречаются в обычной разговорной речи, прозаиче-

ские слова — среди о́бразной речи. Но чтобы от о́бразных слов и выражений дойти до поэтического произведения, до создания поэзии — искусства, нужен сложный путь, требующий особой установки человеческого сознания, организующий слова в особом порядке, ставящий перед собой особые цели. Когда в обыденном языке создаются переносные, образные выражения, это значит только то, что каждому человеку присуще образное речетворчество, но чтоб выражения или сумма их, краткое или сложное словосочетание и их группировка стали поэтическими, надо, чтобы речевой материал был построен по особому художественному принципу, был подчинен особому поэтическому заданию.

Обыденная речь, практический язык по своим приемам ближе всего к научному языку — автор научного произведения и лицо, говорящее в обыденной жизни, стараются прежде всего ясно и точно передать мысль, отсюда построение синтаксиса так, чтоб мысль не затруднялась в своем течении; выбор слов, точно обозначающих явления; употребление условных терминов, дающих общие понятия. Поэтическая речь, заменяя ряды прозаических словосочетаний иносказательными, стремится задержать внимание на своеобразии каждого отдельного слова и словосочетания, привычные слова ставит в неожиданно новых значениях, поддерживает особое волнение мысли.

Помимо сообщения о ч е м - т о, поэтическая речь построена к а к - т о особенно. Приемы этого построения разнообразны. Отметим прежде всего те из них, которые мы уже видели в обыденной речи и которые могут развернуться в художественные приемы, т.-е. синекдоху, метонимию и метафору. Когда в этих приемах только обозначение факта, переносное значение выветрилось, исчезло, — они прозаичны; когда они наглядно подчеркивают явление, вызывают в н у т р е н н ю ю ф о р м у слова, создавая я р к о е п р е д с т а в л е н и е, — они поэтичны.

Задание 97.

Укажите художественные синекдоху, метонимию и метафору.

1) Со страниц книги дивные образы, новые светлые мысли так и лились звенящими струями в душу, и в сердце, потрясен-

ном благородной радостью великих ощущений, тихо вспыхивала и разгоралась святая искра восторга. *(Тургенев.)*

2) Думы ткут то в солнце, то в тумане,
золотой узор на темной ткани. *(А. Толстой.)*

3) Люблю тебя, Петра творенье...
Невы державное теченье,
береговой ее гранит,
твоих оград узор чугунный. *(Пушкин.)*

4) Готов он лечь во гроб кровавый. *(Пушкин.)*

5) Где бодрый серп гулял, и падал колос,
теперь уж пусто все — простор везде. *(Тютчев.)*

6) За каплю крови, общую с народом,
мои вины, о родина, прости! *(Некрасов.)*

7) И вообразите: только что стал я подходить к лавкам, глядь — ползет ко мне навстречу фризовая шинель и подмышкой несет лягавого щенка. *(Тургенев.)*

8) На стене... колючее, птичье лицо Белинского. *(М. Горький.)*

9) С улицы покатились навстречу им черные гущи людские, многотысячные рои котелков вставали, как волны. С улицы покатились навстречу им лаковые цилиндры; поднимались из волн, как пароходные трубы; с улицы запенилось в лицо им: страусовое перо, блинообразная фуражка заулыбалась околышем; и были околыши: синие, желтые красные. Отовсюду выскакивал пренадоедливый нос.

Носы протекали во множестве: нос орлиный и нос петушиный; утиный нос, курий, и так далее, далее; нос был свернутый на бок; и нос был не свернутый: зеленоватый, зеленый, бледный, белый и красный.

Все это с улицы покатилось навстречу им: бессмысленно, торопливо, обильно... *(А. Белый.)*

10) Капал мрак в чащу, лужами дегтя разливался по травам. *(Бахметьев.)*

11) Топи да болота,
синий плат небес;
хвойной позолотой
взвенивает лес. *(С. Есенин.)*

12) ... Три армии бежали на перегон в островную даль. Ближе и ближе чудились брошенные богатства городов: золотом крыш горело из сказок... С пересохшими ртами бежали кочевья потных иструженных... *(А. Малышкин.)*

Задание 98.

Отыщите те же поэтические приемы в каком-либо произведении Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого, Чехова, М. Горького и др.

Прием метафоры может осложниться, развернуться. Основанный на сходстве между явлениями, этот прием может

расчленить явления, обнаруживающие сходство, указать сопоставление между ними посредством союзов: *как, будто, подобно, словно, точно* и пр., или посредством творительного падежа. Так получается прием сравнения.

Нева металась, *как больной*
в своей постели беспокойной. *(Пушкин.)*

Дороги расползались во все стороны, как пойманные раки, когда их высыпают из мешка. *(Гоголь.)*

Ползут, *как змеи*, облака. *(Лермонтов.)*
Соловьем залетным юность пролетела. *(Кольцов.)*

Золотое огромное солнце, *точно сверля туманную мглу*, опускалось к морю. Зыбь темно шевелилась по всему морскому простору, *точно основа гигантского станка* со снующими золотыми нитями. *(Короленко.)*

Баба Секлетея не умела сказывать сказки, знала только песни и говорила их быстро, сухо, *точно сорока стрекотала.*
(М. Горький.)

Избы текли огромные, тянулись зелеными деревьями. Как темные цветки, отражая звезды — пахли людьми окна. Теплые и низкие, *как коровы*, дышали темно-зеленые избы. *(Вс. Иванов.)*

Глаз — *маяком*,
сердце — *взведенным курком*. *(Безыменский.)*

Туманы *молоком парным* льются по перелесьям, по озерам.
(Бахметьев.)

Анализ сравнения может привести к важным выводам о круге интересов, близких писателю: его профессиональные занятия, книжные впечатления дают тот материал, из которого он черпает сравнения.

Одним из видов метафоры является художественный прием олицетворения, прием перенесения на неодушевленные предметы или явления признаков живого организма. Этот прием, употребительный в обыденной речи („изменяют силы“, „нужда учит“), возник в те времена, когда человек представлял мир анимистично (от латинского слова *анима* — душа), одухотворял его (отсюда всякого рода поверья, суеверья, заговоры).

Вьюга злится, вьюга плачет. *(Пушкин.)*

Лазурь небесная смеется,
ночной омытая грозой. *(Тютчев.)*

Ночь хмурая, как зверь стоокий,
глядит из каждого куста. *(Тютчев.)*

В то самое время, в других местах на земле, кипела, торопилась, грохотала жизнь; здесь та же жизнь текла неслышно, как вода по болотным травам. *(Тургенев.)*

Красная метель гуляла по улице, огонь празднично разыгрался и творил непонятное, чудесное... Горячий воздух жег лица людей, пытавшихся что-то вытащить из огня... Коля точно сквозь сон смотрел, как огонь на земле доедает груды бревен, досок, стропил, грызет раскаленными зубами ворота, заборы, бегает по откосам и жнет бурьян золотыми серпами. *(М. Горький.)*

Потихоньку да полегоньку подобралась осень темной ночью и подожгла леса. Вспыхнул какой-то кустарник внизу мутным пламенем, и от одного желтого листа загорелась вдруг береза. Золотые языки взлетели до самой маковки — замлела вся, закачалась горящая. Рядом осина затлелась бурым огнем, свист пошел по лесу, летят листья в алом пламени, и нет удержу разноцветному пожару. *(С. Городецкий.)*

Незаметно подкралась зима, сразу обрушилась на город гулкими метелями, крепкими морозами, завалила улицы и дома сахарными холмами снега, надела ватные шапки на скворешники и главы церквей, заковала белым железом реки и ржавую воду болот. *(М. Горький.)*

Вдали показались красные огни. Мне навстречу шел поезд. Уснувшая степь слушала его шум. *(Чехов.)*

Отшумело половодье 1905 года... Стихла дрожь засеянных трупами и политых кровью полей, лесов и дорог. Развеяли ветры удушье каторг. Сном казался весенний разлив 1917 года.

Октябрь с корнями выворачивал устои. Расплеснулся судом всех над всем и всеми. Гремел разломом, расковом. От моря до моря перепахивал землю и срезал тропы, проселки и дороги в широченную дорожищу. *(Н. Ляшко.)*

Метафора, развертываясь в сложное уподобление двух явлений, при чем оба явления сохраняют свой особый смысл — одно явление с буквальным значением, другое с иносказательным смыслом, метафора в таком случае переходит в прием **аллегории** (разговор о другом). Прочтите „Лес“ Кольцова: за образом леса скрыта судьба Пушкина, на смерть которого написано это стихотворение. Читатель, следя за развитием образа леса, может остаться только с этой картиной осеннего леса, и тогда для него стихотворение только художественное олицетворение, но если он будет сопоставлять с образом леса образ Пушкина с его биографией и вести параллельно два образа, тогда стихотворение будет служить аллегорией. Этот прием обычно употребляется в баснях, загадках, сказках.

Задание 99.

Укажите приемы сравнения, олицетворения в произведениях какого-либо из классических и современных писателей. Отметьте, из какого мира явлений заимствованы сравнения? (См. напр., повесть Неверова „Ташкент — город хлебный"). Сделайте анализ этих приемов по сборнику стихотворений одного из современных поэтов.

Задание 100.

Найдите пример аллегории в „Капитанской дочке" Пушкина; в сказках, записанных Акульшиным (в сборнике „О чем шепчет деревня". М. 1925).

Задание 101.

Найдите примеры художественной аллегории в „Сказках" Салтыкова-Щедрина и разберитесь в иносказательном значении их.

Задание 102.

Укажите наиболие яркие и оригинальные олицетворения в рассказе М. Волкова „На Волге" (в сборнике „Заковыка").

Приемом выделения какого-либо признака из группы признаков определяемого служит эпитет, выражаемый чаще всего именем прилагательным и существительным, при глаголе — наречием. Забытый признак в слове делает слово прозаическим; с помощью эпитета словосочетание получает своеобразный наряд, привлекающий внимание. В первобытном языке названия каждого предмета имели характер эпитета; потом с забвением того признака, который лег в основание слова, случалось, что в целях усиления впечатления данного предмета к слову, его обозначающему, присоединялось другое слово (эпитет), которое в сущности только повторяло первоначальное значение: так, мы говорим — *крутой берег*, забыв, что берег (по-немецки *берг* — гора) буквально обозначает крутизну; мы говорим *белое лицо,* забыв, что в слове „лицо" (по-гречески *леукос*—белый) скрыто понятие о белизне; *поле* называется „раздольице — чисто поле", хотя в корне

этого слова сохраняется еще намек на широту, простор (*полый*, ср. полая вода). В целях точного выражения употребляется о п р е д е л е н и е — *белая* лошадь; чтобы выделить тот признак, на который требуется обратить внимание, применяется э п и т е т — „*не белы-то снеги в поле забелелися*“. В устной народной речи эпитет часто становится постоянным, обычно сопровождает известные слова: *сине море, поле чистое, красная девица, ковер шелковый, лес зеленый* и т. п. В произведениях мастеров поэтического слова поэтический эпитет отличается своеобразной меткостью, яркой изобразительностью, поражает воображение или вызывает разнообразные душевные настроения (эмоции). Чем оригинальнее эпитет, тем богаче творческая изобретательность писателя. Для передачи оттенков свето-тени, для передачи ощущений, внешних чувств, при характеристике наружности, голоса — эпитет незаменимое орудие. Изучение эпитета может установить, как писатель воспринимает внешний мир, какие органы чувств у него наиболее развиты. Поэтому уместно говорить в сочинениях того или иного писателя об эпитетах зрительных, звуковых, обонятельных и проч. Кроме того, подсчет наиболее часто употребляющихся эпитетов вскроет особенности мировоззрения писателя, чем облегчается понимание социологической природы его поэтического мышления. Подсчитайте, сколько раз П. Орешин применил эпитеты *золотой* и *ржаной* в сборнике „Ржаное солнце“, и вы убедитесь, что только крестьянская стихия могла родить у него любовь к этим эпитетам. Проследите эпитет „*железный*“ в стихотворениях пролетарских писателей, и вы найдете источник этого эпитета там, где его нашел один из поэтов современного завода:

Я не в разнеженной природе,
среди расцветшей красоты, —
под дымным небом на заводе
ковал железные цветы. *(М. Герасимов.)*

Вдали я видел сквозь туман,
в снегах, горящих, как алмаз,
седой незыблемый Кавказ. *(Лермонтов.)*

Предтеча утра, ветер веет. *(Пушкин.)*

Светало. Ветер гнул упругое стекло
Днепра, еще в волнах не пробуждая звука. *(Фет.)*

Есть в светлости осенних вечеров
умильная, таинственная прелесть...
Зловещий блеск и пестрота дерев,
багряных листьев томный, легкий шелест;
туманная и тихая лазурь
над грустно-сиротеющей землею,
и, как предчувствие сходящих бурь,
порывистый, холодный ветр порою;
ущерб, изнеможенье, и на всем
та кроткая улыбка увяданья,
что в существе разумном мы зовем
возвышенной стыдливостью страданья. *(Тютчев.)*

Волны несутся,
гремя и сверкая,
Чуткие звезды глядят
с высоты. *(Тютчев.)*

Ох, пора тебе на волю, песня русская,
благовестная, победная, раздольная,
погородная, посельная, попольная,
непогодою, невзгодою повитая,
во крови, в слезах крещеная-омытая!
Ох, пора тебе на волю, песня русская! *(Мей.)*

Вот вижу я:
воскресные сельчане
у волости, как в церковь собрались.
Корявыми, немытыми речами
они свою обсуживают „жисть". *(Есенин.)*

Кто любит родину,
русскую землю с худыми избами,
чахлое поле,
градом побитое? *(Орешин.)*

Жизнь здесь течет крутая и суровая. В безвыходных каменных щелях дома в обрез набилось разного народа, всех видов и ремесл: копеечное бессловесное племя, мелкая муравьиная родня. *(Леонов.)*

В этот край, плодоносный, спокойный и дикий,
будто яблоки, сыплются смуглые дни.
По полянам лесным — огоньки земляники.
Обрастают грибами замшенные пни.

И поют над шиповником дикие пчелы,
и снуют в ненасытном труде муравьи,
и развесили птицы в тревоге веселой
на деревьях и песни и гнезда свои.
Обрастают зеленою шерстью осины,
отражаются в чащах полесских озер,
и белы на березах бересты холстины,
где разбойную метку оставил топор.
Пусть недавно здесь совами вьюги кричали,
и сгибались деревья в метельной пыли:
ныне лес полнокровными соками налит
и корнями кусает ковригу земли. (*Колоколов.*)

Задание 103.

Вцепился завод в землю, придавил ее и, ненасытно-алчный, сосет дни и ночи, задыхаясь от жадности, воет, выплевывая из раскаленных пастей огненную кровь земли. Остынет она, почернеет,— он снова плавит, гудит, гремит, расплющивая красное железо, брызжет искрами и, весь вздрагивая, тянет длинные живые полосы, словно жилы из тела земного. Воющее чудовище, опустошая недра земли, копает пропасть под собой и, зная, что когда-то провалится в нее, озлобленно визжит тысячью голосов:

— Скорей, скорей, скорей!

В огне и громе, в дожде огненных искр работают почерневшие люди,— кажется, что нет им места здесь, ибо все вокруг грозит испепелить пламенной смертью, задавить тяжким железом: все оглушает и слепит, сушит кровь нестерпимая жара, а они спокойно делают свое дело, ничего не боясь, все зная.

Ворочают крепкими руками малые рычаги, и всюду — вокруг людей, над головами у них — покорно и страшно двигаются челюсти и лапы огромных машин, пережевывая железо.

(*М. Горький.*)

Выпишите выражения, где неодушевленному предмету (заводу) приписаны свойства живого предмета.

Как надо понимать — буквально или переносно (иносказательно) — выражение: „огненная кровь земли“?

Как возникло выражение: „дождь огненных искр“?

Найдите в описании М. Горького метафорические выражения; содействуют ли они наглядному, картинному представлению о предмете?

Составьте список эпитетов к слову „железо“ (ср. у М. Горького). Заметьте, у кого из товарищей встретились сходные эпитеты; какие из них более ярки, неожиданны?

Найдите другие применения слову „лапы“; в каких выражениях оно употреблено вами буквально и где иносказательно?

Задание 104.

Выберите эпитеты в рассказе Тургенева „Свидание“ и разместите их по группам: зрительные, слуховые, моторные (подчеркивающие движение).

Задание 105.

Подсчитайте количество эпитетов при описании внешности персонажей „Записок охотника“ Тургенева.

Задание 106.

Составьте по сборнику Орешина „Ржаное солнце“ список выражений, где применены эпитеты *золотой* и *ржаной*.

Задание 107.

Составьте по сборнику Гастева „Поэзия рабочего удара“ или по сборникам стихотворений М. П. Герасимова и Самобытника список выражений, где применен эпитет *железный*.

Задание 108.

Разберитесь в степени оригинальности и поэтической выразительности эпитетов, созданных разными писателями, по сборнику Зеленецкого „Эпитеты литературной русской речи“ (1913).

Под влиянием сильного чувства или в целях усиления впечатления от предмета действительности употребляется прием г и п е р б о л ы — замены названий менее сильных по значению более сильными. Гиперболические выражения имеются в обыденной речи („миллион раз было говорено вам“), в устной народной поэзии, у писателей, создававших свои произведения в приподнятом душевном состоянии или рисовавших картины, превосходящие возможное в жизни.

Поворачивал нахвальщина добра коня,
попущал на меня добра молодца;
сыра мать-земля всколебалася,
из озер вода выливалася. (*Былина.*)

— Вот я тебя палашом! — кричал скакавший навстречу фельдъегерь с усами в аршин. (*Гоголь.*)

Стихия — я, я — смерч, я — ураган, —
я созидаю, я разрушу... (*Поморский.*)

Вот он — спаситель, земли властелин,
владыка сил титанических,
в шуме несметных стальных машин,
в сиянии солнц электрических...
Вот он шагает чрез бездны морей,
стальной, непреклонно-стремительный,
искры бросает мятежных идей,
Пламень струит очистительный.
Где прозвонит его властный крик,
недра земные вскрываются,
горы пред ним расступаются вмиг,
полюсы мира сближаются. („Железный мессия"
В. Кириллова.)

Задание 109.

Найдите гиперболы у Гоголя в „Мертвых душах", в „Вечерах на хуторе близ Диканьки", в „Шинели".

Задание 110.

Какими приемами созданы выражения: море по колено, шапками закидаем, рукой подать, посмотреть — шапка валится, слепой увидит, курица перейдет, без году неделя, тише воды — ниже травы.

При сопоставлении явлений по противоположности, по контрасту, применяется прием а н т и т е з ы:

Не торговал я лирой. (*Некрасов.*)

Сегодня трезво торжествую,
а завтра — плачу и пою. (*Блок.*)

Под ним струя светлей лазури,
над ним луч солнца золотой,
а он, мятежный, ищет бури,
как будто в бурях есть покой. (*Лермонтов.*)

Задание 111.

Проследите повторность приема антитезы в стихотворениях Лермонтова.

Употребление слова или словосочетаний в противоположном значении для выражения насмешки носит название иронии (злая, оскорбительная ирония называется сарказмом, более добродушная или вытекающая из глубокой скорби при созерцании людских слабостей называется юмором).

„Отколе, умная, бредешь ты, голова?“
лисица, встретяся с ослом, его спросила.
(*Крылов.*)

Покой был известного рода, ибо гостиница была тоже известного рода, т. е. именно такая, как бывают гостиницы в губернских городах,— за два рубля в сутки приезжающие получают покойную комнату, с тараканами, выглядывающими, как чернослив. (*Гоголь.*)

Есть и овощь в огороде —
хрен да луковица,
есть и медная посуда —
крест да пуговица. (*Некрасов.*)

Одним из важных приемов словесного оформления является параллелизм — построение речи на повторениях целых фраз, отдельных слов и звуков, вследствие чего вызывается соответственное впечатление, создается сгущенное внимание; этот прием имеет место и в обыденной речи, при повторении одинаковых звуков, напр., *давным-давно, цап-царап, битком набит, видал виды* и проч., но в поэтической речи он усложнен, изображен фигурней.

Там чернеют фабричные трубы,
там заводские стонут гудки.
Путь степной — без конца, без исхода,
степь, да ветер, да ветер — и вдруг
многоярусный корпус завода,
города из рабочих лачуг... (*А. Блок.*)

Буря на море вечернем,
моря сердитого шум;
буря на море, и думы —
много мучительных дум.
Буря на море, и думы —
хор возрастающих дум;
черная туча за тучей,
моря сердитого шум. (*А. Фет.*)

Повалился он на холодный снег,
на холодный снег, будто сосенка,
будто сосенка во сыром бору,
под смолистый под корень подрубленная.

(Лермонтов.)

Скользят стрижи в лазури неба чистой.
— В лазури неба чистой горит закат.—
В вечерний час как нежен луг росистый!
— Как нежен луг росистый, и пруд, и сад!

(Бальмонт.)

Утро тоже взносило,
взносило красный кирпич. *(Казин.)*

Задание 112.

В каком из трех последних примеров повторение замедляет течение речи, имея целью продлить живописное впечатление читателя (ретардация), и где оно имеет только звуковой эффект?

Прием повторения был любимым средством Ленина воздействовать на сознание слушателей; в его речи этим приемом достигалась огромная нагнетательная сила, возникали ряды интонационного напряжения, которые и становились центром объединения словесной массы. Примеры:

1) Все эти пути и дорожки подводили и подводят и продолжают подводить к пролетарской революции.

2) Надо воевать против революционной фразы, приходится воевать, обязательно воевать, чтобы не сказали про нас: революционная фраза о революционной войне не погубила революцию.

3) Политика начинается там, где миллионы; не там, где тысячи, а только там, где миллионы, начинается серьезная политика.

4) Если мы хотим „вместе бить“ самодержавие, то мы должны также вместе добить, вместе убить его, вместе отбить неизбежные попытки реставрировать его.

Этот прием параллелизма, отчетливо заметный в своеобразном синтаксическом строении предложений, нередко имеет назначением не столько передать смысловое содержание, сколько выразить музыкальную ритмичность речи, под-

держать внимание на особом упорядоченном сочетании слов. В описании сада ночью Тургенев (в „Трех встречах") применил этот прием: „Все дремало. Воздух, весь теплый, весь пахучий даже не колыхался; он только изредка дрожал, как дрожит вода, возмущенная падением ветки... Все дремало, все нежилось вокруг, все как будто глядело вверх, нагнувшись, не шевелясь и выжидая... Чего ждала эта теплая, эта не заснувшая ночь? Звука ждала она; живого голоса ждала эта чуткая тишина — но все молчало". В этом отрывке параллелизм эпитетов („весь теплый, весь пахучий"), синтаксический параллелизм („все дремало, все нежилось, все... глядело") и др. повторы устанавливают особую интонацию речеведения (мелодика речи), симметричным распорядком слов поддерживают особое ритмическое равновесие, вызывающее у читателя повышенную эмоциональность.

Тот же музыкальный эффект наблюдается в тех случаях, когда повторяются отдельные звуки в целях выразить картинное, живописное впечатление:

Полночной порою в болотной глуши
чуть слышно, бесшумно шуршат камыши.

(Бальмонт.)

Зашла я в лес дремучий...
. . . . в глуши
не слышно было ни души,
и сосны лишь да ели
вершинами шумели. *(Пушкин.)*

Созвучное повторение ударяемых гласных в синтаксическом целом называется **ассонансом**, созвучное повторение согласных называется **аллитерацией**.

У Пушкина:

1) Нева вздувалась и ревела,
котлом клокоча и клубясь.

2) И он по площади пустой
бежит, и слышит за собой
как будто грома грохотанье,
тяжело-звонкое скаканье
по потрясенной мостовой.

3) Дробясь о мрачные скалы,
шумят и пенятся валы,

и надо мной кричат орлы,
и ропщет бор,
и блещут средь волнистой мглы
вершины гор.
Оттоль сорвался раз обвал,
и с тяжким грохотом упал,
и всю теснину между скал
загородил,
и Терека могучий вал
остановил. („Обвал".)

В этом отрывке отчетливо преобладают звуки *р* и *л*, расположенные в каждой строчке в таком порядке:

1) р — р — л
2) л
3) р — л
4) р — р
5) л — р — л — р
6) р — р
7) л — р — л — р — л
8) р — л
9) л
10) р — л
11) р — л
12) л

В первых шести строках симметрично расположены *рр — лл — рл — рр — лр — лл — рр*; в седьмой и восьмой симметрично чередуются *л — рл — рл — рл*; в последних четырех строках также чередуются *л — рл — рл — л*.

У Пушкина:

4) Послушный *лук* согн*у* в дуг*у*.

У Асеева Н.:

Это имя — как гром и как град:
Петербург,
Петроград,
Ленинград.

Когда повторяется одно и то же слово в одной и той же фразе или в начале следующих одна за другой фраз, этот прием повторения называется единоначатием или анафорой. Интонационное назначение этого приема, музыкально-мелодичное оформление речи этим приемом явственно ощущается, напр., у Фета в стихотворении:

Это утро, радость *эта*,
эта мощь и дня и света,
этот синий свод,

этот крик и вереницы,
эти стаи, *эти* птицы,
этот говор вод,
эти ивы и березы,
эти капли — *эти* слезы, —
этот пух, — не лист, —
эти горы, *эти* долы,
эти мошки, *эти* пчелы,
этот зык и свист,
эти зори без затменья,
этот вздох ночной селенья,
эта ночь без сна,
эта мгла и жар постели,
эта дробь и *эти* трели,
это все — весна!

Анафорически построены выше приведенное стихотворение А. Фета, отрывок из повести Тургенева. Разнообразны анафоры у наших писателей — союзы и наречия *и*, *а*, *пусть*, *как*, *где*, *что* нагромождаются в речи Пушкина, Тютчева, Фета, Брюсова и др., давая известное направление развитию мелодии.

В тех же целях своеобразным распорядком слов вызвать желаемое настроение, привлечь внимание к особому смыслу, синтаксическое строение речи выражается необычными сочетаниями, такими конструкциями, в которых преобладает установка не на точное сообщение о чем-либо, а на своеобразное, отклоняющееся от обыденной речи, расположение слов, повышающее их выразительность, музыкальное звучание, эмоциональную значимость.

Иногда в синтаксическом целом пропускаются некоторые члены предложения — прием э л и п с и с а.

Мы села — в пепел, грады — в прах.
В мечи — серпы и плуги. (*Жуковский.*)

Крики, песни, звон и клекот,
всюду грохот, всюду стук,
сочно бьющий жизни рокот,
взлеты крыльев, взмахи рук.
(*Герасимов.*)

Вот заседаний сотни.
Тезисы. Книги. Листки.
Митинг. Ячейки. Субботник.
Фабрики. Села. Полки. (*А. Безыменский.*)

Иногда изменяется обычный порядок в расположении членов предложения — вставляются слова в группу слов, согласованных между собою, чем разбивается обычный строй грамматического сочетания; определяемое ставится впереди определения-прилагательного, дополнение перед глаголом, и проч. Такой прием называется **инверсией**.

Иные слышатся мне звуки. *(А. Толстой.)*

Домишка старенький край городу стоял. *(Крылов.)*

Слезы не знал я никогда. *(Лермонтов.)*

Бороздит рыба ил речной. Река бороздит усталую землю.
(Вс. Иванов.)

Задание 113.

Укажите этот прием в стих. П. Радимова „Весна“ (в сборнике „Деревня“). Как разместились бы слова в обычной речи?

Эмоциональное внимание повышается, когда фразы построены в вопросительной форме, при чем не предполагается получение ответа на вопрос (**риторический вопрос**); когда имеется **обращение** к лицу или предметам, не могущим участвовать в разговоре (**риторическое обращение**):

Отчего я люблю тебя, светлая ночь?
Так люблю, что, страдая, любуюсь тобой!
И за что я люблю тебя, тихая ночь?..

(Полонский.)

Улицы душные, гулко-крикливые,
пасти зловонных дворов,
скоро ль уйдете вы, жутко-тоскливые,
в черную бездну веков? *(Кириллов.)*

А вы, надменные потомки
известной подлостью прославленных отцов!

(Лермонтов.)

Мы отметили разнообразные приемы словесного оформления: одни из них образуют **новые значения в слове**, организуют главные пути мысли, создающей переносные, иносказательные значения, переводящей слова-алгебраиче-

ские знаки, слова прямые (звук и значение) в слова-представления, с ярким признаком, возбуждающим воображение и эмоции,—таковы тропы (синекдоха, метонимия, метафора); другие направлены к тому, чтобы придать высказываемой мысли наивысшую выразительность, своеобразными речовыми конструкциями преобразовать содержание речи,— эти приемы, называемые фигурами, не создают новых значений в слове, но своим присутствием в данном сочетании подчеркивают особую смысловую значимость, картинную или эмоциональную подкрашенность, мелодичность. Тропы и фигуры употребляются и в обыденной речи и в научной, но только организация их в сложной системе с исключительным намерением довести содержание мысли, настроений до предельной яркости, эмоциональности и музыкального звучания слова превращает словесное произведение в поэтическое. Писатель по-своему организует эти приемы, применяет их соответственно своим заданиям. Одна и та же мысль может быть выражена разными словесными конструкциями. Классовая психология писателя, степень его культурного развития, социальное мировоззрение,—все это скажется на речеведении: только тот, кто знает, что значит отдых после трудового дня, может применить к спокойному ночному морю такое выражение, какое мы встречаем у Горького в „Челкаше“: „море спало здоровым, крепким сном работника, который устал за день“; поэт, весь пронизанный деревенскими просторами, укладом сельской жизни, характерно признается:

Плещет рдяный мак заката
на озерное стекло.
И невольно в море хлеба
рвется образ с языка:
отелившееся небо
лижет красного телка.

(С. Есенин.)

Писатель сообщает результаты своих наблюдений над жизнью, сообщает разнообразные сведения, стремится подействовать на волю, поведение читателей, но ни научные данные, ни агитационные, публицистические цели не составляют главного признака поэтического, художественного произведения: автор научного исследования, оратор, перепечатавший свою агитационную речь, оба стремившиеся доказать правоту

своих утверждений и воздействовать на ум и чувства слушателей-читателей, отличаются от творца поэтических произведений тем, что для них самым важным было добиться известного результата, пустить в оборот полезную мысль, сообщить о полученном итоге многолетних наблюдений, — тогда как для писателя-поэта самым главным было организовать детище своей мысли особыми приемами, показать его во всем своеобразии словесного оформления, дать читателю бескорыстно, не думая о полезности своего труда, художественное впечатление; для поэта дорого его произведение в себе самом, его внимание направлено на самое произведение, на то, как целесообразно организовать звуки, словесные конструкции, чтобы его мысленное намерение было оформлено с наивысшей изобразительной энергией, стало художественным стилем. Рассмотренные выше тропы и фигуры только часть среди ряда средств, коими орудует поэт. Есть много других приемов и стилистических заданий, рассмотрение которых необходимо при изучении вопроса о том: что такое поэзия в ее отличии от прозы. С этим мы встретимся ниже. Необходимо запомнить, что только установка на художественную, поэтическую целесообразность (поэтическая функция) делает различие между образцами обыденной речи, научного (прозаического) и поэтического языка. Разумеется, — огромно, значительно, долго сохраняет свое значение только то произведение, в котором все три элемента слова развернуты предельно: если звуковая окраска, внешняя словесная форма, вся совокупность приемов стилистического оформления дают своеобразные речевые конструкции, приковывающие восприятие читателя, поражающие оригинальностью; если образы возбуждают умственную деятельность читателя, дают яркое представление о лицах и событиях, захватывают вопросы, человечески значительные, расширяющие мировоззрение; если значение, идея произведения организует мышление читателя в соответствии с воззрениями передового класса, всегда выражающего интересы общечеловеческие, — если в литературном произведении вся совокупность этих элементов раскрыта во всей полноте, это обеспечивает за поэтическим произведением право на долгое существование в читательских массах.

Задание 114.

ГЛУХАРЬ.

На литейном заводе.

(Из очерков русского чернорабочего труда [1].)

Котельное помещение, где производится выделка паровых и всяких других котлов, заказываемых на заводе, помещается в особых светлых и высоких мастерских. Здесь меньше огня, дыма и чада, зато отсюда на далекое пространство раздается оглушительный стук и грохот. Тут несколько десятков дюжих кузнецов, почти без перерыва колотят пудовыми молотками в железные стены котлов, и котлы гудят, как колокола церковные; между котлами бегают другие кузнецы с раскаленными гайками и заклепками; третьи с громом передвигают с места на место железные плиты; четвертые сколачивают их в трубы и цилиндры,— словом, деятельность полная, и гром отовсюду страшный. Вы на первый раз оглушены и изумлены, но ваше изумление еще более возрастает, когда вы замечаете, что даже из самых котлов также выглядывают люди. Это так называемые г л у х а р и — последний сорт заводских рабочих, обреченный на самый тяжкий, почти нечеловеческий труд, и получающий за этот труд самое ничтожное вознаграждение. В котлах они, как оказывается, играют роль подпорок, то-есть своими грешными телесами представляют изнутри упоры для котлов, по которым здоровенные кузнецы изо всех сил бьют снаружи молотом. Труд этих глухарей до такой степени поучителен, что о нем стоит сказать несколько слов, тем более, что из всех видов заводской работы этот чуть ли не самый тяжелый. Помню, я в детстве видел однажды бродячего фокусника, который, между прочим, позволял ставить себе на грудь небольшую наковальню, а его товарищ в это время колотил по ней молотком — будто ковал что-то. Этим фокусом он приводил в неописанное изумление не малое число зевак, в том числе и меня. Здесь, на заводе, мне неожиданно пришлось увидеть точно такой же фокус, с тем

---

[1]) Разрушение крепостных отношений, вызванное сложными хозяйственными причинами, содействовало развитию капитализма в России. В 70-х годах XIX в. деревня под напором растущего капитализма стала пролетаризироваться, выбрасывая на рынок живую рабочую силу. Это явление было слишком заметно, чтобы на нем не остановилось внимание современной журналистики, литературы и искусства: „мужичья полоса“, картины „чернорабочего труда“ заполняют страницы „Отечественных Записок“, где в 1873 г. Н. Благовещенский поместил очерк „На литейном заводе“, а В. Гаршин в 1879 г. рассказ „Художники“; художники — Репин, нарисовавший „Бурлаков“, Ярошенко с его „Кочегаром“ (1878) тогда же ответили общественному запросу на тему о народных массах под властью капитала.

Помещенный ниже очерк В. Гаршина указывает, что на выбор темы и ее обработку повлияли впечатления, полученные писателем от чтения очерка Благовещенского и от картины Ярошенко.

только различием, что, во-первых, глухарь выделывает этот фокус ежедневно, почти без отдыха, по двенадцати часов в сутки, а во-вторых, здесь никто этому фокусу не удивляется, считая его делом самым обыкновенным и неизбежным при котельной работе. Чтобы понять эту неизбежность, надо знать, что котлы составляются из отдельных железных листов, которые по краям скрепляются между собою железными гвоздями. Каждый гвоздь имеет с одного конца неподвижную заклепку, а с другого конца заклепка наколачивается на гвоздь уже тогда, когда он пройдет сквозь листы. Это делается так: котельщик влезает внутрь котла, вкладывает гвоздь острым концом в отверстие, проходящее сквозь оба листа, и затем плотно прижимает головку к стенкам котла особым инструментом вроде рукоятки. Другой работник в это время тащит раскаленную добела заклепку и щипцами накладывает ее на наружный конец гвоздя, а третий работник тут же начинает пудовым молотом сразмаху наколачивать эту заклепку на гвоздь. В это время работник, находящийся внутри котла, должен напрягать все свои силы, чтобы гвоздь от ударов не только не выскочил из отверстия, но даже не сдвинулся с места. Работа, как видите, тяжелая, и напряжение сил должно быть неимоверное; тут грудь человеческая должна иметь крепость и стойкость железа, потому что она, прежде всего, должна вынести все те удары, которые сыплются на заклепку, — мало того, вынести: даже не дрогнуть. Чтобы убедиться, до какой степени подобная работа не легка для человека, стоит только взглянуть во время работы на лицо и фигуру несчастного глухаря. В эти минуты он имеет такой страдальческий и измученный вид, что, глядя на него, делается „за человека страшно". Всею грудью навалился он на свои руки, которые судорожно сжимают рукоятку; глаза у него вытаращены, рот раскрыт, все мускулы тела неимоверно напряжены; капли тяжелого пота струями бороздят лицо; волосы, несмотря на ремень, встрепались и лезут на глаза. При каждом ударе он конвульсивно вздрагивает и силится ногами упереться во что-нибудь, но ноги скользят по гладкому и вогнутому дну котла — упереться им не на что. Подчас, ради удобства, ему приходится принимать такие неестественные позы, какие, не видав, трудно и представить себе: то он скорчится в три погибели, то свернется в кольцо на самом дне, то вытянется по диагонали котла, смотря по тому, в каком месте котла вбивается гвоздь, вверху, в середине или внизу, у дна. Иногда, при всех усилиях удержаться — он все-таки теряет равновесие; сильным ударом его вдруг собьет с ног, — гвоздь при этом выскакивает, и за такую оплошность на работника налагается штраф. Хорошо еще, если он успеет тотчас вставить гвоздь на прежнее место, но если заклепка успела уже охладеть, она более не годится для дела, и с работника тянут тогда двойной штраф, из-за которого ему придется несколько суток работать даром. Вот почему он так напряженно следит за гвоздем и не жалеет

последних сил своих: даром-то работать ему не хочется, особенно такою страшною работой. Но вот заклепка вбита, удары прекратились, работник переводит дух, торопливо расправляет затекшие члены, отирает пот с лица и затем вставляет новый гвоздь в новое отверстие. И опять визжит молот, и трещит рабочая грудь от ударов. А там идет третий, четвертый гвоздь, сотый, тысячный и т. д., словом идет битье до самой ночи. И за целый день такой мучительной работы котельщик получает вознаграждения всего от 40 до 60 копеек, на своих харчах, между тем как штрафы вычитаются в размере не менее 1 рубля за каждую оплошность и доходят иногда даже до десяти рублей, смотря по вине рабочего. Вот какова эта работа. При виде всех истязаний, какие выносит несчастный глухарь внутри котла, — невольно приходит в голову вопрос: неужели при современном развитии техники и механики нельзя придумать никаких средств облегчить для человека эту пытку или даже вовсе заменить его какой-нибудь механической силой? К сожалению, подобный способ заклепки котлов, насколько мне известно, считается неизбежным не только на наших механических заводах, но даже и за границей, где грудь рабочего тоже очень часто служит вместо наковальни. Я хотел было заговорить с нашим проводником и расспросить об этом предмете, но попытка моя оказалась совершенно недостижимой. Я напрягал все усилия, чтобы выговорить или выкричать несколько слов, но даже сам не мог слышать своего голоса от страшного грохота и треска, раздававшегося кругом. Провожатый оглянулся на меня и тоже выразительно пошевелил губами, указывая на какую-то вещь, но я, конечно, тоже ничего не понял. Недаром котельщики носят на заводе название глухарей. Они до того глухи, что с ними и на вольном воздухе разговаривать трудно, и надо кричать им под самое ухо, чтобы они расслышали что-нибудь. Да и немудрено оглохнуть, проводя целые дни среди такого грохота и особенно помещаясь во время работ внутри котлов, где звуки концентрируются до высшей степени силы и легко уродуют уши, а пожалуй, даже и головы работников. Не без удовольствия вышли мы все на свежий воздух из этой мастерской: у всех еще долго отдавался звон в ушах и оставалось на сердце тоскливое чувство.

— Да-с, — проговорил в раздумье один из бывших с нами. — Зрелище весьма поучительное. Если бы сюда притащили какого-нибудь члена общества покровительства животных и заставили его поглядеть на работу глухарей, я полагаю, он от души порадовался бы, что животные — не люди.

Никто не ответил ни слова на эту выходку, только проводник поглядел на говорившего как бы с недоумением и при этом снисходительно улыбнулся.

— А в самом деле, скажите, пожалуйста, — обратился я к нему: — я думаю, из этой мастерской всего чаще таскают работника в больницу да на кладбище?

— Не слыхать, чтобы чаще, — флегматично ответил проводник: — конечно, хворают, как и все другие, но особых болезней не заметно. Да и не с чего, по правде сказать: народ весь здоровый.

— Но ведь не может же быть, чтобы такая работа проходила без влияния на здоровье. Ведь это, в сущности, только медленное самоубийство.

— Что вы, полноте. Убить человека не так легко, как вы думаете, а наш русский работник на это особенно живуч. Сначала-то, конечно, поломает его немного, а потом пообколотится, пообтерпится, — смотришь, — и привык. Вот эти самые глухари, что сейчас мы видели в мастерских, — без малого все уже по десяти лет работают в котлах, а есть и такие, что по пятнадцати и по двадцати лет поддерживают заклепки, — и ничего: такие силачи, что смотреть любо. У них, поди, теперь ребра-то такие, что на них хоть железо куй, и то сойдет. Ей-богу-с. Вот глохнут только, да ведь и это мужику не большая беда, не в оперу же ему ездить. Не легко, конечно, что и говорить, да ведь никто его не неволит: не нравится — ступай с богом, держать не станут. Охотников-то на его место много найдется. Так-то-с.

Он говорил это с такою уверенностью и спокойствием, как будто дело шло о машинах, а не о людях. Но таков уж удел работника на литейном заводе: он, действительно, должен быть вынослив, как машина, и по возможности стать выше тех физических ощущений, которым подчинены остальные люди. Зато многие и не выносят, ослабевают, и бегут искать других способов существования. Остаются только самые выносливые и сильные, которые в состоянии притерпеться также к роли наковальни.

Замечательно, что работа в котлах считается на заводе самою легкою, т.-е. легкою в том отношении, что она не требует никакой предварительной подготовки, и за нее может взяться всякий, даже неумелый работник. Поэтому на такую работу поступают большею частью новички из пришлых. Придет, например, в Питер на заработки какой-нибудь степняк мужик, который кроме полевых работ и приняться ни за что не умеет, ну и занесет его нелегкая куда-нибудь на литейный завод искать работы. Ему все равно, что бы ни делать, только бы деньги платили. Долго он кланяется заводскому начальству, вымаливая какого-нибудь местечка: по целым часам стоит без шапки у ворот заводских, чтобы явиться на работу по первому зову, — и так, в ожидании этого зова, перебивается со дня на день недели две-три, а то и месяц. Наконец, если он сумеет разжалобить начальство или чем-нибудь угодить ему, его в виде милости наймут на завод, сначала воду возить или грязь какую чистить, рублей за пять в месяц, на своих харчах, а потом и предлагают: — „не хочешь ли, мол, в котлах работать, мы тебе на первый раз копеек по сорока в день“. Измученный ожиданиями мужик, конечно, рад-радехонек

своему начальству; для котельной работы никакого уменья от него не требуется, значит, за ученье никому платить не надо, была бы только грудь здоровая да крепкие руки, а этим богатством мать-природа его не обидела. Спокойно и с уверенностью влезает он в котел под заклепку, и с этой минуты начинают ему отсчитывать каждый день по нескольку тысяч ударов молотком по груди. Закряхтит мужичок с непривычки, заноет у него грудь, заболят кости, так что в первые дни он еле на ногах держится, а потом, постепенно начнет привыкать, да и привыкнет, только осунется весь и пожелтеет. Зато теперь он уже настоящий заводской глухарь, за что и получает в месяц не пять рублей, как прежде, а десять рублей сорок копеек (конечно, если нет вычету за штрафы). Но горе ему, если он не сумеет привыкнуть и обтерпеться, — тогда волей-неволей ему придется уступить свое место другим голодным: а их целые толпы давно уже ждут места и с радостью накинутся на опроставшийся котел пробовать свои силы под молотом. Иной, проработав несколько времени, просит, как милости, другой работы, и заступает иногда место товарища, который до сих пор колотил ему в грудь. Таким образом, он, в свою очередь, начинает обколачивать ребра другому степняку, который влезает на его место в котел. Конечно, наносить побои все-таки легче, чем получать их, но за кузнечную работу, не умеючи, тоже взяться нельзя, потому что тут уже нужна сноровка. Кузнецу нужно уметь бить одинаково как с правого, так и с левого плеча, для того, чтобы в случае усталости, не бросать работу, а только переменять для облегчения размах молота и передавать его из правой руки в левую, и наоборот. Иной раз, говорят, во время битья рука вдруг до того устанет и заноет, особенно с непривычки, что хоть совсем бросай дело; а тут этого нельзя: кузнец должен бить без перерыва во все время, пока это нужно, а то иначе заклепка может остыть раньше времени, — и с кузнеца вычтут штраф не малый. В том-то и дело, что тут везде главным двигателем в работе является опять-таки штраф: он-то и принуждает работника изловчаться на все лады и приучать свое тело ко всяким фокусам, чтобы проделать все нужные штуки и получить, таким образом, возможность прокормиться и уплатить подати. А пока работник приучится к какому-нибудь мастерству на заводе, какое множество штрафов вычтут с него за его неумелость и невольные промахи! Иной до того проштрафится, что целые месяцы работает чуть не даром; чтобы не умереть с голоду, входят в долги и в кабалу. Вот почему большинство работников и держится упорно за работу, к которой они уже успели привыкнуть. Вот почему и глухари по десяти да по пятнадцати лет сидят в котлах, не рискуя променять свою тяжелую работу на другую, хоть и более легкую, но неизвестную. Котельщику только притерпеться к работе трудно, а как притерпелся, ему все равно, как его ни бей, он, кажется, и боли-то никакой не чувствует.

В самом деле, вглядываясь с любопытством в личности обтерпевшихся глухарей, особенно во время перерыва работ, я не заметил ни одного лица, которое бросалось бы в глаза своим жалким, болезненным видом: т.-е., если хотите, все они имеют вид ненормальный, все сухощавы, измучены и желты, но зато все, повидимому, бодры, у всех груди богатырские, руки жилистые, и мускулатура вообще сильно развита. Вылезши из котла, когда представится к тому случай, глухарь торопливо обтирает пот с лица и, улыбаясь во весь рот, подходит к товарищам, — и только учащенное дыхание дает заметить, что он сейчас вынес тысячу, другую ударов молота. Тут, как ни в чем не бывало, идут шутки, щипки, толчки, рабочие мажут друг друга маслом и сажей, замахиваются друг на друга молотками, толкаются и хохочут, точно школьники, особенно если мастер в это время не следит за ними. Глядя на эти беззаботные игры, я невольно соглашался с мнением нашего провожатого, что убить человека не так легко, как это кажется с первого взгляда.

Н. Благовещенский.

ГЛУХАРЬ.

(*Художники.* Рассказ Вс. Гаршина.[1])

Рябинин.

Я живу в пятнадцатой линии на Среднем проспекте и четыре раза в день прохожу по набережной, где пристают иностранные пароходы. Я люблю это место за его пестроту, оживление, толкотню и шум и за то, что оно дало мне много материала. Здесь, смотря на поденщиков, таскающих кули, вертящих ворота и лебедки, возящих тележки со всякой кладью, я научился рисовать трудящегося человека.

Я шел домой с Дедовым, пейзажистом... Добрый и невинный, как сам пейзаж, человек, и страстно влюблен в свое искусство. Вот для него так уж нет никаких сомнений: пишет, что видит; увидит реку — и пишет реку, увидит болото с осокою — и пишет болото с осокою. Зачем ему эта река и это болото? — он никогда не задумывается. Он, кажется, образованный человек; по крайней мере, кончил курс инженером. Службу бросил, благо явилось какое-то наследство, дающее ему возможность существовать без труда. Теперь он пишет и пишет: летом сидит с утра до вечера на поле или в лесу за этюдами, зимой без устали компонует закаты, восходы, полдни, начала и концы дождя, зимы, весны и прочее. Инженерство свое забыл и не жалеет об этом. Только когда мы проходим мимо пристани, он часто объясняет мне

---

[1]) Мы взяли несколько глав из рассказа.

значение огромных чугунных и стальных масс: частей машин, котлов и разных разностей, выгруженных с парохода на берег.

— Посмотрите, какой котлище притащили! — сказал он мне вчера, ударив тростью в звонкий котел.

— Неужели у нас не умеют их делать? — спросил я.

— Делают и у нас, да мало, нехватает. Видите, какую кучу привезли. И скверная работа; придется здесь чинить: видите, шов расходится. Вот тут тоже заклепки расшатались. Знаете ли, как это штука делается? Это, я вам скажу, адская работа. Человек садится в котел и держит заклепку изнутри клещами, что есть сил напирая на них грудью, а снаружи мастер колотит по заклепке молотом и выделывает вот такую шляпку.

Он показал мне на длинный ряд выпуклых металлических кружков, идущих по шву котла.

— Дедов, ведь это все равно, что по груди бить!

— Все равно. Я раз пробовал-было забраться в котел, так после четырех заклепок еле выбрался. Совсем разбило грудь. А эти как-то ухитряются привыкать. Правда, и мрут они, как мухи: год-два вынесет, а потом, если и жив, то редко куда-нибудь годен. Извольте-ка целый день выносить грудью удары здоровенного молота по груди, да еще в котле, в духоте, согнувшись в три погибели. Зимой железо мерзнет, холод, а он сидит или лежит на железе. Вон в том котле — видите, красный, узкий — так и сидеть нельзя: лежи на боку да подставляй грудь. Трудная работа этим глухарям.

— Глухарям?

— Ну да, рабочие их так прозвали. От этого трезвона они часто глохнут. И вы думаете, много они получают за такую каторжную работу? Гроши! Потому что тут ни навыка, ни искусства не требуется, а только мясо... Сколько тяжелых впечатлений на всех этих заводах, Рябинин, если бы вы знали. Я так рад, что разделался с ними навсегда. Просто жить тяжело было сначала, смотря на эти страдания... То ли дело с природой! Она не обижает, да и ее не нужно обижать, чтобы эксплоатировать ее, как мы, художники... Поглядите-ка, поглядите, каков сероватый тон! — вдруг перебил он сам себя, показывая на уголок неба: — пониже вон там, под облачком... прелесть! С зеленоватым оттенком. Ведь вот напиши так, ну, точно так — не поверят! А ведь недурно, а?

Я выразил свое одобрение хотя, по правде сказать, не видел никакой прелести в грязно-зеленом клочке петербургского неба, и перебил Дедова, начавшего восхищаться еще каким-то „тонком“ около другого облачка.

— Скажите мне, где можно посмотреть такого глухаря?

— Поедемте вместе на завод; я вам покажу всякую штуку. Если хотите, даже завтра! Да уж не вздумалось ли вам писать этого глухаря? Бросьте, не стоит; неужели нет ничего повеселее? А на завод, если хотите, хоть завтра.

Сегодня мы поехали на завод и осмотрели все. Видели и глухаря. Он сидел, согнувшись в комок, в углу котла и подставлял свою грудь под удары молота. Я смотрел на него полчаса. Молот поднялся и опустился сотни раз. Глухарь корчился. Я его напишу.

Дедов.

Рябинин выдумал такую глупость, что я не знаю, что о нем и думать. Третьего дня я возил его на металлический завод; мы провели там целый день, осмотрели все, при чем я объяснил ему всякие производства (к удивлению моему, я забыл очень немногое из своей профессии); наконец, я привел его в котельное отделение. Там в это время работали над огромнейшим котлом. Рябинин влез в котел и полчаса смотрел, как работник держит заклепку клещами. Вылез оттуда бледный и расстроенный; всю дорогу назад молчал. А сегодня объявляет мне, что уже начал писать этого рабочего-глухаря. Что за идея. Что за поэзия в грязи. Здесь я могу сказать, никого и ничего не стесняясь, то, чего, конечно, не сказал бы при всех: по-моему, вся эта мужичья полоса в искусстве — чистое уродство. Кому нужны эти пресловутые репинские „Бурлаки"? Написаны они прекрасно, нет спора: но ведь и только. Где здесь красота, гармония, изящное? А не для воспроизведения ли изящного в природе и существует искусство?

То ли дело у меня! Еще несколько дней работы, и будет кончено мое тихое „Майское утро". Чуть колышется вода в пруде, ивы склонили на него свои ветви; восток загорается; мелкие перистые облачка окрасились в розовый цвет. Женская фигурка идет с крутого берега с ведром за водой, спугивая стаю уток. Вот и все; кажется, просто, а между тем я ясно чувствую, что поэзии в картине вышло пропасть. Вот это — искусство! Оно настраивает человека на тихую, кроткую задумчивость, смягчает душу. А рябининский „Глухарь" ни на кого не подействует уже потому, что всякий постарается поскорее убежать от него, чтобы только не мозолить себе глаза этими безобразными тряпками и этой грязной рожей. Странное дело! Ведь вот в музыке не допускаются режущие ухо, неприятные созвучия; отчего ж у нас в живописи можно воспроизводить положительно безобразные, отталкивающие образы?

Рябинин.

Уже две недели, как я перестал ходить в академию: сижу дома и пишу. Работа совершенно измучила меня, хотя идет успешно. Следовало бы сказать не х о т я, а т е м б о л е е, что идет успешно. Чем ближе она подвигается к концу, тем все страшнее и страшнее кажется мне то, что я написал. И кажется мне еще, что это — моя последняя картина.

Вот он сидит передо мною в темном углу котла, скорчившийся в три погибели, одетый в лохмотья, задыхающийся от усталости человек. Его совсем не было бы видно, если бы не свет, проходящий сквозь круглые дыры, просверленные для заклепок. Кружки этого света пестрят его одежду и лицо, светятся золотыми пятнами на его лохмотьях, на всклокоченной и закопченной бороде и волосах, на багрово-красном лице, по которому струится пот, смешанный с грязью, на жилистых надорванных руках и на измученной широкой и впалой груди. Постоянно повторяющийся страшный удар обрушивается на котел и заставляет несчастного глухаря напрягать все свои силы, чтобы удержаться в своей невероятной позе. Насколько можно было выразить это напряженное усилие — я выразил.

Иногда я кладу палитру и кисти и усаживаюсь подальше от картины, прямо против нее. Я доволен ею; ничто мне так не удавалось, как эта ужасная вещь. Беда только в том, что это довольство не ласкает меня, а мучит. Это — не написанная картина, это — созревшая болезнь. Чем она разрешится, я не знаю; но чувствую, что после этой картины мне нечего уже будет писать. Птицеловы, рыболовы, охотники со всякими экспрессиями и типичнейшими физиономиями, вся эта „богатая область жанра“ — на что мне теперь она? Я ничем уж не подействую так, как этим глухарем, если только подействую...

Сделал опыт: позвал Дедова и показал ему картину. Он сказал только: „Ну, батенька“, и развел руками. Уселся, смотрел полчаса, потом молча простился и ушел. Кажется, подействовало... Но ведь он все-таки художник...

И я сижу перед своей картиной, и на меня она действует. Смотришь и не можешь оторваться, чувствуешь за эту измученную фигуру. Иногда мне даже слышатся удары молота... Я от него сойду с ума. Нужно его завесить.

Полотно покрыло мольберт с картиной, а я все сижу перед ним, думая все о том же неопределенном и страшном, что так мучит меня. Солнце заходит и бросает косую желтую полосу света сквозь пыльные стекла на мольберт, завешенный холстом. Точно человеческая фигура. Точно дух земли в „Фаусте“, как его изображают немецкие актеры.

...Wer ruft mich?[1])

Кто позвал меня? Я, я сам создал тебя здесь. Я вызвал тебя, только не из какой-нибудь „сферы“, а из душного, темного котла, чтобы ты ужаснул своим видом эту чистую, прилизанную, ненавистную толпу. Приди, силою моей власти прикованный к полотну, смотри с него на эти фраки и трэны, крикни им: „я — язва растущая!“ Ударь их сердце, лиши их сна, стань перед их глазами призраком! Убей их спокойствие, как ты убил мое...

[1]) Вер руфт мих? — Кто позвал меня?

Картина продана и увезена в Москву. Я получил за нее деньги и, по требованию товарищей, должен был устроить им увеселение в „Вене“.

Собралась целая куча народа: жанристы, пейзажисты и скульпторы, два рецензента из каких-то маленьких газет, несколько посторонних лиц. Начали пить и разговаривать. Через полчаса все уже говорили разом, потому что все были навеселе. И я тоже. Помню, что меня качали, и я говорил речь. Потом целовался с рецензентом и пил с ним брудершафт. Пили, говорили и целовались много и разошлись по домам в четыре часа утра.

Я едва добрался домой и нераздетый бросился на постель, при чем испытал что-то вроде качки на корабле: казалось, что комната качается и кружится вместе с постелью и со мною. Это продолжалось минуты две; потом я уснул.

Уснул, спал и проснулся очень поздно. Голова болит; в тело точно свинцу налили. Я долго не могу раскрыть глаз, а когда раскрываю их, то вижу мольберт — пустой, без картины. Он напоминает мне о пережитых днях, и вот все снова, сначала... Ах, боже мой, да надо же это кончить!

Голова болит больше и больше, туман наплывает на меня. Я засыпаю, просыпаюсь и снова засыпаю. И я не знаю, мертвая ли тишина вокруг меня, или оглушительный шум, хаос звуков, необыкновенный, страшный для уха. Может быть, это и тишина, но в ней что-то звонит и стучит, вертится и летает. Точно огромный тысячесильный насос, выкачивающий воду из бездонной пропасти, качается и шумит, и слышатся глухие раскаты падающей воды и удары машины. И над всем этим одна нота, бесконечная, тянущаяся, томящая. И мне хочется открыть глаза, встать, подойти к окну, раскрыть его, услышать живые звуки, человеческий голос, стук дрожек, собачий лай, и избавиться от этого вечного гимна. Но сил нет. Я вчера был пьян. И я должен лежать и слушать, слушать без конца.

И я просыпаюсь и снова засыпаю. Снова стучит и гремит где-то резче, ближе и определеннее. Удары приближаются и бьют вместе с моим пульсом. Во мне они, в моей голове, или вне меня. Звонко, резко, четко... раз-два, раз-два... Бьет по металлу и еще по чему-то. Я слышу ясно удары по чугуну; чугун гудит и дрожит. Молот сначала тупо звякает, как будто падает в вязкую массу, а потом бьет звонче и звонче, и, наконец, как колокол, гудит огромный котел. Потом остановка, потом снова тихо; громче и громче, и опять нестерпимый, оглушительный звон. Да, это так: сначала бьют по вязкому, раскаленному железу, а потом оно застывает. И котел гудит, когда головка заклепки уже затвердела. Понял. Но те, другие звуки... Что́ это такое? Я стараюсь понять, что́ это такое, но дымка застилает мне мозг.

Кажется, что так легко припомнить, так и вертится в голове, мучительно-близко вертится, а что именно — не знаю. Никак не схватить... Пусть стучит, оставим это. Я знаю, но только не помню.

И шум увеличивается и уменьшается, то разрастаясь до мучительно-чудовищных размеров, то будто бы совсем исчезая. И кажется мне, что не он исчезает, а я сам в это время исчезаю куда-то, не слышу ничего, не могу шевельнуть пальцем, поднять веки, крикнуть. Оцепенение держит меня, и ужас охватывает меня, и я просыпаюсь весь в жару. Просыпаюсь не совсем, а в какой-то другой сон. Чудится мне, что я опять на заводе, только не на том, где был с Дедовым. Этот гораздо громаднее и мрачнее. Со всех сторон гигантские печи, чудной, невиданной формы. Снопами вылетает из них пламя и коптит крышу и стену здания, уже давно черные, как уголь. Машины качаются и визжат, и я едва прохожу между вертящимися и бегущими и дрожащими ремнями; нигде ни души. Где-то стук и грохот: там-то идет работа. Там неистовый крик и неистовые удары; мне страшно итти туда, но меня подхватывает и несет, и удары все громче, и крики страшнее, и вот все сливается в рев, и я вижу... Вижу: странное, безобразное существо корчится на земле от ударов, сыплющихся на него со всех сторон. Целая толпа бьет, кто чем попало. Тут все мои знакомые с остервенелыми лицами колотят молотами, ломами, палками, кулаками это существо, которому я не прибрал названия. Я знаю, что это — все он же... Я кидаюсь вперед, хочу крикнуть: „Перестаньте! За что!“ И вдруг вижу бледное, искаженное, необыкновенно страшное лицо, страшное потому, что это мое собственное лицо. Я вижу, как я сам, другой я сам, замахивается молотом, чтобы нанести неистовый удар.

Тогда молот опустился на мой череп. Все исчезло; некоторое время я сознавал еще мрак, тишину, пустоту и неподвижность, а скоро и сам исчез куда-то...

Рябинин лежал в совершенном беспамятстве до самого вечера. Наконец хозяйка-чухонка, вспомнив, что жилец сегодня не выходил из комнаты, догадалась войти к нему и, увидев бедного юношу разметавшимся в сильнейшем жару и бормотавшего всякую чепуху, испугалась, испустила какое-то восклицание на своем непонятном диалекте и послала девочку за доктором. Доктор приехал, посмотрел, пощупал, послушал, помычал, присел к столу и, прописав рецепт, уехал, а Рябинин продолжал бредить и метаться.

В. Гаршин

а) Какой из текстов (Благовещенский, Гаршин) дает более точное знание (понятие) о рабочем-глухаре, и какой — более яркую картину (образ)? Где дано больше подробностей? Какие признаки образа глухаря сохранил Гаршин,

и что он сократил или добавил (сравнительно с Благовещенским)? В каком отрывке ярче переданы душевные настроения (эмоции) автора? Какие чувства вызывает в вас рассказ Гаршина о переживаниях Рябинина?

б) В каком отрывке речь отличается бо́льшей точностью, бо́льшей картинностью? Какими средствами языка пользуются Благовещенский и Гаршин: у кого из них чаще встречаются переносные (иносказательные) выражения?

в) Разберитесь во взглядах на искусство Рябинина и Дедова и укажите социальные корни этих взглядов (прочтите рассказ Гаршина полностью).

г) Сходите в Третьяковскую картинную галлерею и опишите картину Ярошенко „Кочегар“.

д) Можно ли точно уяснить, чем воспользовался Гаршин из очерков Благовещенского при описании глухаря, что дала ему картина Ярошенко?

ТЕМЫ. 1) В мастерской. 2) Мой товарищ за работой. 3) По улице к заводу (внешний вид встречных, разговоры, случайное происшествие; в будни, в праздник; утром, вечером).

§ 41.

Речь стихотворная и прозаическая.

Из записок М. Н. Волконской [1]).

Я приехала в Казань вечером; был канун Нового года, меня заставили выйти из кибитки, не знаю почему, в гостинице; дом Дворянского собрания был на том же дворе, залы его были ярко освещены, и я видела, как туда входили маски на бал. Я говорила себе: „Какой контраст! Здесь собираются танцовать, веселиться, а я еду в бездну. Все кончено для меня: и песни, и танцы“.

Подобное ребячество было вполне простительно в моем возрасте; мне только что исполнилось 21 год. Течение моих мыслей было прервано появлением чиновника военного губернатора, который предупреждал меня, что я сделаю лучше, если вернусь

[1]) М. Н. Волконская поехала в Сибирь, к мужу, участнику декабрьского восстания 1825 г. Некрасов слышал ее записки в чтении ее сына, делал заметки во время чтения и частью по памяти, частью по этим заметкам описал эпизоды из жизни Волконской в поэме „Русские женщины“.

обратно, тем более, что княгиня Трубецкая, которая проехала до меня, должна была остановиться в Иркутске (ее не пустили ехать дальше), а в вещах ее произвели обыск. Я ответила, что приняла все предосторожности, и что меня пропустят, так как на то у меня имеется разрешение государя.

Я продолжала путь; погода была ужасная; хозяин гостиницы сказал мне, что лучше было бы обождать, потому что будет метель.

Я подумала, что то ли еще мне предстоит в Сибири и, приказав опустить рогожу с верха кибитки, отправилась дальше. Но я не знала степных метелей: снег повалился на полости, так что между ямщиком и нами образовалась гора из снега. Я заставила свои часы прозвонить: была полночь — мой Новый год, моя встреча Нового года! Я повернулась к моей горничной, чтобы пожелать ей счастливого года, не имея больше никого, кого бы можно было поздравить, но она была в таком дурном расположении духа, ее выражение лица было такое неприятное, что я обратилась к ямщику: „С Новым годом тебя поздравляю!“— и я мысленно перенеслась к своим родителям, к своей молодости, детству. Как праздновался у нас этот день, сколько радостей, сколько удовольствий! А мой бедный Сергей, что с ним? Печальная действительность представилась мне во всей своей неприглядности; я думала теперь только о муже. Лошади стали, ямщик сказал, что мы сбились с дороги, и что надо выйти и искать убежища. К счастью, недалеко оказалось зимовье дровосека, и мы вошли туда; я велела развести огонь, заварила чай для людей и переждала до утра, чтобы продолжать путь. Так ехала я в продолжение 15 дней, то пела, то читала стихи, не встретив в пути ничего интересного; я совсем не видела мест, через которые проезжала: был сильный холод, и кибитка была закрыта. Однажды слуга мне сказал, что мы подъезжаем к станции; я приказала открыть кибитку и увидела большие костры, разложенные посреди деревни. Эти костры поддерживались, чтобы дать возможность толпе обогреться; женщины, дети, солдаты, крестьяне — все толпились вокруг костров. Я спросила: „Что это такое?“ — „Это серебрянка из Нерчинска“. Я пришла в восторг, — сейчас я узнаю что-нибудь о муже. Иду на почтовую станцию и для вида приказываю подать себе чаю. Входит офицер, сопровождающий караван; он не снимает фуражки и продолжает курить, выпуская клубы дыма отвратительного табаку; засаленная сумка с табаком висела у него на пуговице сюртука. Несмотря на его грубую внешность, я его спрашиваю, где находятся государственные преступники. Он смерил меня взглядом и, повернувшись ко мне спиной, сказал: „Я их не знаю и знать не хочу“. (Это был некто Фитингоф, сосланный впоследствии за безнравственность в Соловецкий монастырь.) Тогда один из его солдат, устыдившись за своего начальника, подходит ко мне и тихо говорит: „Я их видел, они здоровы, они в Нерчинском округе,

в Благодатском руднике". Этот славный парень проявил более человечности и деликатности, чем его начальник. Больше со мной не было никаких приключений, за исключением разве того, что меня понесли лошади с самой высокой горы Алтая. Я выпрыгнула прямо в снег, не причинив себе ни малейшего вреда.

Из поэмы Некрасова

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ (1872).

В Казани я сделала первый привал,
на жестком диване уснула;
из окон гостиницы видела бал
и, каюсь, глубоко вздохнула!
Я вспомнила: час или два с небольшим
осталось до нового года.
„Счастливые люди! как весело им!
У них и покой, и свобода,
танцуют, смеются... а мне не знавать
веселья... я еду на муки!.."
Не надо бы мыслей таких допускать,
да молодость, молодость, внуки!

Здесь снова пугали меня Трубецкой,
что будто ее воротили:
„Но я не боюсь — позволенье со мной!"
Часы уже десять пробили,
пора! Я оделась. — Готов ли ямщик?
„Княгиня, вам лучше дождаться
рассвета, — заметил смотритель старик, —
мятель начала подниматься!"
— Ах, то ли придется еще испытать!
Поеду. Скорей, ради бога!..
Звенит колокольчик, ни зги не видать,
что дальше, то хуже дорога,
поталкивать начало сильно в бока,
какими-то едем грядами,
не вижу я даже спины ямщика:
бугор намело между нами.
Чуть-чуть не упала кибитка моя,
шарахнулась тройка и стала.
Ямщик мой заохал: „Докладывал я:
пождать бы! дорога пропала!.."

Послала дорогу искать ямщика,
кибитку рогожей закрыла,
подумала: верно уж полночь близка,
пружинку часов подавила:

двенадцать ударило! Кончился год,
и новый успел народиться!
Откинув цыновку, гляжу я вперед —
попрежнему вьюга крутится.
Какое ей дело до наших скорбей,
до нашего нового года?
И я равнодушна к тревоге твоей
и к стонам твоим, непогода!
Своя у меня роковая тоска,
и с ней я борюсь одиноко...

Поздравила я моего ямщика.
„Зимовка тут есть недалеко,—
сказал он,—рассвета дождемся мы в ней!"
Подъехали мы, разбудили
каких-то убогих лесных сторожей,
их дымную печь затопили.
Рассказывал ужасы житель лесной,
да я его сказки забыла...
Согрелись мы чаем. Пора на покой!
Мятель все ужаснее выла.
Лесник покрестился, ночник погасил
и с помощью пасынка Феди
огромных два камня к дверям привалил.
— Зачем? — „Одолели медведи!"

Потом он улегся на голом полу.
Все скоро уснуло в сторожке.
Я думала, думала... лежа в углу
на мерзлой и жесткой рогожке...
Сначала веселые были мечты:
я вспомнила праздники наши,
огнями горящую залу, цветы,
подарки, заздравные чаши,
и шумные речи, и ласки... кругом
все милое, все дорогое —
но где же Сергей?.. И, подумав о нем,
забыла я все остальное!

Я живо вскочила, как только ямщик
продрогший в окно постучался.
Чуть-свет на дорогу нас вывел лесник,
но деньги принять отказался.
„Не надо, родная! Бог вас защити,
дороги-то дальше опасны!"
Крепчали морозы по мере пути
и сделались скоро ужасны.
Совсем я закрыла кибитку мою,
и темно, и страшная скука.

Что́ делать? Стихи вспоминаю, пою —
когда-нибудь кончится мука!
Пусть сердце рыдает, пусть ветер ревет,
и путь мой заносят мятели,
а все-таки я подвигаюсь вперед!
Так ехала я три недели...
Однажды, заслышав какой-то содом,
цыновку мою я открыла,
взглянула: мы едем обширным селом,
мне сразу глаза ослепило:
пылали костры по дороге моей...
Тут были крестьяне, крестьянки,
солдаты и — целый табун лошадей...
„Здесь станция: ждут серебрянки[1]), —
сказал мой ямщик, — мы увидим ее,
она, чай, идет недалече...“

Сибирь высылала богатство свое.
Я рада была этой встрече:
„Дождусь серебрянки! Авось что-нибудь
о муже, о наших узнаю.
При ней офицер, из Нерчинска их путь...“
В харчевне сижу, поджидаю...
Вошел молодой офицер; он курил,
он мне не кивнул головою,
он как-то надменно глядел и ходил,
и вот я сказала с тоскою:
„Вы видели, верно... известны ли вам
те... жертвы декабрьского дела...
Здоровы они? Каково-то им там?
О муже я знать бы хотела...“
Нахально ко мне повернул он лицо, —
черты были злы и суровы, —
и, выпустив изо рту дыму кольцо,
сказал: „Несомненно, здоровы,
но я их не знаю и — знать не хочу,
я мало ли каторжных видел!..“
Как больно мне было, родные! Молчу...
Несчастный! Меня же обидел!
Я бросила только презрительный взгляд,
с достоинством юноша вышел...
У печки тут грелся какой-то солдат,
проклятье мое он услышал
и доброе слово — не варварский смех —
нашел в своем сердце солдатском:

---

[1]) Обоз с серебром. *Примеч. Некрасова.*

„Здоровы! — сказал он. — Я видел их всех,
живут в руднике Благодатском!..“
Но тут возвратился надменный герой,
поспешно ушла я в кибитку.
Спасибо, солдатик! спасибо, родной!
Недаром я вынесла пытку!..
А ночью ямщик не сдержал лошадей —
гора была страшно крутая —
и я полетела с кибиткой моей
с высокой вершины Алтая!

Задание 115.

Укажите сходные места в обоих отрывках.

Как расположены слова в сходных по смыслу выражениях в том и другом отрывке? Как графически различаются оба отрывка? Где построена речь только для выражения смысла, и где слова особым признаком подогнаны в строку? Какое значение имеет это нарушение естественного хода речи? Читая заметки Волконской, отметьте сочетания слогов с ударением и без ударения (́– ᴗ). Сделайте то же самое при чтении Некрасовского отрывка. Где эти сочетания упорядочены, даны в виде равнозначащих звуковых отрезков, и где они не чередуются правильными рядами? Какое значение имеет при произнесении ритмическая упорядоченность речи?

Выводы.

Речь, распадающаяся на мерно чередуемые ритмические единицы — стихи, называется стихотворной; речь не распадающаяся на правильно чередуемые сочетания ударных и безударных слогов, называется прозаической речью.

Слоговые группы, ритмически равные между собою, с одинаковым положением ударяемого слога, называются стопой.

Звуковой повтор, обозначающий границы ритмического ряда (стиха), называется рифмой.

Стихосложение, основанное на равномерном чередовании ударений, называется тоническим.

Стихотворная речь распадается на стопы. Стопы бывают двухсложные и трехсложные. Если двухсложная стопа с ударением на первом слоге (свéтит мéсяц), мы имеем хорей (́– ᴗ); если двухсложная стопа с ударением на втором слоге

(звезда́), мы имеем ямб (◡ —́); если трехсложная стопа с ударением на первом слоге (у́лица), мы имеем дактиль (—́◡◡); если трехсложная стопа с ударением на втором слоге (дере́вня), мы имеем амфимбрахий (◡—́◡); если трословжная стопа с ударением на третьем слоге (ворота́ тесовы́), мы имеем анапест (◡◡—́). В стихотворной речи стих чаще всего состоит из однородных стоп.

Задание 116.

Укажите стихотворные размеры.

Что-то слышится родное
в долгих песнях ямщика:
то разгулье удалое,
то сердечная тоска... *(Пушкин.)*

Последняя туча рассеянной бури,
одна ты несешься по ясной лазури,
одна ты наводишь унылую тень,
одна ты печалишь ликующий день. *(Пушкин.)*

И вот уже трещат морозы
и серебрятся средь полей.
(Читатель ждет уж рифмы — розы:
на, вот, возьми ее скорей!) *(Пушкин.)*

Медленно движется время,
веруй, надейся и жди,
зрей, наше юное племя!
путь твой широк впереди... *(Никитин.)*

Распахнитесь, орлиные крылья,
бей, набат, и гремите, грома,—
оборвалися цепи насилья,
и разрушена жизни тюрьма. *(Клюев.)*

Деревня родная, четыре двора,
соха золотая, батюшка-серп...
Заря-заряница в полях расцвела
над звоном и смехом пахучих верб. *(Орешин.)*

Чей это поезд так бешено мчится?
не паровоз — железная птица;
грохот чугунный, тревожный свист,
в зареве красном стоит машинист. *(Кириллов.)*

Стихотворная речь, более упорядоченная сравнительно с прозаической в чередовании слогов ударных и безударных, организованно чередует также гласные и согласные звуки (так называемая *инструментовка* речи); В. Брюсов собрал в стихах Пушкина многочисленные примеры своеобразной звукописи:

Куда как *в*есело; *в*от *в*ечер: *в*ьюга *в*оет...

*П*астух, *п*летя свой *п*естрый ла*п*оть,
*п*оет *п*ро волжских рыбарей...

И *п*уть *п*о нем *ш*ирокий *ш*ел...

Хозяйка *х*мурится в *п*одобие *п*огоде...

*М*елькают *м*имо *б*удки, *б*абы...

*Н*а *м*утном *н*ебе *м*гла *н*осилась...

*М*утно *н*ебо, *н*очь *м*утна...

В ку*ст*ах *р*ассыпались *стр*елки...

*Сп*ой *мн*е *п*ес*н*ю, как синица...

В звучании ударных гласных заметна закономерность:

Я в этот м*и*р пришел, чтоб в*и*деть солнце и с*и*ний кругозор.
Я в этот м*и*р пришел, чтоб в*и*деть солнце и выси гор. *(Бальмонт.)*

Звуковые повторы — рифмы — имеются не только в стиховом окончании; рифмы бывают начальные и внутренние:

Внемля ветру, тополь *гнется*, С неба дождь осенний *льется*.
Надо мною *раздается* мерный звук часов стенных.
Мне никто не *улыбнется*, и тревожно сердце *бьется*,
и из уст невольно *рвется* монотонный грустный стих. *(Бальмонт.)*

Рифмы по характеру стиховых окончаний делятся на мужские (ударение совпадает с последним слогом стиха), женские (ударение на втором слоге от конца), дакти-

лические (ударение на третьем слоге от конца). Наиболее обычным является чередование мужских и женских рифм.

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
мчитесь вы, будто как я же, изгнанники,
с милого севера в сторону южную. *(Лермонтов.)*

Ушел рабочий караван,
и тишина легла в полях;
как бесконечный ратный стан,
кругом снопы стоят в копнах. *(Майков.)*

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
на мутном небе мгла носилась. *(Пушкин.)*

В зависимости от характера созвучности рифмовых окончаний, рифмы делятся на богатые, достаточные, бедные, неточные. К первым относятся рифмы, отличающиеся обилием сходства звуков при обязательном опорном согласном ударного слога (края: рая; белый: огрубелый; блистая: стая); рифмы с различными опорными звуками — бедны (белый: смелый; стадá: берегá); достаточными могут быть названы рифмы — волна: видна; молчу: кричу; к неточным относятся рифмы, в которых наблюдаются: 1) несовпадение в области согласных при одинаковых ударных гласных, 2) несовпадение ударных гласных при одинаковых согласных, 3) несоответствие в числе слогов рифмы, 4) несоответствие в расположении ударений. Примеры: 1) мачт: трубач; гонит: кони; тумане: встанет; он: волн; громы: холмы; тусклый: узкий; думой: шумом; ветер: вечер; искры: быстро; пристани: издали; облако: около, 2) присвистом: шелестом; не мутится: морщится; 3) нагло: наголо; черпал: из черепа; к примерке: в Америке; 4) нападáли: пáдали; почки: форточки.

Рифмы различаются по своему грамматическому строению: одни грамматически однородные (крик: язык; чист: цветист; шумели: свистели; широко: одиноко), другие грамматически разнородные (лить: нить; правил: заставил; стая; летая). Первые по преимуществу звуковые, вторые — смысловые, объединяющие звуковым подобием два разных смысла. При этом чем разнороднее рифмующие формы слов или части

речи, тем рифма неожиданнее (у Брюсова — растрогать: деготь; жалоб: палуб; у Маяковского — ощупь: рощу; пялиться: пальцы). Привычные, часто повторяемые созвучия в стихах дают банальные рифмы (радость: младость; роза-мороза). Когда слова различного значения совпадают по своей звуковой форме, возникает рифма омонимическая, ею пользуются в шутливых сочинениях, в каламбурах, иногда в стихотворениях серьезного содержания (ср. у Пушкина: по калачу: поколочу; у Минаева:

Область рифм моя *стихия*,
и легко пишу *стихи я*,
без раздумья, без *отсрочки*,
я к строке бегу *от строчки*).

Стихи без рифм называются белыми (ср. „Лес“ Кольцова). Сочетание нескольких стихов, связанных размещением рифм, называется строфой. Строфы могут быть двухстишными, трехстишными, четырехстишными и более (до 14); в большинстве случаев стихотворения состоят из *четверостишных* строф (см. разнообразные строфы у Пушкина, Тютчева, С. Есенина).

Задание 117.

Укажите ритмико-синтаксический параллелизм и особенности звукописи в стихотворениях Герасимова, Казина, Санникова и Четверикова.

* * *

Вешний ветер дышит
вишеньем с полей.
На вечерней крыше
митинг голубей.
Воркотня и крики
у трибуны труб.
Свежей земляникой
веет старый дуб.
С музыкой и песней,
сбросив снежный сон,
льет река чудесней
ледоходный звон.

Лес, зарей одетый,
машет и зовет.
Свеял свитки света
пламенный завод.
Вдохновенны ржанья
зубчатых колес,
вешние желанья
ветер нам принес.
Синеблузой птицей
каждый рвется вдаль.
Как сияют лица,
как сверкает сталь!
Месяц в синем своде
пригвожден звездой.
Ночь зарю уводит
звездною уздой.

Мих. Герасимов.

РАБОЧИЙ МАЙ.

Стучу, стучу я молотком,
верчу, верчу трубу на ломе —
и отговаривается гром
и в воздухе и в каждом доме.

Кусаю ножницами я
железа жесткую краюшку,
и ловит подо мной струя
за стружкою другую стружку.

А на дворе-то после стуж
такая же кипит починка.
Ой, сколько, сколько майских луж —
обрезков голубого цинка.

Как громко по трубе капель
постукивает молоточком,
какая звончатая трель
гремит по ведрам и по бочкам.

В. Казин.

РУЧНОЙ ЛЕБЕДЬ.

Спозаранок
мой рубанок,
лебедь, лебедь мой ручной
торопливо
и шумливо мною пущен в путь речной.

Плавай, плавай,
величавый,
вдоль шершавого русла,
цапай, цапай
цепкой лапой
струи стружек и тепла.

Лебедь мчится,
и клубится
шумный, шумный водопад,
и колени
в белой пене
утопают и кипят.

В. Казин.

КУКУШКА.

Кукует в кузнице кукушка
и по чугунному станку
кует унылую частушку —
ку-ку, ку-ку...
Лучится утро чистой сталью,
звенит и вторит молотку,
и тонет звук в глубокой дали —
ку-ку, ку-ку...
И скуку звонкая подружка
хоронит в кущах на току...
Кукует в кузнице кукушка —
ку-ку, ку-ку...

Г. Санников.

ДРОВОСЕКИ.

Звонко пели — напевали топоры,
не молчали, — отвечали комары.
По кедровнику шел ровненько разрез,
дровосеки — три просеки через лес,
по кедровнику шел ровненько топор,
дровосеки — три просеки через бор.

Стук в сук
сто рук.
Брыжжут щепы.
Рубят скрепы
враз.

Жила к жиле положили лес сырой,
дерева-то: в два обхвата! толькой строй!
Те ли силы! Пели пилы — поперек!
Пролегали в хрусте галек сто дорог.

Эй, свай
подавай
оси вкось,
сунь и брось
враз.

Ложим ровно срубом бревна паз на паз,
оком бросим — окон восемь, восемь глаз.
По карнизу сверху книзу резь-резьба.
Крепки срубы, круглы трубы — вот изба.

В тес гвоздь,
в избу гость,
лавки гладки,
шаньги сладки
ешь!

В путь-дорогу. Стройки много вдоль земли.
Обтесали. Разом встали. И пошли.

Хилый мост —
пилы в холст.
В дали, в дали
зашагали
все.

Д. Четвериков.

Задание 118.

Дайте описание какого-нибудь стихотворения — размер, рифма (словарный состав ее, морфологическое строение), инструментовка.

Задание 119.

Сделайте при описании сборника стихотворений одного из современных поэтов анализ рифмы — богатой, неточной, неожиданной, обратив внимание на чередование рифм (с о с е д н я я, п е р е к р е с т н а я, о б н и м а ю щ а я — *abab*, *aabb*, *abba*.)

Задание 120.

Разберитесь в особенностях пушкинской строфы в романе „Евгений Онегин"[1]).

Задание 121.

Какую роль играет интонация в „Левом марше" Маяковского? (Что преобладает — повышение или понижение голоса? Какие эмоции возбуждаются? Сказались ли революционные события на строении речи и ее тоне?)

Задание 122.

Запишите частушки (в деревне, на заводе), дайте анализ их стихотворной техники.

Задание 123.

Опишите какую-нибудь былину со стороны ее формального строения.

Задание 124.

Найдите рифмы в пословицах.

Задание 125.

Отыщите примеры ритмичности художественной прозы старых и новых писателей (Гоголь, Тургенев, Короленко, М. Горький, А. Белый, Пильняк, Ляшко). Когда эта ритмичность выступает особенно заметно? У кого из указанных писателей она выступает как нарочитый прием стиля?

Задание 126.

Укажите различия синтаксического построения в текстах Л. Толстого, М. Горького и Б. Пильняка.

В чем выразилась зависимость последних двух авторов от требований исторического момента на известные темы?

---

[1]) Три четверостишия, заключительное двустишие (к о д а), размер и количество стоп, расположение рифм, типы рифмовки, мелодика (восклицательные и вопросительные интонации, разговорный и лирически-напевный тон речи), ритмико-синтаксическое построение (многократные анафоры, параллелизм, диалоги, монологи, прием перечисления), логические точки (законченность мысли) и их место в строфе.

ХАДЖИ-МУРАТ.

(Начало повести.)

Я возвращался домой полями. Была самая середина лета. Луга убрали, и только что собирались косить рожь.

Есть прелестный подбор цветов этого времени года: красные, белые, розовые, душистые, пушистые кашки; молочно-белые, с ярко желтой серединой „любишь не любишь“, с своей приятной пряной вонью; желтая сурепка, с своим медовым запахом; высоко-стоящие лиловые и белые тюльпановидные колокольчики; ползучие горошки; желтые, красные, розовые скабиозы; лиловый, аккуратный, с чуть розовым пухом и чуть слышным запахом подорожник; васильки — ярко-синие на солнце и в молодости, голубые и краснеющие вечером и под старость; и нежные, с миндальным запахом, тотчас же вянущие цветы повилики.

Я набрал большой букет разных цветов и шел домой, когда заметил в канаве чудный малиновый, в полном цвету, репей того сорта, который у нас называется „татарином“ и который старательно окашивают, а когда он нечаянно скошен, выкидывают из сена покосники, чтобы не колоть на него рук. Мне вздумалось сорвать этот репей и положить его в середину букета. Я слез в канаву и, согнав впившегося в середину цветка и сладко и вяло заснувшего там мохнатого шмеля, принялся срывать цветок. Но это было очень трудно: мало того, что стебель кололся со всех сторон, даже через платок, которым я завернул руку,— он был так страшно крепок, что я бился с ним минут пять, по одному разрывая волокна. Когда я, наконец, оторвал цветок, стебель уже был весь в лохмотьях, да и цветок уже не оказался так свеж и красив. Кроме того, он, по своей грубости и аляповатости, не подходил к нежным цветам букета. Я пожалел, что напрасно погубил цветок, который был хорош в своем месте, и бросил его. „Какая, однако, энергия и сила жизни,— подумал я, вспоминая те усилия, с которыми я оторвал цветок. — Как он усиленно защищал и дорого продал свою жизнь“.

Дорога к дому шла паровыми, только что вспаханными черноземными полями. Я шел на изволок по пыльной черноземной дороге. Вспаханное поле было помещичье, очень большое, так что с обеих сторон и вперед в гору ничего не было видно, кроме черного, ровно взбороженного, еще не скороженного пара. Пахота была хорошая, и нигде по полю не виднелось ни одного растения, ни одной травки,— все было черно. „Экое разрушительное существо — человек, сколько уничтожил разнообразных живых существ, растений для поддержания своей жизни“,— думал я, невольно отыскивая что-нибудь живое среди этого мертвого черного поля. Впереди меня, вправо от дороги, виднелся какой-то кустик. Когда я подошел ближе, я узнал в кустике такого же „татарина“, которого цветок я напрасно сорвал и бросил.

Куст „татарина" состоял из трех отростков. Один был оторван, и, как отрубленная рука, торчал остаток ветки, на других двух было на каждом по цветку. Цветки эти когда-то были красные, теперь же были черные. Один стебель был сломан, и половина его, с грязным цветком на конце, висела книзу; другой, хотя и вымазанный черноземной грязью, все еще торчал кверху. Видно было, что весь кустик был переехан колесом и уже после поднялся и потому стоял боком, но все-таки стоял,— точно вырвали у него кусок тела, вывернули внутренности, оторвали руку, выкололи глаз, но он все стоит и не сдается человеку, уничтожившему всех его братьев кругом него.

„Экая энергия,— подумал я,— все победил человек, миллионы трав уничтожил, а этот все не сдается".

И мне вспомнилась одна давнишняя кавказская история, часть которой я видел, часть слышал от очевидцев и часть вообразил себе.

Л. Толстой.

ЧЕЛКАШ.

(Начало рассказа.)

(1894 г.)

Потемневшее от поднятой в гавани пыли голубое южное небо мутно; жаркое солнце тускло смотрит в зеленоватое море, точно сквозь тонкую серую вуаль.

Оно не может отразиться в воде, то и дело рассекаемой ударами весел, пароходных винтов, острыми килями турецких фелюг и других парусных судов, бороздящих по всем направлениям тесную гавань, в которой закованные в гранит свободные волны моря, подавленные громадными тяжестями, скользящими по их хребтам, бьются о борта судов, о берега, бьются и ропщут, вспененные ударами, загрязненные разным хламом.

Звон якорных цепей, грохот сцеплений у вагонов, подвозящих груз, металлический вопль железных листов, откуда-то падающих на камень мостовой, глухой стук дерева, дребезжание извозчичьих телег, свистки пароходов, то пронзительно резкие, то глухо ревущие, крики грузчиков, матросов и таможенных солдат,— все эти звуки сливаются в оглушительную симфонию[1]) трудового дня и, мятежно колыхаясь, стоят в небе над гаванью, как бы боясь всплыть выше и исчезнуть в нем. А к ним вздымаются с земли все новые и новые волны: то глухие, рокочущие,— они сурово сотрясают все кругом, то резкие, гремящие,— рвут пыльный, знойный воздух.

---

[1]) Симфония — особая форма музыкальных произведений для оркестра (здесь — в переносном смысле).

Гранит, железо, дерево, мостовая гавани, суда и люди — все дышит мощными звуками бешено-страстного гимна Меркурию[1]. Но голоса людей, еле слышные в нем, слабы и смешны. И сами люди, первоначально родившие этот шум, смешны и жалки: их фигурки, пыльные, оборванные, юркие, согнутые под тяжестью товаров, лежащих на их спинах, суетливо бегают то туда, то сюда в тучах пыли, в море зноя и звуков, и так они ничтожны, малы по сравнению с окружающими их железными колоссами, грудами товаров, гремящими вагонами и всем, что они создали. Созданное ими поработило и обезличило их.

Стоя под парами, тяжелые гиганты-пароходы то свистели, то шипели, то как-то глубоко вздыхали, и в каждом рожденном ими звуке чудилась насмешливая нота иронического презрения к серым, пыльным фигурам людей, ползавших по их палубам и наполнявших их глубокие трюмы продуктами своего рабского труда. До слез смешны были длинные вереницы грузчиков, носивших на плечах своих тысячи пудов хлеба в железные животы судов для того, чтобы заработать несколько фунтов того же хлеба для своего желудка. Рваные, потные, отупевшие от усталости, шума и зноя люди и могучие, блестевшие на солнце дородством и безмяжностью машины, созданные этими людьми, — машины, которые, в конце концов, приводились в движение все-таки не паром, а мускулами и кровью своих творцов... в этом сопоставлении была целая поэма жестокой и холодной иронии.

Шум подавлял, пыль, раздражая ноздри, слепила глаза, зной пек тело и изнурял его и все кругом казалось напряженным, назревшим, теряющим терпение, готовым разразиться какой-то грандиозной катастрофой, взрывом, за которым в освеженном им воздухе будет дышать свободно и легко, на земле воцарится тишина, а этот пыльный шум, оглушительный, раздражающий, доводящий до тоскливого бешенства, исчезнет, и в городе, на море, в небе станет тихо, ясно, славно... Но это только казалось. Это казалось потому, что человек еще не устал надеяться на лучшее, и желание чувствовать себя свободным не умерло в нем.

Раздалось двенадцать мерных и звонких ударов в колокол. Когда последний медный звук замер, дикая музыка труда уже звучала тише почти наполовину. Через минуту еще она превратились в глухой недовольный ропот. Теперь голоса людей и плеск моря стали слышней. Это наступило время обеда.

1895

М. Горький.

Задание 127.

Что преобладает в этом отрывке — описание картин жизни или выражение личных взглядов автора?

---

[1] Меркурий (лат.) — бог торговли у древних римлян.

Выясните социальные взгляды М. Горького. Прочтите весь рассказ — есть ли связь между рассказом в целом и приведенным введением? Отметьте „книжные“ выражения, не способствующие наглядному, образному познанию.

Из какого мира явлений М. Горький заимствует сравнения и эпитеты при изображении Челкаша?

ИЗ „ПОВЕСТЕЙ О ЧЕРНОМ ХЛЕБЕ“.

Завод возник лет тридцать назад, когда строили железную дорогу: понадобились кузница и механическая мастерская — для сборки мостов, — эта кузница и выросла в стале-литейный, — машиностроительный. Вокруг завода, по большаку, разметался заводский поселок, домики, как скворешники, за палисадами, в черной копоти, в буром от копоти снеге, у театра в тополях — в овраг катались на ледяшках мальчишки, у поворота выстроились в ряд — в домах со скворешнями мезонинов — трактир, парикмахерская, клуб союза металлистов, кинематограф, сельский совет, — все было из дерева: так деревянная Россия подперла к железу и стали, к чугунному литью и к каменному заводскому забору. Красным кирпичом у переезда стала заводская контора, заводоуправление, завком, здесь стали коммунисты. На красном кирпиче конторы — в витрине:

„Берегись, товарищ, вора“.
„Бей разруху — получишь хлеб“.
„Дезертир труда — брат Врангеля“.
„Смотри, товарищ, за вором“

И карандашом сбоку:

„Ванька Петушков сегодня запел песни“.

А там, за заводской стеной, за завкомом, —

— дым,

копоть, огонь, — шум, лязг, визг, и скрип железа, — полумрак, электричество вместо солнца, — машина, допуски, калибры, вагранка, мартэны, кузницы, гидравлические прессы и прессы тяжестью в тонны, — горячие цеха, — и токарные станки, фрезеры, аяксы, где стружки из стали, как от фуганка, — из дерева, — при машине, под машиной, за машиной рабочий, — машина в масле, машина неумолима — здесь знаемо — в дыме, копоти и лязге, — ты оторван от солнца, от полей, от цветов, от ржаных утех и песен ржаных, ты не пойдешь вправо или влево, потому что весь завод, как аякс и как гидравлический пресс, одна машина, где человек — лишь допуск, — машина в масле, как потен чело-

век, — завод очень сорен, в кучах угля, железа, железного лома, стальных опилок, формовочной земли —

— там, за заводской стеной, за завкомом, в турбинной, в рассвете, в безмолвии, в тишине, когда завод стоит, и сторожа лишь стучат сороками колотушек — человек, инженер — его никто не видит — поворачивает рычаг и: — (из каждого десятка новых рабочих — один — одного тянет, манит, заманивает в себя маховик, в смерть, в небытие — маховик в жутком своем вращении, вращении — в допусках — в смерть), — его никто не видит, он поворачивает рычаги:

завод дрожит и живет, дымят трубы, визжит железо, по двору меж цехов мчат вагонетки, ползут сотне-тонные краны, пляшут аяксы. Его никто не видит, человека, повернувшего рычаг в турбинной, но завод — живет, дрожит и дышит копотью труб. — Идет рассвет, гудит гудок, и сотни черных людей идут к станкам, к печам, к горнам. — В стале-литейном, у мартэнов: все совершенно ясно; в стале-литейном — полумрак; в стале-литейном — пыль; в стале-литейном — горы стальных шкварков; уголь, камень, сталь; в стале-литейном пол — земля, и рабочие роются в земле, чтоб врыть в нее формы, куда польют жидкую сталь; сквозь крышу идет сюда кометой пыли луч солнца — и он случаен и ненужен здесь; — у мартэнов все совершенно ясно: в мартэнах расплавленная сталь, туда нельзя смотреть незащищенными глазами — когда подняты заслоны, оттуда бьет жарящий жар, туда смотрят сквозь синие очки, как на солнце в дни солнечных затмений, — и совершенно ясно, что там в печах, — в печи — в палящем жаре, в свете, на который нельзя смотреть, — там зажат кусочек солнца и это солнце льют в бадьи. — А в кузнечном цехе — чужому, пришедшему впервые, страшно, — тоже в полумраке — в горнах раскаляют сталь добела и потом куют ее в прессах, как тесто, и молотами бьют, чтоб сыпать гейзеры искр; в кузнечном цехе полумрак и вой, и гром, и визг железа, которое куют, — в горнах — в горны, где сталь и уголь, рвется воздух, чтоб раздувать, и глотки горн харкают огнем, пылают, палят, жгут, — горны стоят в ряд, к ним склонились грузоподъемные краны, чтоб вырывать от огня для прессов белую — огненно-белую — сталь, — и горны похожи на самых главных подземных чертей, они дышат, задыхаются, палят огнем и воют, ревут, барабанят, — кранами, прессами, молотами: здесь страшно непосвященному, — н-но у каждого горна висит объявление завкома:

„Строго воспрещается запекать картошку
в горновых печах“ — —

Рабочие — черны. Машина — в масле. Здесь — огонь, сталь, машина. Где-то в турбинной — повернут рычаг.

Б. Пильняк.

Задание 128.

Дайте анализ синтаксиса повести А. Неверова „Ташкент—город хлебный“ (глагольность; постановка прилагательного после существительного, эпитета после определяемого; какие из этих приемов усиливают быстроту, динамику речи, какие придают речи песенно-ритмический характер; соответствуют ли синтаксические особенности содержанию повести)?

Задание 129.

Когда прозаическое сочинение бывает поэтическим? Всякое ли стихотворение может быть названо поэтическим?

Какие два смысла мы вносим в выражение проза, прозаическое сочинение? Что старше: проза или поэзия? Могут ли когда-нибудь вытеснить одна другую? Как надо понимать мысль ученого лингвиста Потебни: „Поэзия не только там, где великие произведения (как электричество не только там, где гроза): она везде, где говорят и думают“?

Задание 130.

Какому типу хозяйства соответствуют образы в творчестве С. Есенина?

Задание 131.

Поэзия завода в творчестве Мих. Герасимова.

§ 42.

Виды сочинений: описание, повествование, рассуждение.

Материал: „Мужик“, рассказ А. С. Яковлева.

Начались дни тяжких переходов. Утром не знали, где будут в обед и где ночь сночуют. Города, люди, небо, полки, роты, перелески, обозы, мосты, пыль, храмы, выстрелы, орудия (или, как говорили солдаты, урудия), костры, крик, кровь, острый запах пота — все тучей взметнулось и давило мозг и казалось сном.

Голодали порой. Порой наедались до дурноты. Пили воду прямо из ручьев; хороши они здесь, — ручьи-то, — светлые, как слезочка: с устатку пьешь, не напьешься.

Сражались мало, все больше ходили.

Солдаты к вечеру угрюмели от усталости, — искали, на ком бы сорвать злобу.

— Попадись теперь австрияк, зубом бы заел!

Впрочем, это так, больше от истомы походной.

К утру отдохнут, подобреют, и опять шутки, смех, — на бронзовых лицах зубы словно огоньки мелькают.

— Пильщиков, а ну, расскажи, какой ты сон нынче видел?

И все, сколько их есть вокруг, — вся полурота, — все посмотрели улыбаючись на Пильщикова. А тот возился у костра — эдакий здоровый, в зеленой рубашке без пояса, ворот растегнут. Возьмет сук, в руку толщиной, — р-раз! — и сломает о колено, и в огонь: нет ему больше удовольствия, как костры разводить.

— Ныне, братцы, я в Шиханах был. Будто по своему двору с сыном ходил, и так разговаривал, так разговаривал... А он на меня смотрит этак бочком, глаз-то у него синий да большой такой... К чему бы это?

Пильщиков помолчал и, сделав свирепое лицо, дунул в костер — искры столбом полетели.

— Беспременно, опять получишь крест, — сказал насмешливо кто-то.

— Не. Такие сны я часто вижу. А когда крест получить, я будто женился...

— Хо-хо-хо! Вот он... От живой-то жены, да опять женился?

— Ей-богу. Я и сам удивился. „Я, говорю, женатый уж“. А мне говорят: „Не, ты еще раз женись. Одна жена хороша, а две в беспример лучше“. „Не водится, говорю, у нас так. Мне и одной довольно. Я человек рассейский, не татарин какой“. Упираюсь так... А они все свое. Так и женили. Утром проснулся — сам смеюсь, думаю, к чему бы это. А потом вдруг ротный бумагу: Пильщикову крест. Ах ты, будь неладна. Так оно все занятно.

Солдаты зубоскалят. Ни усталости, ни злобы...

А труба уже сбор играет:

— Готовься!

И опять поход, новые места, опять дороги, города, урудия, пыль, крики, выстрелы — усталость.

А Пильщиков... ему что, кряжу, делается. Он этакий ровный всегда, хозяйственный, ходит, пытливо посматривая по сторонам на рощицы, на сады, на домики, и нет-нет да свое любимое словцо протянет:

— Заня-ятно...

Протянет вслух, ни к кому не обращаясь.

Или вдруг заговорит о том, что на душе у него, нимало не заботясь, слушают его или нет.

— И вот, братцы, чуда какая. Гляди, — и церкви наши, и народ по обличию наш, только говорят, как в рот каши набрали — не поймешь сразу. Особливо церкви. Намедни я зашел в одну, все крестятся по-нашему, иконы наши, бог салавоф в кунполе

нарисован — наш — этакий же седой да бородатый. „Иже херувима“ и та наша. А вот воюем... Чудно!

И умолкал. Серыми, пытливыми глазами смотрел кругом, задумывался.

— Заня-ятно!

* * *

Раз отряд шел целый день, преследуя уходящего врага.

Враг, или, как говорят солдаты, „он“, был где-то рядом. Еще не успевали дотлеть костры, зажженные им; еще четко виднелись в дорожной пыли следы кованых сапог, и чудилось порой, что в воздухе носится запах гари и пота, оставленный австрийцами.

— Вот - вот „он“.

К вечеру стало известно, что „он“ остановился, может быть, готовый завтра дать бой.

И, как вода в запруде, стали собираться роты и полки и стеною растекаться по фронту.

Рота, где был Пильщиков, расположилась подле леска, огороженного деревянным забором с каменными белыми столбами. В стороне была чистенькая изба с высоким коньком — там поместился сам ротный. Расставили заставы, расположились на ночь. Усталые солдаты, радуясь отдыху, живо притащили соломы, сучьев из леса, на разжигу ломали забор,— зажгли огни; знатно отдохнут. Где-то недалеко, вот будто за этим лесом, слышались выстрелы, но они были привычны, как писк комара для лесника, и никто не думал о них.

Пильщиков разогревал в котелке кашу.

В вечернем воздухе потянуло дымом, и четко слышался треск сучьев в рощице, куда солдаты ходили за дровами.

Над дальним лесом догорала вечерняя заря, и небо было темно - бирюзовое, и на нем уже загорались звезды. Только-только солдаты поужинали, как из избы вышел фельдфебель и громко крикнул:

— Ребята, кто нынче в разведку?

Так и обомлели все:

— Вот тебе и отдых. Это после таких-то переходов итти в разведку? Избави, господи! Тут ноги подламываются от усталости.

Притаились все, съежились, и сразу угас смех.

Но понимают: надо же кому-нибудь итти.

И от этого сознания у всех мороз побежал по коже.

А фельдфебель уже идет от одного костра к другому и все спрашивает:

— Ребята, кто в разведку?

— Вот Пильщиков, ему надо итти! — сказал кто-то, усмехаясь.

— Пильщиков? — переспросил фельдфебель: — А ну, где ты, Пильщиков?

— Пильщикову, Пильщикову надо итти! — загалдели солдаты. Обрадовались, что нашлось на кого свалить.

Ну, что же, теперь, хочешь — не хочешь, надо итти.

— Пильщиков, где ты?

— Вот я.

— Ты идешь?

— Так точно...

— Ну, собирайся живо.

И часу не прошло, — Пильщиков вышел за лесок, прошагал с полверсты полем за сторожевую цепь и попер в тьму дальше. Длинный, широкий кряж...

Где-то вправо есть бугор, невидимый теперь во тьме, и ротный приказал узнать, занимает ли его неприятель или нет.

* * *

Пильщиков не спеша отошел шагов триста от цепи и лег в траву около плетня, от которого пахло гнилью и дневным жаром. Смутно было у него в душе, — разобраться надо. Ночь уже наползла настоящая — все закрыла черным мягким одеялом.

Лесок остался позади, и тревожно в нем гугукали незнакомые ночные птицы — не то совы, не то сарычи, перепуганные, должно быть, кострами и многолюдством.

Вправо где-то далеко стреляли. Там стояло зарево, красноватое, шапкой — пожар. Пильщиков потянул носом, — пахло землею и травою, — знакомый запах: будто в ночное выехал, в родных Шиханах.

А впереди, вон там, за дальними холмами бродили последние отсветы вечерней зари, там тихо и темно было. Там „он". Может быть, далеко, а может быть, здесь вот, рядом, лежит вот так же, как Пильщиков, ждет встречи, готовый убить, притаившийся, злой.

— Смотри, если встретишься с ним, маху не давай! — наказывал ротный. — Дашь маху — и сам пропадешь, и нам плохо придется.

А Никифор Пильщиков и сам знает: маху давать нельзя: или убей, или тебя убьют.

Где-то в стороне гукнула сова. И тьма будто гуще стала. А сердце стучало тяжко: дун, дун, дун...

Почти не дыша, пошел Пильщиков дальше. Вот плетень кончился, началась широкая дорога, а за дорогой хлеб стеной стоял. Помял Пильщиков пальцами колос:

— Пшеница.

Только в нее шагнул, а она как зашумит сердито, словно живая: „Не топчи меня". Аж страшно стало. Да и жалко: хлеб на корню мять — нет дела злее.

— Межой пойду, — решил Пильщиков и взял по дороге влево.

* * *

Ротный велел считать шаги. Пильщиков попробовал считать, но как дошел до семидесяти, так и сбился. То ли оно дальше восемьдесят, то ли девяносто... Да нельзя зараз и шаги считать, и неприятеля выслеживать, и думать о нем. Шел просто, пригибаясь, слушал. Искал межу. Вдруг дорога пошла скатом в ложок, а по самому краю ложка тут и межа. Снизу потянуло сыростью, и трава здесь была мокрая от росы.

От сырости ли или от какой другой причины, только вдруг дрожь захватила Пильщикова, по спине побежали колючие мурашки, а зубы ляскнули. И сердце сжалось, словно на него положили кусок льда. Пильщиков нутром почувствовал, что он теперь один. В целом мире один. Один перед этим небом, усеянным звездами, перед этой тьмой... Убьют его — и никто об этом не узнает.

Страх поднял волосы на его затылке.

Тьма сразу стала жуткой, будто она была полна злых врагов, каждую минуту готовых броситься, растерзать.

В один момент Пильщиков обессилел.

С размаха, как подломленный, он сел в траву. А кругом было тихо, и тьма лежала неподвижно. В лесу все кричали птицы, и вдали стояло зарево — пожар. Успокоившись немного, Пильщиков стал на одно колено, снял картуз, начал слушать. Откуда-то издалека шел смутный гул.

Пильщиков прилег ухом к земле.

Старая мужичья привычка.

Бывало, едешь один ночью, послушаешь землю, — сразу узнаешь, есть ли люди на дороге, далеко ли едут, и сколько их...

Теперь земля гудела ровно и глухо.

Он долго слушал ее, и вдруг ему почудилось, что где-то вдалеке раздался вздох, похожий на заглушенный стон:

— У... У... У!..

Пильщиков встрепенулся и сильно прижался к земле.

Болтали солдаты, что земля каждую ночь плачет.

Уж давно ему хотелось послушать ее плач, но все не доводилось. И вот теперь, затаив дыхание, он слушал эти странные стоны. Что это было? Может быть, это был гул далекой канонады... Он не мог решить. Он просто верил, что земля на самом деле плачет. Да и как ей не плакать? Ведь в каждый бой тысячами гибнет крестьянский люд. Земля — всем им родная... Каждого жалко...

— У... У... У!..

— Да, плачет.

Пильщиков привстал.

— Плачет матушка. Плачет землица.

Любовно он глянул в тьму, растроганный. Здесь она, земля-то. Не один он... Чего бояться? Вот кто его пожалеет. Вот кто с ним родной. Земля.

Он посмелел. Показалось, — родное все кругом, как в Шиханах. И земля, и запах травы, и звезды на небе.

Сердце так забилось, что Пильщиков захотел придержать его рукой и... наткнулся на серую шинель, на пуговицы и на маленький крестик Георгия, с которым он не расставался никогда с того самого дня, как получил его?

И смяк как-то. Лицо ротного вдруг выплыло из тьмы.

— Узнай, есть они на холме или нет.

И опять тьма стала злой, и опять Никифору показалось, что он одинокий и беспомощный. Он затаил дыхание и сжался и, помня приказ ротного, полез дальше. Страх капля за каплей опять начал падать в душу. Сжимая обеими руками винтовку, он пошел по меже, вниз, в лог, чтобы оттуда пробраться к холму. Он теперь знал, где наши, и где враги. Пугало только, что тихо кругом. Так тихо, что слышно, как сердце стучит. А сапоги гремят, и трава шумит сердито. От усталости и напряжения в глазах у него порой вспыхивали золотистые искры.

Вдруг странный звук поразил его слух. Будто машина пыхтела где-то далеко. Пильщиков остановился и стал слушать. Звук повторялся через ровные промежутки. В нем было что-то знакомое. Даже родное для Никифора, а что, он не мог понять. Вслушиваясь, он осторожно полез дальше. Звук становился слышнее. Вот где-то здесь он начинается, будто в этой траве, растущей на склоне холма...

— Что такое? — думал Пильщиков, напряженно вслушиваясь.

Будто вот-вот знакомое, а не узнаешь...

И вдруг он присел от ужаса:

— Батюшки, да ведь это храпит кто-то!

Все внутри у него метнулось.

— Бежать!

Но сдержался. Замер. Весь напрягся, слушая. Да, теперь ясно: храпит кто-то. Здорово так храпит, настоящим мужичьим храпом. Пильщиков, как зверь, весь насторожился, пригнулся и полез туда, откуда слышался храп. Ступнет раз — и остановится. Ступнет другой — и остановится. Крался, и весь дрожал. Всякий момент он готов был и выстрелить и ударить штыком. Руки клещами вцепились в винтовку.

Неясное забелелось в темноте, и оттуда густо трубой валил храп. Настоящий такой, вкусный, от которого самому спать хочется:

Пильщиков осмелел. Он уже прямо шел к спящему.

Вот „он". Весь тут. Вот-вот... Руки разбросал, голова запрокинулась. Но кто? Может быть, наш, русский. Пильщиков потянул носом — незнакомый запах:

— Австрияк. Наши так не пахнут.

Он присел и стал щупать кругом.

Винтовка и ранец из кожи лежали сбоку. На винтовке штык — нож. Поблескивает в темноте. Пильщиков потянул винтовку к себе. Теперь враг был безоружен.

— Га. Спит. Заня-ятно!.. — подумал Пильщиков и пристально присмотрелся ко врагу.

Здоровый австриец. Большемордый. Рот раскрыл, а в горле будто телега едет и тарахтит. И таким родным, страшно близким пахнуло на Пильщикова от этого храпа, что он заулыбался.

— Умаялся. Тоже, поди, достается.

Он минуту посидел возле спящего на корточках, не зная, что делать, послушал, затаив дыхание. Кроме храпа и далеких выстрелов, ничего не было слышно.

Потом не торопясь он надел на себя ранец и взял в правую руку винтовку австрийца, а в левую — свою винтовку и осторожно пошел назад, довольный, хитренько улыбающийся...

А тот все храпел, храпел...

* * *

Ног под собой не чувствовал Никифор, когда шел к ротному. Эге!.. А, может, теперь другой крест дадут? Ведь это фокус — обокрасть австрийского часового.

Вот бы — и не улыбался, да рот уголками к ушам тянется. И все лицо блестит, как блин скоромный.

— Видел?

— Так точно, ваше бродь. Видел. Тот бугор-то, что вы мне показывали...

— Ну?

— Там на нем австрияк.

А у самого глазки хитренько поблескивают. Рассказал он все по порядку, как крался, как кричала сова, в каком месте встретил врага.

— Вот винтовку и ранец забрал.

Ротный взял винтовку, осмотрел со всех сторон. Исправна, заряжена.

— Молодец. А в ранце-то смотрел, что там есть?

— Никак нет. Не спопашился.

Расстегнули ранец — белье, еда; книжка какая-то...

— Та-ак, — протянул ротный. — А самого-то австрийца нельзя было живьем привести?

— Никак нет. Голоса недалеко были слышны. Сумно, а слышны. Ежели бы я его разбудил да повел, он закричал бы.

— Так, это положим, верно. Ты хорошо сообразил. Молодец.

— Рад стараться, ваше бродь.

— А чем же ты его?

— Ась?

— Опять ты ась говоришь, — поморщился офицер, — я спрашиваю, чем ты его, врага-то прикончил?

— Вот ранец и винтовку взял у него.

— Ну да, это так. А с самим-то с ним что ты сделал?

— А он там остался.
— Я знаю, что там остался. Но чем ты убил-то его?
Пильщиков широко открытыми удивленными глазами посмотрел на офицера. Высокий, рябоватый, кряж настоящий. И счастливое сияние на лице померкло. А рот чуть открылся.
— Ты же убил его?
— Никак нет.
— Как так? Ты его не тронул?!
— Да он же спал, ваше бродь.
— Ну, так что же, что спал, чорт тебя побери! — вдруг закричал офицер, поднимаясь со стула. — Ты должен был убить его! Раз нельзя взять в плен, надо убить. Он кто тебе? Брат родной? Или отец твой?
— Никак нет.
— Кто же он тебе? Враг?
— Так точно.
— Так почему же ты его не убил?
— Да я же говорю... Он же спал, ваше бродь.
Офицер злыми потемневшими глазами посмотрел на Никифора.
— Ну, видали такого болвана? А? Я тебя под суд, негодяя, отдам.
Офицер потянул со стола бумажку, подержал ее, швырнул. Сам красный весь. И показалось Пильщикову, что офицер не все понял, — объяснить надо.
— Ваше благородие, встрияк-то спал... храпел... умаялся, должно. Ежели б он не спал, я бы его в полон взял, аль бо поранил. А то он спит и храпит. Здóрово так храпит. Доведись вот мне... Иной раз так умаешься, ног не чуешь под собой. Бывало, ребята в казармах будят иной раз: „Никишка, не храпи".
Офицер пристально посмотрел на Пильщикова, а тот знай ест его глазами.
По уставу, как нужно.
Сероглазый кряж. Такой на вид исполнительный, а на груди белеет Георгий. И вдруг поползла, поползла улыбка по губам офицера. Будто и не хочет, а смеется.
— Ах ты, урод этакий! Балда! Какой ты воин? Ты мужик. Пшел вон...
Повернулся Пильщиков налево кругом, вышел, полный недоумения. И, отойдя от избы, сказал вслух, по привычке ни к кому не обращаясь:
— Главное дело, спал он. И притом же храпел...

Задание 132.

1) Перечислите основные моменты происшествия в их последовательности.

2) Объясните, как связаны между собою отдельные части повествования.

3) Наглядно ли переданы происшествия автором?

4) Расскажите (устно или письменно) в монологической форме места, изложенные диалогически.

5) В каких местах рассказа „Мужик“ описаны солдатская жизнь и внешность Пильщикова?

6) В какой последовательности даны признаки этого описания?

7) Как бы вы назвали то, что входит в рассказ, кроме повествования и описания?

8) Разберитесь в последовательности и связи мыслей Пильщикова.

II. ОЛЕНИН НА ОХОТЕ.

(Отрывок из повести Л. Толстого „Казаки“.)

День был совершенно ясный, тихий, жаркий. Утренняя свежесть даже в лесу пересохла, и мириады комаров буквально облепляли лицо, спину и руки. Собака сделалась сивою из черной: спина ее вся была покрыта комарами. Черкеска, через которую они пропускали свои жала, стала такою же. Оленин готов был бежать от комаров; ему уж казалось, что летом и жить нельзя в станице. Он уже шел домой; но, вспомнив, что живут же люди, решился вытерпеть и стал отдавать себя на съедение. И — странное дело — к полдню это ощущение стало ему даже приятно. Ему показалось даже, что ежели бы не было этой окружающей его со всех сторон комариной атмосферы, этого комариного теста, которое под рукой размазывалось по потному лицу, и этого беспокойного зуда по всему телу, то здешний лес потерял бы для него свой характер и свою прелесть. Эти мириады насекомых так шли к этой дикой, до безобразия богатой растительности, к этой бездне зверей и птиц, наполняющих лес, к этой темной зелени, к этому пахучему, жаркому воздуху, к этим канавкам мутной воды, везде просасывающейся из Терека и булькающей где-нибудь под нависшими листьями, что ему стало приятно именно то, что прежде казалось ужасным и нестерпимым. Обойдя то место, где вчера он нашел зверя, и ничего не встретив, он захотел отдохнуть. Солнце стояло прямо над лесом и беспрестанно, в отвес, доставало ему спину и голову, когда он выходил на поляну или на дорогу. Семь тяжелых фазанов до боли оттягивали ему поясницу. Он отыскал вчерашние следы оленя, подобрался под куст в чащу, в то самое место, где вчера лежал олень, и улегся у его логова. Он осмотрел кругом себя темную зелень, осмотрел потное место, вчерашний помет, отпечаток коленей оленя, клочок чернозема, оторванный оленем, и свои вчерашние следы. Ему было прохладно, уютно;

ни о чем он не думал, ничего не желал. И вдруг на него нашло такое странное чувство беспричинного счастия и любви ко всему, что он, по старой детской привычке, стал креститься и благодарить кого-то. Ему вдруг с особенною ясностью пришло в голову, что вот я, Дмитрий Оленин, такое особенное от всех существо, лежу теперь один, бог знает где, в том месте, где жил олень, старый олень, красивый, никогда, может быть, не видавший человека, и в таком месте, в котором никогда никто из людей не сидел и того не думал. „Сижу, а вокруг меня стоят молодые и старые деревья, и одно из них обвито плетями дикого винограда; около меня копошатся фазаны, выгоняя друг друга, и чуют, может быть, убитых братьев". Он пощупал своих фазанов, осмотрел их и отер тепло-окровавленную руку о черкеску. „Чуют, может быть, чакалки и с недовольными лицами пробираются в другую сторону; около меня, пролетая между листьями, которые кажутся им огромными островами, стоят в воздухе и жужжат комары: один, два, три, четыре, сто, тысяча, миллион комаров, и все они что-нибудь и зачем-нибудь жужжат около меня, и каждый из них такой же особенный от всех Дмитрий Оленин, как и я сам". Ему ясно представилось, что думают и жужжат комары. „Сюда, сюда, ребята! Вот кого можно есть", жужжат они и облепляют его. И ему ясно стало, что он нисколько не русский дворянин, член московского общества, друг и родня того-то и того-то, а просто такой же комар или такой же фазан или олень, как и те, которые живут теперь вокруг него. „Так же, как и они, как дядя Ерошка, поживу, умру. И правду он говорит: только трава вырастет".

„Да что же, что трава вырастет? — думал он дальше: — все-таки надо жить, надо быть счастливым, потому что я только одного желаю — счастия. Все равно, что бы я ни был: такой же зверь, как и все, на котором трава вырастет, и больше ничего, или я рамка, в которой вставилась часть единого божества, все-таки надо жить наилучшим образом. Как же надо жить, чтобы быть счастливым, и отчего я не был счастлив прежде?" И он стал вспоминать свою прошедшую жизнь, и ему стало гадко на самого себя. Он сам представился себе таким требовательным эгоистом, тогда как в сущности ему для себя ничего и не было нужно. И все он смотрел вокруг себя: на просвечивающую зелень, на спускающееся солнце и ясное небо, и чувствовал все себя таким же счастливым, как и прежде. „Отчего я счастлив, и зачем я жил прежде? — подумал он. — Как я был требователен для себя, как придумывал, и ничего не сделал себе, кроме стыда и горя! А вот как мне ничего не нужно для счастия!" И вдруг ему как будто открылся новый свет. „Счастие — вот что, — сказал он сам себе: — счастие в том, чтобы жить для других. И это ясно. В человека вложена потребность счастия; стало быть, она законна. Удовлетворяя ее эгоистически, то-есть отыскивая для себя богатства, славы, удобств жизни, любви

может случиться, что обстоятельства так сложатся, что невозможно будет удовлетворить этим желаниям. Следовательно, эти желания незаконны, а не потребность счастия незаконна. Какие же желания всегда могут быть удовлетворены, несмотря на внешние условия? Какие? Любовь, самоотвержение!“ Он так обрадовался и взволновался, открыв эту, как ему казалось, новую истину, что вскочил и в нетерпении стал искать, для кого бы ему поскорее пожертвовать собой, кому бы сделать добро, кого бы любить. „Ведь ничего для себя не нужно, — все думал он,— отчего же не жить для других?“ Он взял ружье и с намерением скорее вернуться домой, чтоб обдумать все это и найти случай сделать добро, вышел из чащи.

Задание 133.

1. Выделите все, что есть описательного и повествовательного в этом отрывке.

2. Какая тема рассуждений Оленина?

3. Разберитесь в последовательности и связи основных мыслей Оленина.

Выводы.

1. Описание — такой вид (или форма) сочинений, который изображает либо определенную картину событий, либо отдельные предметы или даже группы их, располагая признаки в пространстве (на плоскости).

2. Повествование или рассказ — это форма сочинений, изображающая ход действий во временной последовательности.

3. Рассуждение — это форма беседы (нескольких лиц) или размышление (одного лица), при которых те или другие понятия раскрываются (или разъясняются), мысли развиваются (доказываются или опровергаются) в причинной связи.

4. Все три вида сочинений (описание, повествование, рассуждение) могут быть налицо в одном произведении.

Задание 134.

Укажите, какое из произведений — „Свидание“ Тургенева или „Егерь“ Чехова — может быть названо по преимуществу описательным или повествовательным.

Задание 135.

Опишите: 1) Кого-либо из ваших товарищей (его внешность, привычки, интересы, образ жизни).

2) Картины:

а) Свидание с сыном (В. Маковского),

б) Бесприютные (Шестеркина),

в) У дверей школы (Богданова-Бельского),

г) Бурлаки (Репина) и Бурлак (Верещагина),

д) Отдых (Кузнецова),

3) Какой-либо пейзаж (лес летом, зимой и т. д.).

Задание 136.

Передайте какое-либо событие из вашей жизни (смешной, печальный случай; на пожаре, в мастерской, на пароходе, в лодке, на железной дороге, в трамвае и т. п.).

Задание 137.

Напишите рассказ, где бы даны были все три вида сочинения (описание, повествование, рассуждение). Темы: 1) Мы пишем стенгазету. 2) В нашем клубе. 3) Юный ленинец. 4) Вечер физкультуры. 5) Рабочий подросток прежде и теперь. 6) Первое мая в нашем городе. 7) Мы готовимся к октябрьскому празднику. 8) В общежитии октябрят.

§ 43.

Составление характеристики.

МАТЕРИАЛ.

ОЛЕНИН.

(Из повести Л. Толстого „Казаки“.)

I.

Текст.	Заметки.
1) Оленин был юноша, нигде не окончивший курса, нигде не служивший (только числившийся в каком-то присутственном месте), промотавший половину своего со-	1) Без официального образования; без службы; без определенных занятий — до 24 лет.

стояния и до двадцати четырех лет не избравший еще себе никакой карьеры и никогда ничего не делавший. Он был то, что называется „молодой человек“ в московском обществе.

2) В восемнадцать лет Оленин был так свободен, как только бывали свободны русские богатые молодые люди сороковых годов, с молодых лет оставшиеся без родителей. Для него не было никаких — ни физических, ни моральных — оков; он все мог сделать, и ничего ему не нужно было, и ничто его не связывало.

3) У него не было ни семьи, ни отечества, ни веры, ни нужды. Он ни во что ни верил и ничего не признавал. Но, не признавая ничего, он не только не был мрачным, скучающим и резонирующим юношей, а напротив, увлекался постоянно. Он решил, что любви нет, а всякий раз присутствие молодой и красивой женщины заставляло его замирать. Он давно знал, что почести и звание — вздор, но чувствовал невольно удовольствие, когда на балу подходил к нему князь Сергий и говорил ласковые речи. Но отдавался он всем своим увлечениям лишь настолько, насколько они не связывали его.

4) Как только отдавшись одному стремлению, он начинал чуять приближение труда и борьбы, мелочной борьбы с жизнью, он инстинктивно торопился оторваться от чувства или дела и восстановить свою свободу. Так он начинал светскую жизнь, службу, хозяйство, музыку, которой одно время думал посвятить себя, и даже любовь к женщинам, в которую он не верил,

2) Сирота. Принадлежит к богатой молодежи 40-х годов.

3) Свободен от семьи, отечества, веры... склонен к постоянным увлечениям, обнаруживает неустойчивость убеждений и их барскую окраску.

4) Боится труда, мелочей жизни. Ищет в разнообразии приложения своих сил и способностей.

5) Он раздумывал над тем, куда положить всю эту силу молодости, только раз в жизни бывающую в человеке, — на искусство ли, на науку ли, на любовь ли к женщине, или на практическую деятельность, — не силу ума, сердца, образования, а тот неповторяющийся порыв, ту на один раз данную человеку власть сделать из себя все, что он хочет и как ему кажется, и из всего мира все, что ему хочется. Правда, бывают люди, лишенные этого порыва, которые, сразу входя в жизнь, надевают на себя первый попавшийся хомут и честно работают в нем до конца жизни. Но Оленин слишком сильно сознавал в себе присутствие этого всемогущего бога молодости, эту способность превратиться в одно желание, в одну мысль, способность захотеть и сделать, — броситься головой вниз в бездонную пропасть, не зная за что, не зная зачем.

6) Он носил в себе это сознание, был горд им и, сам не зная этого, был счастлив им. Он любил до сих пор только себя одного и не мог не любить, потому что ждал от себя одного хорошего и не успел еще разочароваться в самом себе.

7) Уезжая из Москвы, он находился в том счастливом молодом настроении духа, когда, сознав прежние ошибки, юноша вдруг скажет себе, что все это было не то, что все прежнее было случайно и незначительно, что он прежде не хотел жить хорошенько, но что теперь, с выездом его из Москвы, начинается новая жизнь, в которой уже не будет больше тех ошибок, не будет раскаяний, а наверное будет одно счастье.

5) Резко выраженные воззрения на себя, как человека, могущего все сделать, противополагающего себя всем прочим людям, даже всему миру (эгоцентризм).

6) Находит счастье в самолюбовании. Вера в себя, в свое нравственное совершенство при сознании своих ошибок.

7) Ожидания новой жизни в связи с отъездом — признак недовольства прошлым.

(В общем, сложная натура: горд, себялюбив и склонен к покаянию.)

II.

8) Чем дальше уезжал Оленин от центра России, тем дальше казались от него все его воспоминания, и чем ближе подъезжал к Кавказу, тем отраднее становилось ему на душе. „Уехать совсем и никогда не приезжать назад, не показываться в общество", приходило ему иногда в голову. „А эти люди, которых я здесь вижу, — *не люди*; никто из них меня не знает, и никто никогда не может быть в Москве в том обществе, где я был, и узнать о моем прошедшем. И никто из того общества не узнает, что я делал, живя между этими людьми". И совершенно новое для него чувство свободы от всего прошедшего охватывало его между этими грубыми существами, которых он встречал по дороге и которых не признавал людьми наравне со своими московскими знакомыми. Чем грубее был народ, чем меньше было признаков цивилизации, тем свободнее он чувствовал себя.

8) Классовое самосознание: Оленин резко отделяет себя от *людей* не своего барского круга. В то же время стремление вырваться из этого круга.

9) Один раз, перед вечером, ногаец-ямщик плетью указал изза туч на горы. Оленин с жадностью стал вглядываться, но было пасмурно, и облака до половины застилали горы. Оленину виднелось что-то серое, белое, курчавое, и как он ни старался, он не мог найти ничего хорошего в виде гор, про которые он столько читал и слышал. Он подумал, что горы и облака имеют совершенно одинаковый вид, и что особенная красота снеговых гор, о которых ему толковали, есть такая же выдумка, как музыка Баха и любовь к женщине, в которые он не верил, — и он

9) Независимость от общепринятых в его обществе мнений о поэзии Кавказских гор и невольное чувство очарования их красотой (способность эстетических переживаний).

перестал дожидаться гор. Но на другой день, рано утром, он проснулся от свежести в своей перекладной и равнодушно взглянул направо. Утро было совершенно ясное. Вдруг он увидал — шагах в двадцати от себя, как ему показалось в первую минуту — чисто-белые громады с их нежными очертаниями и причудливую, отчетливую воздушную линию их вершин и далекого неба. И когда он понял всю даль между ним и горами и небом, всю громадность гор, и когда почувствовалась ему вся бесконечность этой красоты, он испугался, что это призрак, сон. Он встряхнулся, чтобы проснуться. Горы были все те же.

— Что это? Что это такое? — спросил он у ямщика.

— А горы, — отвечал равнодушно ногаец.

— И я тоже давно на них смотрю, — сказал Ванюша. — Вот хорошо-то! Дома не поверят.

10) На быстром движении тройки по ровной дороге горы, казалось, бежали по горизонту, блестя на восходящем солнце своими розоватыми вершинами. Сначала горы только удивили Оленина, потом обрадовали; но потом, больше и больше вглядываясь в эту, не из других черных гор, но прямо из степи вырастающую и убегающую цепь снеговых гор, он мало-по-малу начал вникать в эту красоту и почувствовал горы. С этой минуты все, что только он видел, все, что он думал, все, что он чувствовал, получало для него новый, строго величавый характер гор. Все московские воспоминания, стыд и раскаяние, все пошлые мечты о Кавказе, все

10) Способность быстро изменять свои настроения, мысли (признак эмоциональной натуры).

Чувство природы вызывает в нем моральную перемену.

исчезли и не возвращались более. „Теперь началось“, как будто сказал ему какой-то торжественный голос. И дорога, и вдали видневшаяся черта Терека, и станицы, и народ,—все это ему казалось теперь уже не шуткой. Взглянет на небо — и вспомнит горы. Взглянет на себя, на Ванюшу — и опять горы. Вот едут два казака верхом, и ружья в чехлах равномерно поматываются у них за спинами, и лошади их перемешиваются гнедыми и серыми ногами, а горы... За Тереком виден дым в ауле, а горы... Солнце всходит и блещет на виднеющемся из-за камыша Тереке, а горы... Из станицы едет арба, женщины ходят, красивые женщины, молодые, а горы... Абреки рыскают в степи, и я еду, их не боюсь, у меня ружье и сила, и молодость, а горы...

III.

Текст прочтите на стр. 210—212 и подыщите, к каким местам относятся следующие записи.

Опрощение Оленина („Живут же люди“). Созерцательное чувство природы прекращает в Оленине обычно присущий ему самоанализ и вызывает в нем вместе с „беспричинной“ радостью и религиозным настроением („детская привычка“) глубокую моральную перемену: он перестает выделять себя из мира, сливается с космосом (чувство вселенной) и хочет стать похожим на всех, простых, ведущих обычную жизнь и испытывающих в жизни разного рода боли, страдания; стремление к счастью, одинаковое при двух противоположных воззрениях на человеческую личность (признак неустойчивости взглядов Оленина).

Работа мысли (аналитической) приводит Оленина к определенному выводу о смысле личной жизни. Признание „незаконными“ прежних ожиданий от жизни и поиски счастия. При громадной силе анализирующей мысли большая эмоциональность. Слишком высокое представление о себе (открыл „новую истину“), как результат неосведомленности в том, что до него было продумано другими людьми.

IV.

1) Перед вечером Оленин решительно встал, принялся писать и писал до поздней ночи. Он написал письмо, но не послал его, потому что никто все-таки бы не понял того, что он хотел сказать, да и незачем кому бы то ни было понимать это, кроме самого Оленина. Вот что он писал:

„Мне пишут из России письма соболезнования; боятся, что я погибну, зарывшись в этой глуши. Говорят про меня: он загрубеет, от всего отстанет, станет пить и еще, чего доброго, женится на казачке. Недаром, говорят, Ермолов сказал: кто десять лет прослужит на Кавказе, тот либо сопьется с кругу, либо женится на распутной женщине. Как страшно!

2) В самом деле, не погубить бы мне себя, тогда как на мою долю могло бы выпасть великое счастье стать мужем графини Б..., камергером или дворянским предводителем. Как вы мне все гадки и жалки!

3) Вы не знаете, что такое счастье, и что такое жизнь! Надо раз испытать жизнь во всей ее безыскусственной красоте. Надо видеть и понимать, что я каждый день вижу перед собой: вечные неприступные снега гор и величавую женщину [1]) в той первобытной красоте, в которой должна была выйти первая женщина из рук своего творца, и тогда ясно станет, кто себя губит, кто живет в правде или во лжи — вы или я. Коли бы вы знали, как мне мерзки и жалки вы

1) Жажда претворить в дело свои моральные воззрения.

2) Чувство отвращения к прошлому, полному эгоизма, существованию.

3) Чуткая нежность в восприятии безыскусственных красот природы и резкая неприязнь к светской лжи, вычурности, тупоумию и притворству. Желание приблизиться к правде и красоте приводит к необходимости отказаться от удовольствий светской жизни.

---

[1]) Казачка Марьяна.

в вашем обольщении! Как только представятся мне вместо моей хаты, моего леса и моей любви эти гостиные, эти женщины с припомаженными волосами над подсунутыми чужими буклями, эти неестественно шевелящиеся губки, эти спрятанные и изуродованные слабые члены и этот лепет гостиных, обязанный быть разговором и не имеющий никаких прав на это, — мне становится невыносимо гадко. Представляются мне эти тупые лица, эти богатые невесты с выражением лица, говорящим: „ничего, можно, подходи, хоть я и богатая невеста"; эти усаживания и пересаживания, это наглое сводничанье пар и эта вечная сплетня, притворство; эти правила — кому руку, кому кивок, кому разговор и, наконец, эта вечная скука в крови, переходящая от поколения к поколению (и все сознательно, с убеждением в необходимости). Поймите одно или поверьте одному. Надо видеть и понять, что такое правда и красота, и в прах разлетится все, что вы говорите и думаете, все ваши желания счастья и за меня и за себя. Счастье — это быть с природой, видеть ее, говорить с ней. „Еще он, избави боже, женится на простой казачке и совсем пропадет для света", воображаю, говорят они обо мне с истинным состраданием. А я только одного и желаю: совсем пропасть в вашем смысле, желаю жениться на простой казачке и не смею этого потому, что это было бы верх счастья, которого я недостоин...

Каждый день передо мною далекие снежные горы и эта величавая, счастливая женщина.

И не для меня единственно возможное на свете счастье, не для меня эта женщина! Самое ужасное и самое сладкое в моем положении то, что я чувствую, что я понимаю ее, а она никогда не поймет меня. Она не поймет не потому, что она ниже меня, напротив, она не должна понимать меня. Она счастлива; она, как природа, ровна, спокойна и сама в себе. А я, исковерканное, слабое существо, хочу, чтоб она поняла мое уродство и мои мучения. Ночи я не спал и без всякой цели проводил под ее окнами и не отдавал отчета себе в том, что со мною было.

4) 18-го числа наша рота ходила в набег. Я три дня провел вне станицы. Мне было грустно и все равно. В отряде песни, карты, попойки, толки о наградах мне были противнее обыкновенного. Я нынче вернулся домой, увидал ее, свою хату, дядю Ерошку, снеговые горы с своего крылечка, и такое сильное новое чувство радости охватило меня, что я все понял. Я люблю эту женщину настоящею любовью, в первый и единственный раз в моей жизни. Я знаю, что со мной. Я не боюсь унизиться своим чувством, не стыжусь своей любви, я горд ею"...

4) Отвращение к избитым дорожкам; к попойкам, картам, толкам о наградах и т. п.

Любовь к первобытной женщине, преклонение перед ней и, наконец, гордость этой любовью и желание опроститься.

Задание 138.

1) Напишите характеристику Оленина.

2) Прочтите главу о „Казаках" Л. Толстого в книге Овсянико-Куликовского „Лев Толстой как художник". Можете ли что-либо добавить к характеристике Оленина в этой книге?

Задание 139.

Укажите, к каким местам рассказа А. Яковлева „Мужик" относятся следующие наблюдения:

Здоровый и сильный. Память о деревне, семье. Верит в сны. Любознателен: присматривается к иноземному быту. Переполненность своими переживаниями и жажда поделиться ими с кем-нибудь. Незлобив и покорен. Хозяйственные соображения выше страха перед смертью. Боится одиночества и тьмы. Полон суеверий. Обнаруживает благородство при встрече с спящим противником: разоружает его, но не убивает. Хитрость. Несообразительность Пильщикова.

Задание 140.

Составьте характеристику Пильщикова, пользуясь текстом и произведенными над ним наблюдениями.

Вывод.

Наблюдения (над кем-либо или над чем-либо), приведенные в систему, т.-е. чётко оформленные, и выделяющие существенные признаки, называются характеристикой (местности, лица или события).

Задание 141.

В. И. Ленин. Опыт литературной характеристики по следующим материалам:

1) Как работал юноша Ленин.

Владимир Ильич был богато одарен от природы, но помимо того он обладал необыкновенной способностью итти твердо и непреклонно к раз намеченной цели. Еще совсем юным, в старших классах гимназии (Владимир Ильич окончил гимназию 17 лет), он проводил все вечера за книгами, за подготовкой к той революционной работе, которую он поставил целью своей жизни. Но особенно памятно мне осталось время после окончания им гимназии, годы, когда он жил с нами в Казани и в Самаре, до его отъезда в Петербург. Весной 1887 г. мы получили известие о казни старшего брата — Александра. Особенно запечатлелось у меня выражение лица Владимира Ильича в ту минуту, когда он сказал: „Нет, мы пойдем не тем путем. Не таким путем надо итти“.

И вот с тех пор он стал подготовлять себя к тому пути, который он считал единственно правильным для освобождения России от ига царя и капитала.

Я помню, когда мы жили в деревне, в Самарской губернии, Владимир Ильич каждое утро после чая отправлялся, нагруженный книгами, словарями и тетрадями, в укромный уголок сада, чтобы там заниматься. Там стоял стол и скамейка, и там проводил Владимир Ильич большую часть дня за научными занятиями. Он умел не только читать книги, он умел изучать их, он штудировал их, составлял конспекты, делал выписки. Я приходила тогда в уголок, чтобы заниматься с ним языками, и, несмотря на то, что я была совсем ребенком, меня даже тогда поражала та настойчивость и та аккуратность, с которой Владимир Ильич делал то дело, за которое он брался.

И настолько был силен его нравственный облик, что тогда уже без всяких понуканий хотелось делать все на свете, лишь бы он был доволен тобой, лишь бы заслужить его одобрение.

Целыми днями проводил Владимир Ильич за книгами, отрываясь только для прогулок и для разговоров и споров с тем небольшим кружком товарищей, которые так же, как и он, подготовляли себя к революционной работе. И это умение работать, это упорство остались за ним во всю жизнь. И в ссылке и за границей он пользовался всяким свободным моментом, всяким свободным часом, чтобы отправиться в библиотеку. У нас сохранилось много его тетрадок и выписок, и по ним можно судить, какое громадное количество литературы по всем отраслям знания успел за свою жизнь проштудировать Владимир Ильич.

Владимир Ильич уже с молодых лет отличался необыкновенною работоспособностью. Он очень настойчиво работал над собою, и поэтому он уже в молодые годы был вылитый из стали Владимир Ильич, с готовыми, продуманными, меткими ответами на устах.

(М. Ульянова.)

2) В. И. Ленин.

По окончании ссылки, в Киеве мне удалось повидаться с тов. Кржижановским, в то время игравшим довольно большую роль, близким приятелем тов. Ленина.

Он-то и рассказал мне более подробно о Ленине. Характеризовал он его с энтузиазмом, характеризовал его огромный ум, нечеловеческую энергию, характеризовал его как необыкновенно милого, великолепного товарища, но в то же время отмечал, что Ленин прежде всего человек политический, и что, разойдясь с кем-нибудь политически,— он сейчас же рвет и личные отношения. В борьбе же, по словам Кржижановского, Ленин был беспощаден и прямолинеен.

И в то время как мне рисовался соответственный довольно-таки романтический образ,— Кржижановский прибавил: „А на вид он похож на ярославского кулачка, на хитрого мужичонку, особенно, когда носит бороду".

Едва после ссылки приехал я в Киев, как получил предписание немедленно выехать за границу. Я сделал это.

Несколько месяцев я прожил в Париже.

Ленин писал мне раза два короткие письма, в которых звал торопиться в Женеву. Наконец, он приехал сам.

Приезд его в Париж [1]) был для меня несколько неожидан. Лично на меня с первого взгляда он не произвел слишком хорошего впечатления. Мне он показался, по наружности своей, как будто чуть-чуть бесцветным.

В это время Ленин решил прочесть большой реферат на тему о судьбах русской революции и русского крестьянства.

На этом реферате я первый раз услышал его как оратора. Здесь Ленин преобразился. Огромное впечатление на меня произвела та сосредоточенная энергия, с которой он говорил, эти вперенные в толпу слушателей, становящиеся почти мрачными и впивающиеся, как булавка, глаза, это монотонное, но полное силы движение оратора, то вперед, то назад, эта плавно текущая и вся насквозь заряженная волею речь.

Я понял, что этот человек должен производить как трибун сильное и неизгладимое впечатление. А я уже знал, насколько силен Ленин как публицист, — своим грубоватым, необыкновенно ясным стилем, своим уменьем представлять всякую мысль, даже сложную, поразительно просто и варьировать ее так, чтобы она отчеканивалась, наконец, даже в самом сыром и мало привыкшем к политическому мышлению уме.

Я только позднее, гораздо позднее узнал, что не трибун, и не публицист, и даже не мыслитель — самые сильные стороны в Ленине, но уже и тогда для меня было ясно, что доминирующей чертой его характера, тем, что составляло половину его облика, была воля, крайне определенная, крайне напряженная воля, умевшая сосредоточиться на ближайшей задаче, но никогда не выходившая за круг, начертанный сильным умом, которая всякую частную задачу устанавливала как звено в огромной мировой политической цепи.

Кажется, на другой день после реферата мы, не помню по какому случаю, попали к скульптору Аронсону. Аронсон, увидев голову Ленина, пришел в восхищение и стал просить у Ленина позволения вылепить по крайней мере хоть медаль с него.

Он указал мне на замечательное сходство Ленина с Сократом. Надо сказать, впрочем, что еще больше, чем на Сократа, похож Ленин на Верлена. Главное сходство заключалось в великолепной форме головы.

Строение черепа Владимира Ильича, действительно, восхитительное. Нужно несколько присмотреться к нему, чтобы, вместо первого впечатления простой большой лысой головы, оценить эту физическую мощь, контур колоссального купола лба и заметить,

---

[1]) В начале 1905 года.

я бы сказал опять-таки, физическое излучение света от его поверхности.

У Ленина глаза насмешливые, полные иронии, блещущие умом и каким-то задорным весельем. Только когда он говорит, он становится, действительно, мрачным и словно гипнотизирующим. У Ленина очень маленькие глаза, но они так выразительны, так одухотворены, что я потом часто любовался их бессознательной игрой.

У Сократа, судя по бюстам, глаза были скорей выпуклые.

В нижней части опять значительное сходство, особенно когда Ленин носит более или менее большую бороду. У Сократа, Верлена и Ленина борода росла одинаково, несколько запущенно и беспорядочно. И у всех трех нижняя часть лица несколько бесформенна, сделана грубо, как бы кое-как.

Когда я ближе узнал Ленина, я оценил еще одну сторону его, которая сразу не бросается в глаза: это поразительную силу жизни в нем. Она в нем кипит и играет. В тот день, когда я пишу эти строки [1]), Ленину должно быть уже 50 лет, но он и сейчас еще совсем молодой человек, совсем юноша по своему жизненному тонусу. Как он заразительно, как мило, как по-детски хохочет, и как легко рассмешить его, какая наклонность к смеху — этому выражению победы человека над трудностями. В самые страшные минуты, которые нам приходилось вместе переживать, Ленин был неизменно ровен и также наклонен к веселому смеху.

Его гнев также необыкновенно мил. Несмотря на то, что от грозы его, действительно, в последнее время могли бы гибнуть десятки людей, а может быть, и сотни, он всегда господствует над своим негодованием, и оно имеет почти шутливую форму. Этот гром, „как бы резвяся и играя, грохочет в небе голубом". Я много раз отмечал это внешнее бурление, эти сердитые слова, эти стрелы ядовитой иронии, и рядом был тот же смешок в глазах и способность в одну минуту покончить всю эту сцену гнева, которая как будто разыгрывается Лениным потому, что так нужно. Внутри же он остается не только спокойным, но и веселым.

В частной жизни Ленин тоже больше всего любит именно такое непритязательное, непосредственное, простое, кипением сил определяющееся веселье. Его любимцы — дети и котята. С ними он может подчас играть целыми часами.

В свою работу Ленин вносит тоже благотворное обаяние жизни. Пишет он страшно быстро; без единой помарки набрасывает он свои статьи, которые не стоят ему никакого усилия. Сделать это он может в любой момент, обыкновенно утром, встав с постели, но и поздно вечером, вернувшись после утомительного дня, и когда угодно. Читал он все последнее время, за исключением, может быть, короткого промежутка за границей, во время реакции, больше урывками, чем усидчиво, но из всякой страницы он

---

[1]) 1918—1919 год.

вынесет что-нибудь новое, выкопает ту или другую нужную для него идею, которая служит ему потом оружием. Ленин выходит освеженным и готовым к новой борьбе.

Особенно зажигается он не от родственных идей, а от противоположных. В нем всегда жив ярый полемист.

Но если Ленина как-то смешно назвать трудолюбивым, то трудоспособен он в огромной степени. Я близок к тому, чтобы признать его неутомимым; если я не могу этого сказать, то потому, что знаю, что в последнее время нечеловеческие усилия, которые приходится ему делать, все-таки к концу каждой недели несколько надламывают его силы и заставляют его отдыхать.

Но ведь зато Ленин умеет отдыхать. Он берет этот отдых, как какую-то ванну, во время его он ни о чем не хочет думать и целиком отдается праздности и, если только возможно, своему любимому веселью и смеху. Поэтому из самого короткого отдыха Ленин выходит освеженным и готовым к новой борьбе.

Этот ключ сверкающей и какой-то наивной жизненности составляет рядом с прочной шириною ума и напряженной волей, о которой я говорил выше, очарование Ленина. Очарование это колоссально; люди, попадающие близко в его орбиту, не только отдаются ему, как политическому вождю, но как-то своеобразно влюбляются в него. Это относится к людям самых разных калибров и духовных настроений — от такого тонко вибрирующего огромного таланта, как Горький, до какого-нибудь косолапого мужика, явившегося из глубины Пензенской губернии, от первоклассных политических умов, вроде Зиновьева, до какого-нибудь солдата и матроса, вчера еще бывших черносотенцами, готовых всякое время сложить свои буйные головы за „вождя мировой революции“ — „Ильича“.

Это фамильярное название „Ильич“ привилось так широко, что его повторяют и люди, никогда не видавшие Ленина.

Когда Ленин лежал раненый, как мы опасались, смертельно, никто не выразил наших чувств по отношению к нему лучше, чем Троцкий. В страшных бурях мировых событий Троцкий, другой вождь русской революции, вовсе не склонный сентиментальничать, сказал: „Когда подумаешь, что Ленин может умереть, то кажется, что все наши жизни бесполезны, и перестает хотеться жить“.

(А. Луначарский.)

3) Всем известно, что Ленин вёл очень скромный образ жизни как за границей, так и в России. Жил он невероятно скромно. Отчего это происходило? Может быть, этот человек был монашеского склада? Нет, Ленин не был таковым по натуре, да он и не мог им быть. Вождь пролетариата с монашеским складом, это — уже не настоящий вождь. Пролетариат борется за то, чтобы жизнь была красивее, богаче, полнее, чтобы люди могли жить, наслаждаясь всеми благами жизни. Какой же это вождь проле-

тариата, если он аскет по натуре? Ленин был чрезвычайно полный человек в смысле разносторонности. Беря с собой за границу экономические книги, он захватил все-таки Некрасова и Гете. Ленин любил поэзию, он очень любил Пушкина и читал его с громадным удовольствием. Он очень любил музыку. Ради музыки, ради того, чтобы в течение часа послушать хорошего музыканта, он отвлекался иногда даже от работы, чем его близкие пользовались, чтобы заставить его отдохнуть хоть немного. Он любил охоту и был страстным охотником. Любил природу вообще и прогулки по швейцарским горам в особенности. Был очень хорошим шахматным игроком, играл, не глядя на доску. В Горках я провел с ним два лета, и мы занимались порой игрой в городки. Этот человек, председатель Совнаркома, мировой вождь пролетариата — забавлялся даже этой простой игрой. В игре в городки всегда участвовал Бухарин. Ленин играл плохо, а Бухарин был у нас лучшим игроком и гордился этим, кажется, больше, чем своей литературной работой. Ленин всегда язвительно подсмеивался над ним.

У Бухарина бывало так, что если он делал промах, то палка у него летела всегда слева, и Ленин говорил, что это оттого, что Бухарин еще не расстался с левым коммунизмом.

* * *

В своей московской жизни Ленин был чрезвычайно скромным человеком. Жил он в Кремле, в помещении, которое примыкает к Совнаркому. Это — четыре небольших комнаты, из которых Ленин выбрал себе самую маленькую — площадью около 36 кв. аршин — комнату проходную, да, кроме того, как говорят, в ней были скрипучие полы, так что всякий, кто проходил мимо, отрывал его от работы. Но он не соглашался ни на перемещение, ни на ремонт. Теперь эта комната отремонтирована, но ему уже не пришлось воспользоваться ею.

Помню как-то, кажется в 1919 г., я зашел вечером по делу к Надежде Константиновне. Показываю часовому пропуск, звоню, отворяется дверь — открывает ее сам Ленин. У них была одна прислуга, но она была занята в это время, и председатель Совнаркома не задумался оторваться от работы и отворить дверь. Он повел меня к Надежде Константиновне, а сам пошел работать. Потом подали чай, пришел Владимир Ильич. Но тут обнаружилось, что у них не хватило ложечек: на четырех человек их было только две, и приходилось их перекладывать из стакана в стакан. К чаю не было дано ничего, кроме черного хлеба и масла. Факт характерный.

Еще один факт: как-то к Ленину явилась группа крестьян. В Совнаркоме было довольно холодно, и по окончании разговора один крестьянин спрашивает его: „Что же у тебя, Владимир Ильич, как холодно?“ „Да дров — говорит, — нет, надо экономить“.

Через некоторое время в Москве был получен на имя Ленина вагон дров, который прислали ему крестьяне, и письмо, в котором было сказано: „Вот посылаем тебе вагон дров, сложи печку, а если нет печника, напиши, мы пришлем своего; у нас в деревне такой есть“.

Вот какие изумительные взаимоотношения существовали между этим человеком и народной массой.

(Н. Мещеряков.)

4) Когда я мысленно пытаюсь свежим глазом и свежим ухом, как бы в первый раз, увидеть и услышать Ленина на трибуне, я вижу крепкую и внутренне эластическую фигуру невысокого роста и слышу ровный, плавный, очень быстрый, чуть картавый, непрерывный, почти без пауз и на первых порах без особой интонации голос.

Первые фразы обычно общи, тон нащупывающий, вся фигура как бы не нашла еще своего равновесия, жест не оформлен, взгляд ушел в себя, в лице скорее угрюмость и как бы даже досада — мысль ищет подхода к аудитории. Этот вступительный период длится то больше, то меньше — смотря по аудитории, по теме, по настроению оратора. Но вот он попал на зарубку. Тема начинает вырисовываться. Оратор наклоняет верхнюю часть туловища вперед, заложив большие пальцы рук за вырезы жилета. И от этого двойного движения сразу выступают вперед голова и руки. Голова сама по себе не кажется большой на этом невысоком, но крепком, ладно сколоченном, ритмическом теле. Но огромными кажутся на голове лоб и голые выпуклины черепа. Руки очень подвижны, — однако, без суетливости или нервозности. Кисть широкая, короткопалая, „плебейская“, крепкая. В ней, в этой кисти, есть те же черты надежности и мужественного добродушия, что и во всей фигуре. Чтобы дать разглядеть это, нужно, однако, оратору осветиться изнутри, разгадав хитрость противника или самому с успехом заманив его в ловушку. Тогда из-под могучего лобно-черепного навеса выступают ленинские глаза, которые чуть-чуть переданы на одной счастливой фотографии 1919 г. Даже безразличный слушатель, поймав впервые этот взор, настораживался и ждал, что будет дальше. Угловатые скулы освещались и смягчались в такие моменты крепко умной снисходительностью, за которой чувствовалось большое знание людей, отношений, обстановки — до самой что ни на есть глубокой подоплеки. Нижняя часть лица с рыжевато-сероватой растительностью как бы оставалась в тени. Голос смягчался, получал большую гибкость и — моментами — лукавую вкрадчивость.

Но вот оратор приводит предполагаемое возражение от лица противника или злобную цитату из статьи врага. Прежде чем он успел разобрать враждебную мысль, он дает всем понять, что возражение неосновательно, поверхностно или фальшиво. Он высвобождает пальцы из жилетных вырезов, откидывает корпус

слегка назад, отступает мелкими шагами, как бы для того, чтобы освободить себе место для разгона, и — то иронически, то с видом отчаяния — пожимает крутыми плечами и разводит руками, выразительно отставив большие пальцы. Осуждение противника, осмеяние или опозорение его — смотря по противнику и по случаю — всегда предшествует у него опровержению. Слушатель как бы предуведомляется заранее, какого рода доказательств ему надо ждать и на какой тон настроить свою мысль. После этого открывается логическое наступление. Левая рука попадает либо снова за жилетный вырез, либо, чаще, в карман брюк. Правая следует логике мысли и отмечает ее ритм. В нужные моменты левая приходит на помощь. Оратор устремляется к аудитории, доходит до края эстрады, склоняется вперед и круглыми движениями рук работает над собственным словесным материалом. Это значит, что дело дошло до центральной мысли, до главнейшего пункта всей речи.

(Л. Троцкий.)

§ 44.

Эпос.

Все поэтические произведения могут быть распределены по трем группам: эпические произведения, лирические и драматические.

Материал: „Мужик“ А. Яковлева (см. выше 202—209).

Вопросы:

1) Как ведется рассказ: спокойно, с волнением, медленно, быстро?

2) Как описаны люди, предметы и события: подробно, намеками, поверхностно, выпукло, неясно, ярко, бледно?

3) Чему уделено внимание автора: рассказу о совершающихся событиях или передаче собственных взглядов?

4) Обрисован ли внутренний мир Пильщикова?

5) Какие черты характера, присущие Пильщикову, можно считать классовыми, национальными и общечеловеческими?

6) При помощи каких средств создается образность данного рассказа: встречаются ли эпитеты, сравнения и др. приемы поэтического стиля?

7) Сравните описание Пильщикова с описанием кого-либо из героев „Мертвых душ“ Гоголя (биографические подробности, описание внешности). Сравните описание природы в этом рассказе и в „Записках Охотника“ Тургенева. Где преобладает передача подробностей?

Вывод.

Повествование, образно рисующее жизнь людей, с бо́льшим или ме́ньшим обилием подробностей называется **эпическим** произведением.

Задание 142.

Найдите черты эпоса в „Медном Всаднике“ Пушкина.

§ 45.

Лирика.

МАТЕРИАЛ:

1) ПРОЛЕТАРИАТУ.

О, многоликий Владыка мира,
чья вера — Разум, чья сила — Труд,
все грезы сердца, все струны лиры
моей певучей
тебе, Могучий,
песнь поют.

Под темной блузой, в груди суровой
ты носишь Солнце жизни новой...

Ты первый гром
весны грядущей —
всегда мятежный, всегда зовущий;
в тебе одном —
лишь оправданье
всего страданья,
всех мук исканья...
. . . .

Когда гремит твое восстанье,
и меч твой красный,
в дыму сверкая,
врагов разит, —
он, убивая и разрушая,
иной прекрасный
мир творит.

Глухое небо —
просить не станешь
        о корке хлеба.

Ты веришь в силу
железных рук.
        Твои молитвы —
        лишь гимны битвы
во имя Жизни без слез и мук.

. . . .

В своем движеньи,
в своем стремленьи,
        ты воплотил
все вдохновенье,
все достиженье,
чем светлый Гений
        мир озарил...

. . . .

        Все, кто убиты,
во имя Солнца, во имя Света,
        с тобою слиты...
        В тебе ответа,
        отмщенья ждут;
        мечты распятых,
        в веках проклятых,
            в тебе цветут.

. . . .

Иди, греми грозой мятежной,
    весною нежной
        над Миром вей.

Святую весть Освобожденья,
    цепей паденья—
        неси скорей.

В. Кириллов.

***[1])

2) Не рыдай так безумно над ним,
хорошо умереть молодым!

Беспощадная пошлость ни тени
положить не успела на нем,

---

[1]) Посвящено памяти известного критика 60-х годов Д. И. Писарева, безвременно погибшего вскоре после освобождения из тюремного заключения.

становись перед ним на колени,
украшай его кудри венком!
Перед ним преклониться не стыдно;
вспомни, сколькие пали в борьбе,
сколько раз уже было тебе
за великое имя обидно!
А теперь его слава прочна:
под холодною крышкою гроба,
на нее не наложат пятна
ни ошибка, ни сила, ни злоба...

Не хочу я сказать, что твой брат
не был гордою волей богат,
но, ты знаешь,— кто ближнего любит
больше собственной славы своей,
тот и славу сознательно губит,
если жертва спасает людей.
Но у жизни есть мрачные силы —
у кого не слабели шаги
перед дверью тюрьмы и могилы?
Долговечность и слава — враги.

Русский гений издавна венчает
тех, которые мало живут,
о которых народ замечает:
„У счастливого недруги мрут,
у несчастного друг умирает...“

Некрасов.

3) СМЕРТЬ ПОЭТА.

Погиб поэт... Невольник чести
пал, оклеветанный молвой,
с свинцом в груди и с жаждой мести,
поникнув гордой головой.
Не вынесла душа поэта
позора мелочных обид;
восстал он против мнений света
один, как прежде,— и убит!
Убит!.. К чему теперь рыданья,
пустых похвал ненужный хор
и жалкий лепет оправданья,—
судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так долго гнали
его свободный, чудный дар
и для потехи возбуждали
чуть затаившийся пожар?..

Что ж? Веселитесь!.. Он мучений
последних перенесть не мог.
Угас, как светоч, дивный гений,
увял торжественный венок!..
Его убийца хладнокровно
навел удар — спасенья нет:
пустое сердце бьется ровно,
в руке не дрогнет пистолет.
И что за диво?.. Издалека,
подобно сотням беглецов,
на ловлю счастья и чинов
заброшен к нам по воле рока,
смеясь, он дерзко презирал
земли чужой закон и нравы:
не мог щадить он нашей славы,
не мог понять в сей миг кровавый,
на что он руку подымал!
　И он погиб и взят могилой,
как тот певец, неведомый, но милый,
добыча ревности немой,
воспетый им с такою чудной силой,
сраженный, как и он, безжалостной рукой.
Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
вступил он в этот свет, завистливый и душный
для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам безбожным,
зачем поверил он словам и ласкам ложным —
он, с юных лет постигнувший людей!
И прежний сняв венок, другой венец, терновый,
увитый лаврами, надели на него;
но иглы тайные сурово
язвили славное чело...
Отравлены его последние мгновенья
коварным шопотом бесчувственных невежд,
и умер он с глубокой жаждой мщенья,
с досадой тайною обманутых надежд...
Замолкли звуки дивных песен,
не раздаваться им опять,
приют певца угрюм и тесен,
и на устах его печать!

———

А вы, надменные потомки
известной подлостью прославленных отцов,
пятою рабскою поправшие обломки
игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
свободы, гения и славы палачи!

Таитесь вы под сению закона,
пред вами суд и правда — все молчи!
Но есть, есть божий суд, наперсники разврата,
есть грозный судия: он ждет,
он недоступен звону злата,
и мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
оно вам не поможет вновь,
и вы не смоете всей вашей черной кровью
поэта праведную кровь!

М. Ю. Лермонтов.

Вопросы.

1) Каковы мотивы и ритмика стих. Кириллова, и какое настроение (восторженное или какое-либо иное) заключает в себе обращение к пролетариату?

2) Чем (какими обстоятельствами) вызвано это обращение писателя, и что оно вызывает у читателя?

3) Какими чувствами насыщено стихотворение Некрасова? Какие явления жизни вызвали эти чувства?

4) Какие переживания или настроения (гневные, грустные или какие-либо еще) даны Лермонтовым в его стихотворении „Смерть поэта“?

Выводы.

1. Поэтические произведения, преимущественно выражающие разнообразные чувства, настроения (эмоции) автора, называются лирическими.

2. В зависимости от характера субъективных переживаний автора, лирические произведения бывают разных видов или соединяют в себе это разнообразие видов: печальные — элегия; чувства негодования, сарказма — сатира, восторженность — ода и т. д.

Задание 143.

Определите характер лирической эмоции и приемы поэтического стиля в стихотворениях:

1) Брюсова — „Городу“...

Царя властительно над долом,
огни вонзая в небосклон,
ты труб фабричных частоколом
неумолимо окружен.
Стальной, кирпичный и стеклянный,
сетями проволок обвит,
ты — чарователь неустанный,
ты — неслабеющий магнит.
Драконом, хищным и бескрылым,
засев,— ты стережешь года,
а по твоим железным жилам
струится газ, бежит вода.
Твоя безмерная утроба
веков добычей не сыта,—
в ней неумолчно ропщет Злоба,
в ней грозно стонет Нищета.
Ты, хитроумный, ты, упрямый,
дворцы из золота воздвиг,
поставил праздничные храмы
для женщин, для картин, для книг;
но сам скликаешь, непокорный,
на штурм своих дворцов—орду,
и шлешь вождей на митинг черный:
Безумье, Гордость и Нужду!
Ты гнешь рабов угрюмых спины,
чтоб, исступленны и легки,
ротационные машины
ковали острые клинки.
Коварный змей с волшебным взглядом!
В порыве ярости слепой,
ты нож, с своим смертельным ядом,
сам подымаешь над собой.

2) Безыменского — „Товарищ Ленин“.

Он нам важен не как личность. В нем слилась для нас свобода. В нем слилось для нас стремленье, в нем—веков борьбы гряда... Он немыслим без рабочих, он немыслим без народа, он немыслим без движенья, он немыслим без труда. Царство гнета и насилья мы поставим на колени. Мы — строители Вселенной. Мы — любви живой струя... Он нам важен не как личность, он нам важен не как гений, а как символ: „Я — не Ленин, но вот в Ленине — и я“.

Задание 144.

Найдите стихотворения, выражающие чувства автора в связи с разнообразными явлениями природы. Выделите в этих стихотворениях элемент описания.

Задание 145.

Укажите лирическое и формы его выражения в VI, VII и XI главах „Мертвых Душ“ Гоголя; в повести Серафимовича „Железный поток“.

§ 46.

Драма.

Материал:

1) „Ревизор“ Гоголя;

2) „Скупой рыцарь“ Пушкина;

3) „Гроза“ Островского.

Вопросы.

1) Чем отличается изображение событий и характеров в этих произведениях от эпоса и лирики? Как мы узнаем о лицах— из речей, поступков их самих, или из рассказа о них автора?

2) Какими стилистическими средствами пользуется драматург (диалог, монолог)?

3) За что и как борются между собой герои? Из каких стремлений исходит эта борьба?

4) Какие чувства вызывают действующие лица этих произведений (смех, негодование, жалость, страх за судьбу героя и т. д.)?

5) Проследите постепенные изменения в душевном мире героев.

6) Почему, испытывая жалость к Катерине, мы не считаем ее жалкой?

7) Выясните все особенности характера скупого рыцаря, делающие из него лицо трагическое.

8) В чем внешний и внутренний комизм в „Ревизоре“?

9) Какую роль играют завязка и развязка в пьесах, и какие сцены толкают к развязке?

10) В каких местах пьес действие достигает наивысшего напряжения, и когда оно начинает спадать?

11) В какую эпоху и в какой общественной среде протекает борьба действующих лиц?

12) Каково социальное значение этих произведений?

13) Какое значение для этих произведений имеет их сценическое воспроизведение?

14) Опишите игру актеров, виденных вами в этих пьесах.

Выводы.

1. Сочинения, изображающие действия, борьбу лиц в диалогической и монологической форме, без участия автора, как рассказчика, называются драматическими.

2. Драматические произведения, изображающие людей, чем-либо выделяющихся в общественной среде и обычно гибнущих в борьбе с личными страстями или враждебной обстановкой, называются трагедиями. Пример: „Скупой рыцарь“ Пушкина.

3. Драматические произведения, представляющие не выдающихся, а обыкновенных людей, тоже гибнущих в борьбе с окружающей средой, называются драмами. Пример: „Гроза“ Островского.

4. Драматические произведения, изображающие действующих лиц в борьбе за низменные интересы и обычно рисующие их в смешном виде, называются комедиями. Пример: „Ревизор“ Гоголя.

Задание 146.

1) Прочтите произведения: „Бедность не порок“ Островского, „Вишневый сад“ Чехова, „Ткачи“ Гауптмана, „На дне“ Горького и определите, к какому роду драматических произведений их следует отнести.

2) Укажите комическое и трагическое в эпосе и лирике.

Задание 147.

1) Опишите спектакль в селе, на заводе, в рабочем клубе (подготовка к спектаклю, кто играл, здание театра, как играли и какую пьесу, отношение зрителей к пьесе и к игре актеров).

2) Школьный спектакль. (Опишите ваши впечатления и наблюдения над зрителями.)

V.

ВОПРОСЫ КОМПОЗИЦИИ.

§ 47.

Мы знаем, какими приемами стиля организуется поэтическое сочинение.

Есть ряд элементов, обязательных при построении художественного произведения; к таковым относятся следующие: композиция, мотив, тема, сюжет, интрига, перипетии, завязка, развязка.

Материал: „Дубровский“ Пушкина

Вопросы.

1) На какие простейшие повествовательные части распадается следующий отрывок:

(1) „Несколько лет тому назад в одном из поместий своих жил старинный русский барин, Кирила Петрович Троекуров. Его богатство, знатный род и связи давали ему большой вес в губернии, где находилось его имение. Избалованный всем, что только окружало его, он привык давать полную волю каждому порыву пылкого своего нрава и всем затеям довольно ограниченного ума. (2) Соседи рады были угождать малейшим его прихотям; губернские чиновники трепетали при его имени. (3) Кирила Петрович принимал все знаки подобострастия, как надлежащую дань. Дом его всегда был полон гостями, готовыми тешить его барскую праздность, разделяя шумные, а иногда и буйные его увеселения. (4) Никто не дерзал отказываться от его приглашений или в известные дни не являться с должным почтением в село Покровское. (5) Кирила Петрович был великий хлебосол и, несмотря на необыкновенную силу физических способностей, раза два в неделю страдал от обжорства, и каждый вечер был навеселе“.

2) Как следует назвать эти части?

Выводы.

1. Простейшая повествовательная единица, толкающая к дальнейшим событиям, называется мотивом.

Мотивы данного отрывка смотри по нумерам.

2. Мотив в литературном произведении может быть выражен одним или несколькими предложениями.

Задание 148.

Разбейте (устно или письменно) на отдельные мотивы какую-либо главу „Дубровского".

Вопрос.

Каков главный мотив приведенного выше отрывка?

Выводы.

1. Главный мотив служит темой данного отрывка.

2. Его тема — „богатство и необузданность помещика Троекурова".

3. В литературном произведении может быть несколько тем.

Задание 149.

Назовите темы других отрывков.

Вопрос.

В какой последовательности (временной или причинной) группируются мотивы?

Выводы.

1. Совокупность мотивов во временно-причинном расположении, проведенном в данном литературном произведении, называется сюжетом.

2. Та же совокупность мотивов, с тем же или иным временно-причинным расположением, но независимо от литературной формы данного произведения, называется фабулой.

3. Фабула иногда совпадает с сюжетом. Это видим в „Дубровском". Его сюжет и фабула: богатый помещик Троекуров

доводит до полного разорения и смерти старика Дубровского, разбивает счастье своей дочери и вызывает против себя возмущение молодого Дубровского, который становится разбойником.

4. Вообще этот термин (фабула) не обязателен при рассмотрении литературного произведения.

Вопросы.

1) Каковы мотивы, характеризующие:

а) борьбу Троекурова со стариком Дубровским;

б) борьбу молодого Дубровского с помещиками.

2) Наблюдается ли варьирование этих мотивов, где именно, и в чем оно проявляется?

Выводы.

1. Совокупность мотивов, характеризующих борьбу действующих лиц между собой, называется **интригой**.

2. Варьирование мотивов, характеризующих борьбу (т.-е. переходы от одного положения (ситуации) к другому), называется **перипетиями**.

Вопросы.

1) Каковы мотивы, из-за которых возникает борьба действующих лиц?

2. Каковы мотивы, из-за которых прекращается эта борьба?

3) Где (в начале, середине или конце) помещены те и другие?

Выводы.

1. Мотив (или мотивы) борьбы, введенные в начало повествования, называются **завязкой**.

2. Мотив (или мотивы), прекращающие борьбу и помещенные в конце повествования, называются **развязкой**.

Задание 150.

Дайте характеристику действующих лиц (**персонажей**). Выделите лирические отступления, описательные и повествовательные части, отметьте диалоги. Как связаны между собой главы (прерывисто или примыкают одна к другой)?

Выводы.

1. Сюжет, тема, мотив и персонажи в их группировках служат внутренними компонентами (слагаемыми) литературного произведения.

2. Описательные и повествовательные части, лирические отступления, диалоги, главы, фразы, заключение и эпилог служат внешними компонентами литературного произведения.

Задание 151.

От чьего лица ведется повествование в „Дубровском" (срав. с „Капитанской дочкой")? Как чередуются пейзаж, повествовательный элемент, характеристики персонажей? В каких взаимоотношениях находятся между собой действующие лица (кто против кого и почему? центральные и второстепенные лица? параллелизм, контраст?). Как развертывается действие—последовательно нарастая, или встречая задержку? Чем достигается задержка—описанием, характеристикой и т. п.? Укажите, какими приемами поэтической изобразительности пользуется Пушкин.

Выводы.

1. Совокупность приемов, оформляющих литературное произведение (компоненты внешние и внутренние и их организация), дает его композицию.

2. Через совокупность всех приемов словесного оформления проступает главная тема—идея сочинения.

3. Идея „Дубровского"—богатство и знатность в феодальную эпоху подчиняют себе все формы общественной жизни (право, мораль и т. д.).

Задание 152.

1) Примените эту же систему вопросов-выводов при разборе повести Тургенева „Муму" и повести Неверова „Ташкент—город хлебный" и выясните, в чем различие приемов композиции.

2) Найдите мотив, тему, сюжет, интригу, перипетии, завязку и развязку и определите композицию и идею в любом, читаемом вами в данный момент, поэтическом произведении.

VI.

ТЕХНИКА ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ.

§ 48.

Составление плана.

Материал: отрывок из рассказа Григоровича „Антон-Горемыка“.

I.

Изба, в которую рыженький ввел Антона, была просторна; по крайней мере, так показалась она последнему при тусклом свете сального огарка, горевшего на столе в железном корявом подсвечнике; один конец перегородки, разделявшей ее на две части, упирался в исполинскую печь с уступами, стремешками и запечьями, другой служил подпорою широким полатям, с которых свешивались чьи-то длинные босые ноги и овчина. За столом, под образами, сидели четыре человека и ужинали; подле них хлопотала хозяйка, рябая, встрепанная, заспанная баба.

— Хлеб да соль, братцы,— вымолвил рыженький, запирая дверь,— здравствуй, хозяйка!

— Хлеб да соль,— проговорил, в свою очередь, Антон, крестясь перед образами.

— Спасибо,— отозвались сидевшие мужики.

— Вам постоять, что ли? — грубо спросила дворничиха.

— И то, тебя, вишь, не обходим, вот и товарища привел... ну, а хозяин где?

— Кто там?...— послышалось сверху, и в то же время длинные ноги, висевшие с полатей, перевернулись и показали, что принадлежащее им туловище перевалилось на спину.

— Что там развалился, чорт? — закричала сиповатым голосом хозяйка.— Ступай! вишь, народ подошел...

На полатях послышалась зевота.

— Вам чего? щей плеснуть, аль гороху вальнуть, аль лепеху с семенем? — спросила хозяйка.

— Давай, что ни есть... Хозяин, а хозяин, нет ли, брат, зинца?

— Как не быть... вам сколько?

— Что, Антон, голову-те повесил? вино есть, аль не слышишь? выпьем, говорю, завтра знатный будет день. Хозяин, давай штоф!..

Когда дворник вышел, рыженький повертелся еще несколько минут подле печки и шмыгнул в двери. Это было сделано так ловко, что Антон ничего не заметил; он снял с себя полушубок, повесил его на шесток, помолился богу, сел за стол и в ожидании ужина принялся рассматривать новых своих товарищей. Двое из них, немного погодя, встали, перекрестились и молча улеглись на нары, занимавшие целую стену избы. Антон увидел, что тут спало еще несколько человек мужиков. Из оставшихся двух за столом один особенно привлек внимание нашего мужика. Это был толстенький, кругленький человек, с черною окладистой бородкой, плоскими маслистыми волосами, падавшими длинными космами по обеим сторонам одутловатого багрового лица, отличавшегося необыкновенным добродушием; перед ним на столе стояла огромная чашка каши, деревянный кружок с рубленой говядиной и хрящом и миска с лапшой; он уписывал все это, прикладываясь попеременно то к тому, то к другому с таким рвением, что пот катился с него крупными горошинами; слышно даже было, как у него за ушами пищало. Антон первый прервал молчание.

— Вы отколе? — спросил он.

Мужик встряхнул головою, устремил на него оловянные глаза и, проглотив кашу, мешавшую ему закрыть рот, отвечал:

— Сдалече: ростовские.

— Господские?

— Барские...

— Больша вотчина?

— Большая...

Тут хозяйка поставила перед ним чашку тертого гороху; мужичок принялся за него с тем же ничем не сокрушимым аппетитом и уже ничего не отвечал на вопросы Антона. Скоро вернулся рыженький со штофом вина, сел подле товарища, и оба принялись ужинать. Немного погодя, явился и сам хозяин.

— А ты ехать собрался, что ли? — спросил он у мужика, сидевшего рядом с ярославцем.

— Да, мне пора,— отвечал тот, подтягивая кушак,— до свету надо быть дома.

Антон мгновенно поднял голову, поглядел на него, вздохнул и перестал есть.

— Хозяин! — начал первый, прислушавшись прежде к шуму телеги отъехавшего мужика.— Подсядь-ка, брат, к нам, не спесивься; вот у меня товарищ-ат что-то больно приуныл, есть не ест и пить не пьет; что ты станешь с ним делать...

— Ой ли?— произнес хозяин, подходя к столу.— Ну, давай... как, бишь, звать-то тебя?... Пантелеем, что ли?

— Антоном...

— Давай, брат Антон, я выпью... да ты-то что? э! полно, чего кобенишься, пра, выпей, вино у меня знатное, хошь пригубь...

Антон выпил.

— Не то, братцы, на разуме у меня; так разве, со стужи,— произнес он, крякнув и обтирая бороду.

— Пей, не робей! — вскрикнул рыженький, перемигиваясь с хозяином... — Нука-сь, брат, со стужи-то еще стаканчик...

— Спасибо... много доволен...

— Э! что за спасибо! пей, сколько душа примет... знамо, первая чарка колом, вторая соколом, а третью и сам позовешь; пей, душа меру, брат, знает... а там и спать пойдем...

— Под навес? — спросил Антон, глаза которого начинали уже разгораться.

— Вестимо, что под навес... вот добрый хозяин и соломки даст... да пей же, брат, пей без опаски... хлеб ешь?

— Ем.

— Ну, а разве вино не тот же хлеб! маленько только пожиже будет... валяй! Ну, экой, право, приквельной какой, долго думать, тому же быть...

— Для-ча не выпить, когда добрый человек подносит,— подхватил хозяин.— От эвтого, брат, Антон, зла не будет .. пей за столом, говорят добрые люди, да не пей, мотри, только за углом...

Антон выпил еще стакан.

— Братцы! — произнес он вяло и принимаясь тереть лицо, лоб и щеки, с которых катился крупными каплями пот.— Братцы, пра, пора... Вот-те Христос... домой пора бы. Варвара-то... э! Варвара... братцы...

— Погоди... поспеешь еще...— отвечал рыженький, наливая еще стакан,— вот выпей наперед, выпей, слышь, последний выпей... на стужу идешь...

— Пейте скорее, ребята, и мне пора спать... чай полночь давно на дворе...— вымолвил хозяин, зевая и потягиваясь.

Антон осушил стакан бычком и почти в ту же минуту повалился, как сноп, на лавку...

— Спит? — спросил поспешно хозяин у рыженького, который уже нагнулся к Антону и слушал.

— Хоть кол на голове теши, не услышит! — отвечал тот, выпрямляясь и махнув рукою.

Оба засмеялись. Рыженький подошел к столу, выпил оставшуюся в штофе водку, взял шапку и стал поочередно оглядывать спавших на нарах; убедившись хорошенько, что все спали, он задул свечу и вышел из избы вместе с хозяином...

III.

Время подходило уже к самому рассвету, когда толстоватый ярославец был внезапно пробужден шумом в избе. Открыв глаза, он увидел стол опрокинутым; из-под него выползал на корячках Антон, крестясь и нашептывая: „Господи, благослови, господи, помилуй, с нами крестная сила...“.

— Что, брат, с тобою?.. Эй, что ты? — спросил мужичок, соскакивая с нар и принимаясь трепать Антона по плечу.— Эк ты меня испужал; словно „комуха“ [1]), так вот и трясет меня всего...

— Господи, благослови... ох!.. насилу отлегло...— выговорил Антон, вздрагивая всем телом,— ишь, какой сон пригрезился... а ничего, ровно ничего не припомню... только добре что-то страшно... так вот к самому сердцу и подступило; спасибо, родной, что подсобил подняться... Пойду-ка, ох, господи, благослови! пойду, погляжу на лошаденку свою... стоит ли она, сердешная...

Антон снова перекрестился и поспешно вышел из избы. Мужик сел на нары и начал мотать онучи.

Шум, произведенный Антоном, разбудил не одного толстоватого ярославца; с полатей послышались зевота, оханье, потягиванье; несколько босых ног свесилось также с печки. Вдруг на дворе раздался такой пронзительный крик, что все ноги разом вздрогнули и повскакали наземь вместе с туловищами. В эту самую минуту дверь распахнулась настежь, и в избу вбежал, сломя голову, Антон... Лицо его было бледно, как известь, волосы стояли дыбом, руки и ноги дрожали, губы шевелились без звука; он стоял посередь избы и глядел на всех страшными блуждающими глазами.

— Что там? — отозвалась хозяйка, просовывая голову между перекладинами полатей.

— Что ты? эй, сват!.. мужичок... дурманом прихватило, что ли? Эк его разобрало...— заговорили в одно время мужики, окружая Антона.

— Что ты всех баламутишь? — произнес грубо хозяин, оттолкнув первого стоявшего перед ним мужика и хватая Антона за рубаху.— Да ну, говори!.. что буркалы-то выпучил...

— Увели!... — мог только вскрикнуть Антон. — Лошаденку... ей-богу... кобылу пегую увели!..

— Ой ли?... братцы... ишь, что бает... долго ли до греха... э! э! э!..

И все, сколько в избе ни было народу, не исключая даже Антона и самого хозяина, все полетели стремглав на двор. Антон бросился к тому месту, куда привязал вечор пегашку, и, не произнося слова, указал на него дрожащими руками... оно было пусто; у столба болталась одна лишь веревка...

---

[1]) Лихорадка по-ярославски.

— Взаправду увели лошадь! ишь, вот, вот и веревка-то разрезана, ножом разрезана... и... и... и... — слышалось отовсюду.

Антон ухватился обеими руками за волосы и зарыдал на весь двор.

— Братцы, — говорил бедный мужик задыхающимся голосом, — братцы! что вы со мною сделали?.. куда я пойду теперь?.. Братцы, если в вас душа есть, отдайте мне мою лошаденку... куда она вам?.. ребятишки, вишь, у меня махонькие... пропадем мы без нее совсем... братцы, в Христа вы не веруете...

План может быть составлен в трех вариантах (видах): 1) в форме вопросительных предложений, 2) в форме повествовательных предложений и 3) в форме заглавий.

I. План в форме вопросительных предложений.	II. План в форме повествовательных предложений.
1) Какой показалась Антону внутренность избы?	1) Изба кажется Антону просторной.
2) Кто в ней находился?	2) В избе пять человек.
3) О чем заговорили в избе?	3) Вошедшие заговаривают с хозяйкой.
4) Кто привлек внимание Антона?	4) Толстый мужик привлекает внимание Антона.
5) Как спаивали Антона, и что с ним стало?	5) Антона спаивают, и он засыпает.
6) Что потом делали рыженький и хозяин?	6) Рыженький и хозяин чувствуют себя свободными.
7) Чем вызван утренний шум в избе?	7) Пробуждение Антона вызывает шум в избе.
8) О чем говорил Антон с другим мужиком?	8) Антон тревожно переговаривается с другим мужиком.
9) Что происходило в избе?	9) В избе наблюдается пробуждение и тревога.
10) Что случилось с Антоном?	10) Антон сообщает о пропаже лошади.
11) О чем завязался разговор?	11) Завязывается общий разговор.
12) Куда все устремились?	12) Все устремляются к месту воровства.
13) Что делал Антон?	13) Антон умоляет вернуть ему лошадь.

III. План в форме заглавий.

1) Внутренность избы.
2) Прежние посетители и хозяйка.
3) Разговор с вошедшими.
4) Толстый мужик.
5) Спаивание Антона. Его сон.
6) Рыженький и хозяин.
7) Пробуждение Антона.
8) Тревожное состояние Антона.
9) Общее пробуждение и тревога.
10) Появление обезумевшего Антона.
11) Общий разговор.
12) Бегство на двор.
13) Мольбы Антона.

II.

Статья К. А. Тимирязева „Творчество научное и художественное".

I. Познакомимся с процессом человеческого творчества вообще, не исключая и самых высоких сфер — творчества художественного. Создания человеческого творчества, даже в самых высших его проявлениях, являются ли плодом одного творческого акта, возникают ли они вдруг, в один прием, или в несколько приемов; зарождаются ли они внезапно, по какому-то непосредственному наитию, вдохновению, или они являются, в значительной мере, благодаря сочетанию тех двух первичных факторов, из которых слагается естественный отбор, т.-е. громадного числа попыток и неумолимой критики, сопровождаемой уничтожением всего неудачного, всего менее совершенного? Очевидно, этим вторым путем шло начальное, младенческое развитие всех технических искусств; ему мы обязаны всеми изумительными по своим результатам успехам земледелия, медицины, технологии, до того сравнительно недавнего времени, когда эти искусства могли воспользоваться дедукциями науки. Весь грубо-эмпирический период накопления знаний, открытие целебных средств, без понимания их ближайшего действия, разработка тончайших технических приемов для процессов, настоящее содержание которых оставалось совершенно неизвестным, — все это не что иное, как процесс, в котором изумительные результаты являлись, главным образом, последствием не счастливой только случайности, а громадного числа попыток и фактической элиминации, иногда дорогою ценой искупленных неудач. Мы, вероятно, не ошибемся, сказав,

что почти весь наш бесценный запас сырого, в тесном смысле индуктивного знания,— такого происхождения.

Но оставим в стороне эти более или менее вероятные предположения об умственных процессах, совершавшихся во тьме веков, о бесчисленном процессе массовых поисков за необходимыми знаниями и познакомимся с процессом личного творчества, научного и художественного, по крайней мере в тех его частях, с которыми сами творцы нас знакомили.

II. Недавно живопись утратила одного художника (Мейсонье), относительно совершенства произведений которого,— во всяком случае, с точки зрения исполнения,— едва ли может существовать разногласие; и вот в чем, по его собственному признанию, кроется одна из загадок этого совершенства: „Если бы вы знали, как много, как часто я переделывал, изменял, даже вовсе стирал картины, которые другие находили превосходными, но которые я не желал оставлять, несмотря на то, что мне за них предлагали груды золота!“. Таким образом, по свидетельству самого художника, залог совершенства исполнения лежит, выражаясь фигурально, не в одном карандаше, но и в резине. Когда на выставке (или, все равно, в литературе) останавливаешься с недоумением перед одним из тех незрелых произведений, которые принято обозначать опошлившимся, ничего не объясняющим термином декаденства, обыкновенно слышишь в их защиту такой аргумент:— Должны же вы признать, что эти люди ищут новых путей в искусстве? — Но эта защита не равносильна ли прямому осуждению? Великие художники, конечно, также искали новых путей, но они сообщали миру только свои находки, а свои поиски хранили в своих мастерских или без жалости их уничтожали.

III. Это в области искусства; посмотрим, так ли обстоит дело в области науки. Комментируя знаменитый ответ Ньютона, как дошел он до своего гениального открытия: — „Я постоянно его обдумывал“,— Юэль, историк индуктивных наук, пишет: „Вот единственное представление, которое можно себе составить об изобретательной способности: между тем как из какого-то открытого источника родится быстрый поток возможных предположений, ум настораживается и схватывает налету то именно, что соответствует данному случаю, пропуская мимо и предавая забвению остальные, мы усматриваем из этого, как изумительно плодовит был ум, усилия которого были так часто успешны, и как неизмеримо велико было число порожденных им мыслей, если из них так много было отобрано. Осуществлялся же этот отбор только путем выслеживания всех последствий, вытекавших из сделанного предположения, и их сравнения с данными условиями“. Таким образом, отбор (selection), по мнению Юэля, является одним из главных факторов, обеспечивающих качество той научной мысли, которая, наконец, окончательно видит свет.

Но, скажут, это только догадка Юэля, сам Ньютон мог и не согласиться с ним. В таком случае выслушаем собственную испо-

ведь другого великого ученого. Вот откровенное признание Фарадея: „Публика мало подозревает, как много мыслей и теорий, возникавших в уме научного деятеля, рухнуло в тайне и молчании вследствие его собственной строгой критики и направленных против них исследований; в самых успешных случаях оправдывается едва десятая доля догадок, надежд, желаний и предварительных заключений".

IV. Перейдем теперь к проявлению человеческого творчества, казалось бы, наиболее самопроизвольному, наиболее подходящему под ходячее представление о моментальном вдохновении, о созидании внезапном, а не последовательными ступенями приближения к совершенству. Обратимся к творчеству художников слова и начнем с внешней красоты формы. Всякий, видавший в музеях черновые рукописи великих писателей, вспомнит, на что они похожи. Но мы имеем и прямые признания знаменитых стилистов, как, например, Руссо, о том, с каким трудом им давалась эта поражающая читателя безукоризненная форма.

Но, может быть, это относится только к формам, само же содержание, идея, вспыхивает, зарождается самопроизвольно, выливается непосредственно, в силу внезапного озарения, без предварительного процесса элиминирования менее совершенного? Выслушаем, что поведали нам об этом сами поэты. Остановимся на самом типическом поэте и на его произведении, представляющем ряд самых свободных, капризных лирических порывов, вызванных живыми, летучими впечатлениями минуты. Байрон — Чайльд Гарольд — в Риме; казалось бы, искра должна мгновенно воспламенить порох — поэт пришел, увидел и запел. Вид Колизея должен был мгновенно вызвать образ умирающего гладиатора и т. д. Но послушаем, что говорит сам Байрон: „Я в восторге от Рима. В целом, и древний, и новый, он побивает и Грецию, и Константинополь, — словом, все, что я когда-либо видал. Но я не в состоянии дать описание, потому что мои первые впечатления хотя всегда сильны, но смутны, — только моя память, производя в них отбор, приводит их в порядок"...

V. Итак, пытается ли историк науки изобразить процесс, предшествующий созданию гениальной научной гипотезы в уме Ньютона, передает ли сам Байрон процесс зарождения тех поэтических образов, в которые окончательно воплощаются его первые сильные, но смутные впечатления, — и тот, и другой, словно сговорившись, прибегают к тому же самому слову — selection — отбор, — не забудем, тогда еще не игравшему той роли, которую ему суждено было занять позднее в обиходе философской мысли. Наконец, вот еще одно — и самое драгоценное — свидетельство величайшего из художников, — конечно, не русской только, но и всей земли. В письме к Фету Л. Толстой так изображает процесс зарождения „Войны и мира": „Обдумать и передумать все, что может случиться со всеми будущими людьми предстоящего сочинения, очень большого, и обдумать миллионы

возможных сочетаний для того, чтобы выбрать из них $^1/_{100\,000}$, ужасно трудно, и этим я занят“. Здесь мы присутствуем при процессе отбора, который представляет нам даже величины почти того же порядка, как те, которыми оперирует природа. И тут и там поражающий нас результат идет рука об руку с колоссальными размерами скрытого процесса истребления.

Таким образом, мы видим, что великие мыслители достигали великих результатов не потому только, что верно думали, но и потому, что они много думали и многое из передуманного уничтожали без следа. Великие поэты велики не потому только, что они чутко чувствовали, но и потому, что они много прочувствовали и многое из прочувствованного утаили от мира. Невольно возникает мысль — то, что мы называем талантом, гением в человеке, первичное ли это, неразложимое свойство, или итог двух более элементарных свойств: изумительной производительности воображения и не менее изумительной тонкой и быстрой критической способности?

План в форме заглавий.

1. Описание процесса человеческого творчества: а) накопление фактов, б) их отбор (индуктивный путь), в) отдельные творческие акты (дедуктивный путь).

2. Совершенство в художественном творчестве: а) массовые искания, б) положительный пример: художник Мейсонье, в) отрицательный пример: декадентство.

3. Совершенство в научном творчестве — отбор фактов. Примеры: открытие Ньютона, свидетельство Юэля, признание Фарадея.

4. Совершенство в творчестве художников слова: 1) в области формы: а) свидетельство черновиков, б) знаменитых стилистов (напр. Руссо), 2) в области содержания: отбор впечатлений и идей. Примеры: а) свидетельство Байрона, б) сравнение работ Байрона и Ньютона, в) письмо Л. Толстого Фету.

5. Подведение итогов: 1) а) величие в открытии мыслей и переживаний, б) величие в отборе мыслей и переживаний, в) величие в уничтожении мыслей и переживаний; 2) талант и гений — сумма элементарных свойств: а) производительности воображения и б) критической способности.

Выводы.

План выделяет короткими фразами только *главные части* текста, не касаясь мелочей.

Все три вида плана представляют собой максимально сжатый текст, но сжатый по разному:

а) форма вопросительных и повествовательных предложений раскрывает содержание наиболее полно, но все же, по сравнению с подлинником, оттеняет лишь существенные черты, не касаясь деталей.

б) форма заглавий — самая краткая — дает лишь отдельные напоминания.

Задание 153.

Составьте план в трех вариантах к произведениям Тургенева — „Льгов“, „Бурмистр“ и „Малиновая вода“; Колосова — „Тринадцать“.

§ 49.

Составление конспекта.

Материал: статья Богданова „Литература и класс“.

Текст.	Конспект.
I. Современное общество разделяется на классы. Это — коллективы, разъединенные многими жизненными противоречиями, а потому организующиеся отдельно, несходными способами, один против другого. Естественно, что и их организационные орудия, т.-е. идеологии, различны, отдельны, во многом не только не согласуются, но прямо несовместимы между собою. Это относится и к поэзии: в обществе классовом она также является классовою: помещичьей, крестьянской, буржуазной, пролетарской.	I. Современное общество делится на классы. Это — коллективы, организующиеся один против другого. Их идеологии различны. В классовом обществе поэзия также является классовой: помещичьей, крестьянской, буржуазной, пролетарской.
II. Это, разумеется, отнюдь не надо понимать в том смысле, что поэзия защищает интересы того или иного класса: так иногда бывает, но сравнительно редко, специально в политической,	II. Ее классовый характер заключается в том, что поэт стоит на точке зрения определенного класса: смотрит, думает и чувствует так, как этому классу свойственно. Под

в гражданской поэзии. Вообще же ее классовый характер лежит гораздо глубже. Он заключается в том, что поэт стоит на точке зрения определенного класса: смотрит его глазами на мир, думает и чувствует именно так, как этому классу, по его социальной природе, свойственно. Под автором-личностью скрывается автор-коллектив, автор-класс; и поэзия — часть его самосознания.

III. Автор-личность, может быть, вовсе не думает об этом, может быть, вовсе не подозревает этого. В самих произведениях часто нет никакого прямого указания на их классовый источник, никакого упоминания о нем. Вот, например, лирика Фета. Эта красивая поэзия, в которой изящно связываются проявления жизни природы с утонченными душевными движениями самого поэта, кажется с первого взгляда образцом „чистого искусства“, чуждого всякой социальной подкладки. И, однако, когда еще в России не было марксизма, находились люди, которые замечали, что это „барская“ поэзия. „Барская“, т.-е. помещичья, порожденная настроениями, обстановкой, формами жизни и мысли определенного сословия-класса нашей страны. И это действительно так.

IV. То глубокое, полное отрешение от всяких материальных, экономических, прозаических забот, которыми дышит лирика Фета, было возможно только для истинно-барских, помещичьих элементов, все более отрывавшихся от производства. Даже развивавшаяся тогда буржуазия, озабоченная наживой и конкуренцией, пропитанная деловой

автором-личностью скрывается автор-класс; поэзия — часть его самосознания.

III. Автор-личность не подозревает этого. В произведениях часто нет указания на их классовый источник. Например, лирика Фета кажется образцом „чистого искусства“ Но даже немарксисты замечали, что это „барская“ поэзия, порожденная формами жизни и мысли определенного сословия-класса нашей страны.

IV. Полное отрешение от материальных забот было возможно только для истинно-барских элементов, оторванных от производства. Буржуазия не могла культивировать утонченные ощущения и чувства, она не была способна чутко воспринимать природу, как землевладельцы-помещики. Эта поэзия служила органи-

атмосферой, не могла так культивировать утонченные ощущения и чувства; а кроме того, класс больше городской, она не была способна настолько понимать, так чутко воспринимать природу, как сельские землевладельцы-помещики. И нетрудно видеть, что эта поэзия должна была, на самом деле, являться организующей силою для помещичьего сословия-класса, который уже тогда отживал, но, разумеется, не хотел уходить с исторической сцены, и энергично отстаивал свои интересы. Она не только объединяла представителей барства в известной общности настроений, но, вместе с тем, косвенно противополагала их остальному обществу, усиливая таким образом их сплоченность. Она укрепляла в них сознание своего духовного превосходства над остальными слоями общества и, следовательно, права на привилегированное положение; она как бы говорила им: „вот какие *мы* эстетичные, возвышенные существа, как нежны и утонченны *у нас* души, как благородна *наша* культура". И отсюда, само собою, вытекало стремление твердо и дружно отстаивать эту культуру, т.-е., очевидно, ее основные условия, материальное богатство и господствующее положение.

V. В классовом обществе поэзия *не может быть внеклассовой*, но из этого не следует, что она принадлежит в каждом данном случае одному определенному классу. В поэзии, например, Некрасова есть и горячая защита интересов крестьянина на основе глубокого сочувственного понимания его жизни,

зующей силой для помещичьего класса, содействовала его объединению, укрепляла в нем духовное превосходство и право на привилегированное положение: говорила об утонченности его души и благородстве его культуры. Отсюда вытекало стремление твердо и дружно отстаивать эту культуру, материальное богатство и господствующее положение.

V. В классовом обществе поэзия не может быть внеклассовой, но она не принадлежит определенному классу. Например, в поэзии Некрасова налицо не только психология помещичьего сословия, но и защита интересов крестьянина, а вместе с тем и городской интеллигенции. Это — поэзия

и яркое выражение стремлений, мыслей, чувств развивавшейся, но стесненной старым строем в этом развитии городской интеллигенции, к которой Некрасов принадлежал по своей деятельности, и несомненные остатки психологии помещичьего сословия, из которого он вышел. Эта поэзия *смешанно-классовая*. Такой и в наше время, большей частью, бывает демократическая поэзия: крестьянско-интеллигентская, рабоче-крестьянская, рабоче-крестьянско-интеллигентская; это было бы легко показать на многих наших новейших поэтах из народа.

Пролетариату нужна, разумеется, не такая, а чисто-классовая, *пролетарская* поэзия...

смешанно-классовая. Такой в наше время бывает демократическая поэзия: крестьянско-интеллигентская, рабоче-крестьянская, рабоче-крестьянско-интеллигентская; это легко показать на многих новейших поэтах из народа.

Пролетариату нужна чисто-классовая, пролетарская поэзия.

А. Богданов.

Выводы.

1. *Конспект пересказывает* (в более пространной форме — сравнительно с планом) *содержание* главных частей текста.

2. При составлении конспекта следует: а) охватывать в целом смысл прочитанного, б) выписывать из текста те слова, которые служат для выражения основного содержания, в) избегать лишних слов.

Задание 154.

Составьте конспект статьи В. М. Фриче „Социальное значение искусства“.

Искусство — происхождения очень и очень древнего.

Оно зародилось во времена „доисторические“, много, много тысяч лет тому назад, и сохранилось вплоть до наших дней.

Оно существует на всех ступенях культуры — у первобытных дикарей, где-нибудь в глубине Африке или Австралии, равно как у высоко-цивилизованных народов Европы и Америки.

А ведь никакой непосредственной пользы искусство не приносит. Художественное произведение — не материальная ценность. Стихотворение или роман — не хлеб, который можно есть, кар-

тина или статуя — не мануфактура, в которую можно одеться, музыкальная симфония — не орудие труда, которым можно пользоваться. Все, что создается искусством, — „бесполезно“. И, однако, оно существовало, существует и — возможно — в том или ином виде будет существовать до тех пор, пока будет существовать человечество.

Так в самом ли деле оно „бесполезно“? Если бы это было так, то, надо думать, оно давно бы вымерло. Не находилось бы ни людей, которые поддерживали бы его, ни людей, которые бы им занимались.

Надо думать поэтому, что при всей своей кажущейся „бесполезности“ искусство отнюдь не бесполезно. Очевидно, оно выполняет роль для людей, для общества в высокой степени необходимую. Попытаемся выяснить, какую же общественную роль, какую социальную функцию выполняет искусство?

Можно возразить: такого вопроса и ставить нет надобности. Ответ ясен сам собою. Произведение искусства, с одной стороны, служит украшением — напр., картина где-нибудь в церкви или в ином каком-нибудь общественном месте или художественно выполненный предмет обихода, напр., мебель или обои и т. п. А с другой стороны, произведение искусства служит развлечением, отдыхом, — напр., чтение интересного романа или осмотр картинной галлереи, посещение театра или концерта.

А так как красивая обстановка и приятное развлечение повышают жизнедеятельность человеческого организма, укрепляют физическое и духовное здоровье человека, то в этом и заключается общественно-полезное значение искусства.

Это, конечно, так.

Но это далеко не все.

Этим мы отнюдь не исчерпали всего значения искусства для общественного существования человечества.

Мы сейчас увидим на целом ряде примеров, что в доисторические времена и на низших ступенях цивилизации искусство является одним из средств борьбы за существование, а на более высоких ступенях культуры, в обществе, разделенном на классы, на классы господствующие и классы подчиненные, искусство является одним из средств классового самоутверждения, классовой борьбы и классового господства...

Нам очень трудно притти к каким-нибудь достоверным выводам относительно деятельности и быта наших предков доисторического периода; некоторую и притом существенную услугу в данном направлении могут оказать нам наблюдения над первобытными племенами, над так называемыми дикарями, над африканскими бушменами, австралийцами, эскимосами и др.

У этих дикарей имеются в зачаточном состоянии все виды искусства — танец и музыка, живопись и поэзия и, наконец,

то, что можно назвать косметикой, т.-е. искусство украшения тела.

Происхождение всех этих видов дикарского искусства для нас ясно. В основе всех их лежит, конечно, особое чувство — „эстетическое", побуждающее их украшать тело, воспроизводить известные движения известным образом, известным образом сочетать слова и звуки, чтобы вызвать в себе самом и в других определенное настроение. Но это эстетическое чувство производное. Выросло оно в процессе борьбы за существование, как средство облегчить эту борьбу за жизнь.

Если дикарь покрывал свое голое тело татуировкой, т.-е. известными раскрашенными линиями и кружками, или украшал себя перьями и т. д., то он делал это или для того, чтобы понравиться дикарке, или для того, чтобы настращать врага; в первом случае „искусство" служило целям продолжения рода, во втором — целям выживания племени.

Той же задаче существования и размножения племени служил и танец, — у первобытных народов, без сомнения, самое яркое и полное выражение „художественного" чувства. На первобытном танце можно очень удобно проследить его общественное значение — косвенное свидетельство о социальном значении вообще искусства.

Так, в Австралии чрезвычайно в ходу танец коробори, исполняемый решительно по всякому поводу, при всяких обстоятельствах — до или после охоты, накануне или по окончании военного похода, при заключении мира. Пляшут мужчины, а женщины исполняют роль оркестра. Уже одно это обстоятельство красноречиво. Чем ловчее и неутомимее пляшет мужчина, тем он, очевидно, лучший охотник и воин, тем он, вместе с тем, и лучший отец новых поколений сильных и ловких охотников и воинов. Иными словами: танец, как и косметика, служит косвенно целям продолжения и улучшения племени, т.-е. целям весьма жизненным, весьма насущным, но и весьма материальным. Тот же танец исполняется обычно и накануне военного похода. В данном случае он имеет задачей повысить боевой дух отправляющихся воевать, а чем воинственнее будет настроен отряд, тем больше шансов на победу и на добычу. Наконец, этот танец исполняется и при заключении мира. Пляшет уже не одно племя, а два... Танец объединяет их — недавно еще противников — в общем настроении, сближает их, укрепляет вновь зародившуюся между ними связь.

Существует у многих дикарских племен и поэзия — весьма, конечно, примитивная, часто состоящая лишь из повторения одних и тех же слов и восклицаний, произносимых нараспев — при чем обычно эти „песни" также теснейшим образом связаны или с охотой, или с войной.

Если присмотреться таким образом—хотя бы и вскользь — к искусству первобытных племен, к искусству дикарей, то мы

видим, что оно известным образом (известным воспроизведением телодвижений, известным подбором слов и звуков, путем известного рода украшений) вызывает определенные чувства или настроения, объединяет в одном чувстве или настроении многих, при чем эти чувства и эти настроения суть такие именно, которые нужны для более обеспеченного существования племени или для его размножения, в виде наиболее приспособленных к жизни экземпляров.

Иными словами: искусство выросло из потребностей общественного коллектива и выполняет функцию, для общества в высшей степени необходимую. Без искусства, хотя бы и в том зачаточном виде, в каком оно существует у дикарей, последним было бы гораздо труднее справиться с сложной задачей борьбы за жизнь.

Если мы теперь поднимемся несколько выше по ступеням развития человечества, если мы перейдем из поселка первобытного племени, занятого преимущественно охотою и войной, в такую общественную среду, где существует уже более или менее налаженный физический труд, где есть определенная категория лиц, исполняющих этот общественно-необходимый труд — класс работников и работниц, переносящих тяжести, размалывающих зерно на хлеб, разъезжающих на челноках по морю, прядущих и ткущих и т. д., — то мы видим, как здесь, на этой уже довольно высокой ступени цивилизации искусство родится из самого процесса работы — как средство организовать и облегчить эту общественно-необходимую работу.

У всех народов, начиная с таких, которые еще не вышли из дикарского существования, и вплоть до таких, которые уже вступили на путь цивилизации, — у древних египтян и индусов, у китайцев и японцев, у финнов и германцев, у греков и славян и т. д., — имеется множество рабочих песен, т. е. таких, которые сопровождали разные виды физического труда, при чем наиболее древние, начальные состоят просто из повторения одних и тех же звуковых (бессмысленных) слов, более поздние являют из себя уже примеры настоящих песен. Эти рабочие песни, возникшие из звуков, произносимых во время работы, явно преследовали одну цель, а именно: облегчить работу, упорядочить движения работника так, чтобы работа была как можно производительнее. Иногда эти рабочие песни состоят из двух частей — одну произносит наблюдатель за работой, организатор работы, а другую — работник или, вернее в таких случаях, группа работников, рабочая артель. В данном случае рабочая песня служила средством не только облегчения работы, но и ее коллективной организации... Всякому известна „Дубинушка“, которая именно такого происхождения и такого значения. Из этой рабочей песни и родилась потом „поэзия“. В чем состоит сущность стихосложения,

как не в правильном чередовании высоких и низких, или ударных и безударных, или долгих и кратких слогов, а эта основная сущность стихосложения, эта техническая сущность поэзии есть не что иное, как наследие рабочей песни, воспроизводившей ритмически (т.-е. в правильном чередовании) движения, которые делала рука или все тело во время работы. Иными словами, поэзия с ее ритмами родилась из ритма работы.

Общественно-необходимый труд вот колыбель поэзии. Поэзия была первоначально не чем иным, как средством облегчить и организовать труд, на котором держался и держится общественный коллектив.

Рабочая песня была именно песнью, т.-е. сочетала слова с напевом, при чем последний был не чем иным, как подражанием, сначала голосом, потом, при помощи музыкальных инструментов, тем звукам, которые вырывались или из груди работника или производились тем или иным рабочим инструментом. Так восходит и музыка к труду, как одному из ее первоисточников.

Одновременно с рабочей песнью (слова, музыка) родился и рабочий танец. Под звуки рабочей песни работники воспроизводили в виде пляски те движения, которые они делают во время работы, при чем рабочий танец служил как бы репетицией предстоящей работы, как бы тренировкой для нее, подготовляя работников к возможно лучшему исполнению своей работы.

Как на пример можно указать хотя бы на всем известную нашу земледельческую песню: „А мы просо сеяли, сеяли“ и т. д.

Если принять во внимание, что рабочие песни и рабочие танцы были в ходу решительно у всех народов, начиная с полудикарей и кончая вступившими на путь цивилизации, у народов во всех частях света, то мы можем отсюда сделать вывод, что когда-то искусство — поэзия, музыка, танец — существовало вовсе не как нечто самостоятельное, а было частью трудовой жизни, было порождением труда и, вместе с тем, средством организации труда — этой основы всякого цивилизованного общества.

Отнюдь не „бесполезное“, искусство тогда выполняло социальную функцию насущнейшего назначения.

Если мы, наконец, поднимемся еще на несколько ступеней выше и вступим в общество, организованное на классовых началах, то мы увидим, что здесь искусство является прежде всего одним из средств для господствующего класса известным образом закрепить свое классовое господство. В этом смысле искусство является одною из так называемых „идеологий“, или „надстроек“, или „идеологических надстроек“ — наравне с правом, философией, наукой. Разница между искусством, как идеологией, и другими идеологическими надстройками заключается лишь в том, что искусство воздействует на иные стороны психики человека и притом также иными способами. Между тем как философия и наука обращаются, путем отвлеченных мыслей и логических доводов, к уму человека, искусство воздействует на его чувство и вообра-

жение при помощи так называемых художественных образов. Но, влияя на разные стороны человеческой психики и разными путями, все идеологии преследуют одну общую цель, а именно: закрепить так или иначе (в форме ли отвлеченных — научных или философских идей или художественных образов) господствующее положение командующего класса, идеализируя как те общественные отношения, которые служат основанием для его господства, так и „мораль“, т.-е. те нравственные отношения между людьми, которые вытекают из данных общественных отношений, и те нравственные качества, которые, возникнув на почве данных общественных отношений, вместе с тем позволяют им прочнее существовать.

Что искусство выполняет в классовом обществе именно эту роль, в этом нетрудно убедиться — об этом громко свидетельствует вся история искусства всех времен и всех народов...

§ 50.

Составление тезисов.

Материалы: 1) „Что такое искусство?“ (из статьи А. Воронского „Искусство есть познание жизни с помощью образов“).

Текст.	Тезисы.
1. Начнем с общих положений о художестве, ныне нередко оспариваемых, либо признаваемых только словесно, а не практически. Что такое искусство? Прежде всего искусство есть познание жизни. Искусство не есть произвольная игра фантазии, чувств, настроений, искусство не есть выражение только субъективных ощущений и переживаний поэта, искусство не задается целью в первую очередь пробуждать в читателе „чувства добрые“. Искусство, как и наука, познает жизнь. У искусства, как и у науки, один и тот же предмет: жизнь, действительность. Но наука анализирует, искусство синтезирует; наука отвлеченна, искусство конкретно; наука обращена к уму человека, искус-	1. Наука и искусство имеют один предмет — действительность, жизнь, но познают его по разному. Наука орудует отвлеченными понятиями, а искусство яркими образами. Науке свойственен анализ, а искусству — синтез.

ство к чувственной природе его. Наука познает жизнь с помощью понятий, искусство — с помощью образов, в форме живого чувственного созерцания.

2. „Поэзия, — писал еще Белинский, — есть истина в форме созерцания; ее создания — воплотившиеся идеи, видимые, созерцаемые идеи. Следовательно, поэзия есть то же, что мышление, потому что имеет то же содержание. Поэт мыслит образами, он не доказывает, а показывает ее... Высочайшая действительность есть истина; а как содержание поэзии — истина, то и произведения поэзии суть высочайшая действительность. Поэт не украшает действительность, не изображает людей, какими они должны быть, но каковы они суть" (из статьи „Горе от ума").

2. Белинский считает, что произведения поэзии, образно показывающей истину, — высочайшая действительность.

3. Настоящий поэт, настоящий художник — тот, кто видит идеи. У Белинского же есть вдохновенное описание этого существа художественного творчества, незыблемое и доселе: „Еще создание художника есть тайна для всех, еще он не брал в руки пера, а уже видит их ясно, уже может счесть складки их платья, морщины их чела, изборожденного страстями и горем, а уже знает и лучше, чем вы знаете своего отца, брата, друга, свою мать, сестру, возлюбленную сердца; также он знает и то, что они будут говорить и делать, видит всю нить событий, которая обовьет их и свяжет между собою" (статья о Гоголе).

3. О существе художественного творчества он же сообщает, что художник знает всех героев, все события и со всеми подробностями до момента их воплощения.

4. Художник познает жизнь, но не копирует ее, не делает снимков; он не фотограф; он перевоплощает ее „всезрящими очами своего чувства". Немецкий

4. Художник не фотографирует, а творит: он опускает все несущественное, случайное, нехарактерное, неинтересное; а вместе с тем он

критик, умеренный экспрессионист Макс Мартерштейг напоминает остроумное замечание Гете: если написать мопса, вполне схожего с натурой, то от этого станет только одним мопсом больше на свете, и никакого обогащения в этом не будет. Художник видит идеи, но он не все видит; он должен опускать, не замечать, что не имеет познавательной ценности, все случайное, неинтересное, известное. В этом случае верно замечание, что художник должен уметь быть слепым, незрячим. Истинное художественное произведение всегда поражает своей новизной, всегда глубоко захватывает, всегда является откровением. По знакомому, привычному руслу течет изо дня в день окружающая нас жизнь; и даже если ломается она, если рушатся самые крепкие плотины ее, — наше сознание, наши чувства неизменно и неизбежно отстают в своем развитии; они не соответствуют новому; мы еще во власти былого, наш глаз не умеет уловить, разглядеть рождающееся в грохоте, в половодье, в смене, в катастрофе. Подлинный художник в этой привычной пестроте или в головокружительном вихре жизни своим художественным оком, своим слухом, своим „нутром" схватывает то, мимо чего мы проходим, и что не запечатлевается нами, что не приметно еще. Из мелочей, из малого он синтетически создает крупное, большое, он увеличивает предметы и людей в своем художественном микроскопе, проходя мимо знаемого, познанного. Жизнь он возводит в „перл создания"; черты, свойства, рассеянные, разулавливает все неприметное и нарождающееся, увеличивает предметы и людей, перевоплощает или преображает виденное. Тем самым он научает нас различать то, что ускользает из поля внимания.

бросанные кругом, он собирает воедино, выделяет характерное. Так создается в воображении жизнь конденсированная, очищенная, просеянная,— *жизнь лучшая, чем она есть, и более похожая на правду, чем реальнейшая реальность.*

И вместе с художником мы начинаем видеть, мимо чего проходили, не замечая, но что дано вокруг нас или зреет в вещем предвосхищении грядущего.

2) „О кооперации" (из статьи В. И. Ленина).

I.

Текст.	Тезисы.
1. У нас, мне кажется, недостаточно обращается внимания на кооперацию. Едва ли все понимают, что теперь, со времени Октябрьской революции, и независимо от нэпа (напротив, в этом отношении приходится сказать: именно благодаря нэпу) кооперация получает у нас совершенно исключительное значение. В мечтаниях старых кооператоров много фантазии. Они смешны часто своей фантастичностью. Но в чем состоит их фантастичность? В том, что люди не понимают основного, коренного значения политической борьбы рабочего класса за свержение господства эксплоататоров. Теперь у нас это свержение состоялось, и теперь многое из того, что было фантастического, даже романтического, даже пошлого в мечтаниях старых кооператоров, становится самой неподкрашенной действительностью.	1. Со времени Октябрьской революции кооперация приобретает у нас исключительное значение. Старые кооператоры не понимали значения политической борьбы рабочего класса против эксплоататоров. Теперь, когда государственная власть в руках рабочего класса, задачей является максимальное кооперирование населения — как путь к социализму.

У нас, действительно, раз государственная власть в руках

рабочего класса, раз этой государственной власти принадлежат все средства производства, у нас, действительно, задачей осталось только кооперирование населения. При условии максимального кооперирования населения сам собой достигает цели тот социализм, который ранее вызывал законные насмешки, улыбку, пренебрежительное отношение к себе со стороны людей, справедливо убежденных в необходимости классовой борьбы, борьбы за политическую власть и т. д. И вот, не все товарищи дают себе отчет в том, какое теперь гигантское, необъятное значение приобретает для нас кооперирование России.

2. В нэпе мы сделали уступку крестьянину, как торговцу, принципу частной торговли; именно из этого вытекает (обратно тому, что думают) гигантское значение кооперации. В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэпа есть все, что нам нужно, потому что теперь мы нашли ту ступень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов. В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства — в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д., — разве это не все, что нужно для того, чтобы

2. В новой экономической политике частная торговля есть уступка крестьянству. Кооперирование населения есть все, что нам нужно теперь, когда частный торговый интерес и государственный контроль соединились таким образом, что частный интерес подчинен общим интересам государства.

Построение социалистического общества обеспечивается тем, что пролетариат, в руках которого находится государственная власть и власть на средства производства, руководит своим союзником—крестьянством.

Поэтому кооперация имеет значение: 1) принципиальное (собственность на средства производства) и 2) она есть наиболее легкий и доступный для крестьянина путь перехода к новым порядкам.

из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали как торгашескую и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе также, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения.

Вот это-то обстоятельство недооценено многими нашими практическими работниками. На кооперацию у нас смотрят пренебрежительно, не понимая того, какое исключительное значение имеет эта кооперация, во-первых, с принципиальной стороны (собственность на средства производства в руках государства), во-вторых, со стороны перехода к новым порядкам путем возможно более простым, легким и доступным для крестьянина.

3. Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса. Нечего напоминать о тех сотнях и сотнях миллионов рублей, которые стоило рождение „свободного“ капитализма. Теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй кооперативный. Но поддерживать его надо в настоящем смысле этого слова, т. е. под этой поддержкой недостаточно понимать поддержку любого кооперативного оборота, — под этой поддержкой надо понимать поддержку такого кооперативного оборота, в котором действительно участвуют дей-

3. Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса. В настоящее время мы должны поддерживать тот общественный строй который сверх обычного есть строй кооперативный.

Мы должны поддерживать такой кооперативный оборот, в котором действительно участвуют действительные массы населения.

ствительные массы населения. Давать премию тому крестьянину, который участвует в кооперативном обороте, это — формула безусловно верная, но при этом проверять это участие и проверять его сознательность и его доброкачественность, — вот в чем гвоздь вопроса. Когда кооператор приезжает в деревню и устраивает там кооперативную лавочку, население, строго говоря, никак в этом не участвует, но в то же время оно, руководствуясь собственной выгодой, поторопится попробовать в ней участвовать.

4. Это дело также имеет другую сторону. Нам нужно сделать еще очень немного с точки зрения „цивилизованного" (прежде всего грамотного) европейца для того, чтобы заставить всех поголовно участвовать — и участвовать не пассивно, а активно — в кооперативных операциях. Собственно говоря, нам осталось „только" одно: сделать наше население настолько „цивилизованным", чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. „Только" это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму. Но для того, чтобы совершить это „только", нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы. Поэтому нашим правилом должно быть: как можно меньше мудрствования и как можно меньше выкрутас. Нэп в этом отношении представляет из себя в том отношении прогресс, что он приноравливается к уровню самого обыкновенного крестьянина, что

4. Для перехода к социализму надо, чтобы население поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. Чтобы совершить это, нужна целая полоса культурного развития всей народной массы, необходима поголовная грамотность, достаточная степень навыков и материальная обеспеченность. Задача теперь в том, чтобы уметь соединить революционный размах с уменьем быть толковым и грамотным торгашем, какое вполне достаточно для хорошего кооператора.

он не требует от него ничего высшего. Но чтобы достигнуть через нэп участия в кооперации поголовно всего населения,— вот для того требуется целая историческая эпоха. Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно — два десятилетия. Но все-таки это будет особая историческая эпоха, и без этой исторической эпохи, без поголовной грамотности, без достаточной степени толковости, без достаточной степени приучения населения к тому, чтобы пользоваться книжками, и без материальной основы этого, без известной обеспеченности, скажем, от неурожая, от голода и т. д. — без этого нам своей цели не достигнуть. Все дело теперь в том, чтобы уметь соединить тот революционный размах, тот революционный энтузиазм, который мы уже проявили, и проявили в достаточном количестве, и увенчали полным успехом, уметь соединить его (тут я почти готов сказать) с уменьем быть толковым и грамотным торгашом, какое вполне достаточно для хорошего кооператора. Под уменьем быть торгашом я полагаю уменье быть культурным торгашом. Это пусть намотают себе на ус русские люди или просто крестьяне, которые думают: раз он торгует, значит, умеет быть торгашом. Это совсем неверно. Он торгует, но от этого до уменья быть культурным торгашом еще очень далеко. Он торгует сейчас по-азиатски, а для того, чтобы уметь быть торгашом, надо торговать по-европейски. От этого его отделяет целая эпоха.

5. Кончаю: ряд привилегий экономических, финансовых и

5. Кооперации необходимо предоставить привилегии эко-

банковских — кооперации; в этом должна состоять поддержка нашим социалистическим государством нового принципа организации населения. Но этим задача только еще поставлена в общих чертах, потому что тут еще остается неопределенным, неописанным детально все содержание задачи практически, т.-е. надо уметь отыскать ту форму „премий“ (и те условия выдачи их), которую мы даем за кооперирование, ту форму премий, при которой мы достаточно помогаем кооперации, ту форму премий, при которой мы достигаем цивилизованного кооператора. А строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией, — это есть строй социализма.

номические, банковские, финансовые. Практически надо отыскать ту форму премий, при которой мы создадим цивилизованного кооператора. Строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией, — это есть строй социализма.

Выводы.

1. План, конспект и тезисы представляют собой сокращенное разными способами содержание статьи, беседы и пр.

2. План выделяет короткими фразами только главные части, не касаясь мелочей.

3. Конспект пересказывает (в более пространной форме — сравнительно с планом) содержание главных частей текста.

4. Тезисы сжато выражают основные мысли сочинения.

5. Главная, центральная мысль, подчиняющая себе другие мысли сочинения (идея), обычно выражается заглавием сочинения.

Задание 155.

1) Обратите внимание в помещенном ниже отрывке из Плеханова на сжатую точность формулированных тезисов „Основных вопросов марксизма“.

...Если бы мы захотели кратко выразить взгляд Маркса-Энгельса на отношение знаменитого теперь „основания“ к не менее знаменитой „надстройке“, то у нас получилось бы вот что:

1) состояние производительных сил;

2) обусловленные им экономические отношения;

3) социально-политический строй, выросший на данной экономической „основе“;

4) определяемая частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем, психика общественного человека;

5) различные идеологии, отражающие в себе свойства этой психики.

Эта формула достаточно широка, чтобы дать надлежащее место всем „формам“ исторического развития, и, вместе с тем, совершенно чужда того эклектизма, который не умеет пойти дальше взаимодействия между различными общественными силами и даже не подозревает, что факт взаимодействия между этими силами еще вовсе не решает вопроса об их происхождении. Это монистическая формула...

Задание 156.

1) Составьте план к рассказу М. Колосова „Тринадцать“.
2) Составьте конспект понравившейся вам лекции.
3) Составьте тезисы к статьям А. Луначарского.

1) Что такое пролетарская литература?

Основное значение искусства заключается в отражении явлений природы, общества и личной жизни, как внешней, так и внутренней, в сконцентрированных, особенно выпуклых и ярких, обвеянных чувством образах.

Роль чувства в искусстве огромна. Первостепенна. И, в конце концов, последняя задача искусства есть организация чувств и самого поэта и тех читателей, к которым он обращается. Художник сознательно или бессознательно содействует выработке мирочувствования, системы живого, страстного отношения ко всему в себе и вокруг себя.

Если мы имеем дело с поэтом классовым, т.-е. стоящим определенно на точке зрения какой-либо большой социальной группы, то мы сейчас же увидим, что всякое его произведение, если, конечно, он талантлив, является победой в трудном деле эмоционального (т.-е. в области живого чувства происходящего) самоопределения его класса.

Ведь идеология пролетариата не может сводиться лишь к тому, чтобы узнать, что такое природа, общество, личность и т. п. Пролетариат в высшей степени ярко окрашивает свое отношение к городу и деревне, к прошлому и будущему, к товарищу и

эксплоататору, к женщине, ребенку, машине и т. д. тою или другою страстью. И целой связкой таких страстей. Вот это-то его страстное отношение к окружающему и организует ему его художник.

К пролетарской литературе относятся поэтому прежде всего произведения, сознательно или бессознательно идущие навстречу этой цели.

При этом званых может быть много, а избранных мало

Мы можем встретить художника, который совершенно сознательно преследует вышеохарактеризованную цель, но который делает это таким образом, что пролетариат в наиболее сознательной своей части не находит в его искусстве отклика своим стихийным стремлениям к классовому самовоспитанию. Такой поэт будет отвергнут. Это будет не пролетарское искусство, а скорее его шлак, неудавшийся опыт, быть может, полезный либо самой неудачей своей, либо некоторыми удачными элементами — для последующих искателей. А вот перед нами поэт, который сознательно никакой цели перед собой не ставит, который поет, как птица, как подсказывает ему вольное чувство, и в песне которого рабочий класс найдет могучий центр кристаллизации своих чувств, будь он кто-угодно по происхождению — он, вопреки всему, окажется классовым поэтом, хотя бы даже лишь в некоторых своих произведениях.

Из данного определения пролетарской литературы явствует и то, насколько огромное значение должна иметь она в жизни пролетариата.

2) О Пушкине.

Недавно в Малом театре состоялась дискуссия о судьбах литературы. На этой дискуссии два поэта упоминали с благоговением имя Пушкина, два поэта, в устах которых такое благоговейное признание для многих и многих было полной неожиданностью. Это был признанный вождь „Лефа" В. Маяковский и, несомненно, крупнейшая величина среди пролетарских писателей — Безыменский. Первый внезапно впал в элегический тон, даже не пощадил своих собственных произведений, заявил, что все, выпускаемое в свет нынешними поэтами, скучно и не запоминается. „Это, — сказал Маяковский, — относится и к моим произведениям, хотя и в меньшей степени, чем к другим". Зато Маяковский рассказал, с каким ненасытимым наслаждением слушал он Брика, который читал им „Евгения Онегина". „Я даже выключил телефон, — сказал Маяковский, — чтобы никто не мешал мне". Он тут же стал цитировать различные отрывки, которые рекомендовал вниманию публики, как образец четкости и мастерства. А выступавший в конце дискуссии Безыменский прочел пролог к своей новой поэме с эпиграфом из Пушкина: „Благослови мой скромный труд, о ты, эпическая муза". Этот пролог оказался написанным в размере — и в значительной степени и в манере — „Евгения Онегина". Может быть, в нем не было столько вкуса,

как у Пушкина, немножко слишком большое увлечение разными эффектными перезвонами, каламбурами и т. д., но, во всяком случае, было радостно слушать эти острые, звонкие, молодые стихи, вырвавшиеся из груди крупнейшего поэта среди нашей молодежи под влиянием близкого знакомства и любовного изучения мастерства главы русской поэзии.

В чем дело? Почему Пушкина читают и перечитывают? Почему интерес к нему растет? Почему самые дерзкие вихрастые футуристические головы в конце концов склоняются перед ним?

Не задача этой маленькой статьи произвести, хотя бы вчерне, хотя бы в самых общих чертах, задачу переоценки Пушкина с точки зрения потребности нового времени. Это труд огромный, труд, несомненно, коллективный. Не задача этой статьи внести, хотя бы даже маленькую, лепту в этот труд. Здесь я только отмечу несомненный факт воскресения Пушкина и осмеливаюсь утверждать, что дело заключается не только в необыкновенном языковом мастерстве Пушкина, в том, что это мастерство сложилось у него в какие-то правильные кристаллы — дело, конечно, также в его жизненном, в каком-то прозрачно-светлом тонусе, дело в его эмоциональном и идейном мире. Тут переоценка будет наиболее трудной. Пушкин многолик, отнюдь не мономан. Пушкина невозможно вогнуть ни в какую формулу, не выдав себе самому свидетельства в чрезвычайной узости и педантизме.

Конечно, очень много в идеях Пушкина и его чувствах принадлежит к области классового дворянства, характеризует собой только его эпоху, далеко уходит за пределы интересного для нас. Но рядом с этим у Пушкина имеется огромное и еще далеко не раскрытое эмоционально-идейное содержание общечеловеческой значимости. При этом я хочу особенно подчеркнуть, что нам теперь приходится говорить слово „общечеловеческое" в совершенно другом смысле, чем говорилось это раньше, чем говорят это иногда враги марксизма.

Мы знаем прекрасно, что общечеловеческая культура сделается возможной только при законченном коммунизме, но мы, отчасти, по крайней мере, предвидим, что эта общечеловеческая культура включит в себя некоторые начала с меньшей, может быть, определенностью, но все же достаточно громко звучащие и отдельные моменты культуры прошлого.

Недаром Маркс говорит, что только идиот не понимает всего значения для пролетариата античной культуры.

Дело в том, что в некоторые, особенно счастливые с этой точки зрения, эпохи лучшие представители доминирующего класса вынуждены были или, вернее говоря, имели счастливую возможность взяться за решение самых основных явлений жизни, воспеть, раскрыть, приблизить к познанию такие вещи, как жизнь и смерть, как любовь, как силы природы и т. д.

Если класс свеж, если ему можно дышать довольно широко культурной атмосферой прошлого и созданных уже относительно

зрелых культур, если он считает себя руководящим, то поэтически художественный представитель его имеет большие шансы высказать мнение, самое важное мнение, самое меткое мнение, самое широкочеловечное обо всех этих проблемах, не могущих проходить мимо нормального человека.

Тов. Рязанов на одной дискуссии сказал, что мы должны быть благодарны дворянам-писателям за создание чудесного русского литературного языка.

Конечно, это неправильное выражение. Нам незачем быть благодарным дворянам-писателям. Мы можем признать только, что, являясь первым, вооруженным действительно европейскими методами, классом, организатором сознания русского народа, они имели счастье выполнить самую золотую, общую, а не детальную работу в области языка, и мало того, что в области языка, еще и в области некоторых кардинальных общих проблем. Конечно, при этом очень многое искажалось их классовой ограниченностью, их эпохой, особенностью их личности, но тем не менее поэты первого призыва оказались гениями, не потому, что они, благодаря какому-то странному историко-физиологическому явлению, подбирались все в ту эпоху с лучше конструированной нервно-мозговой системой, чем у последующего поколения, а потому, что они поднимали новину, снимали первый урожай, потому, что впервые вспахивали девственную почву.

Конечно, разночинцы внесли в искусство огромную массу ценностей и в этом отношении стоят нисколько не ниже дворян первого призыва. Во многих отношениях их революционно-народнический уклон ближе нам, чем широкий гуманизм писателей типа Пушкин — Тургенев. Но все же эту близость надо отметить лишь в некоторых отношениях. Пока кипит бой, пока бой заглушает все остальное, Некрасов может быть ближе нам, чем Пушкин. Но вот бой проходит, новый необычайно свежий класс начинает вступать в свои права наследника, зачинает свое колоссальное небывалое культурное строительство. Конечно, вот такой юный Безыменский стоит сейчас перед миллионами проблем не только политического, но и личного порядка, и к ним должен будет все чаще и чаще подходить. И чем больше будет выясняться потребность в разрешении для себя, в воспевании для себя, своего класса, своего читателя природы и жизни, молодости, любви, надежды, тем чаще и тем громче зазвучат струны пионеров новой классовой культуры в унисон с пионерами старой культуры лучшей части дворянства, в которой свою весну праздновало пробуждение целой нации. Разумеется, общество у нас иное; преломляющиеся через искусство его устремления, среда, лица тоже совсем иные, но процесс в общем тот же, задачи выполняются те же: помочь своему классу ясными глазами посмотреть на мир, назвать все своими именами, сорганизовать в незыблемые кристаллы основные воле-эмоции, основные волеустремления. Вот откуда, по моему мнению, близость к Пушкину.

§ 51.

Составление рецензий.

Составляя рецензию, необходимо знать заранее, как подойти к разбору того или другого произведения. Предлагаемый ниже план указывает, в каком именно направлении должна протекать работа.

1) Автор.

2) Заглавие.

3) Сюжет, тема, образы.

4) Ценность произведения: а) социологическая (по важности общественного значения образов, тем, сюжета); б) эстетическая (особенности поэтического стиля, композиции)[1].

5) В чем проявляется классовая точка зрения автора? (Какие явления жизни, и как они зарисованы? Кому симпатизирует автор? Личные суждения его. Особенности поэтического словаря.)

6) Мои критические замечания. (Чем захватило произведение? Что вызывает отпор? Согласен или нет с мнениями отдельных персонажей? Соответствует ли произведение интересам моего класса? Фотографично или художественно-типично произведение?

Материал: Рецензия А. Воронского о творчестве Неверова, автора повести „Ташкент — город хлебный“

Александр Неверов — из пролетарских писателей — сейчас пишет больше всех. Он — деревенский бытовик с большим уклоном к натурализму. Он не очень глубок, но широк по захвату и разнообразию тем. С деревней он сроднился. Его вещи обнаруживают знание не только общего деревенского уклада, но и мелочей. Персонажи его рассказов жизненны и художественно убедительны, хотя сплошь и рядом не ярки. Внешней изобразительности у Неверова нет, но он хорошо, не претенциозно и литературно умеет рассказывать с наблюдательностью и знанием людей и вещей. Сжатостью А. Неверов не обладает, качество, о котором ему не мешало бы иногда вспоминать, особенно в не-

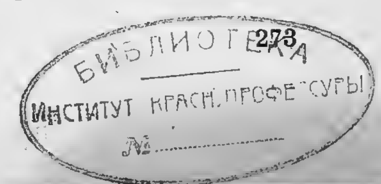
---

[1]) Необходимо иметь в виду, что при научном анализе литературных произведений, когда привлекаются к изучению целые группы памятников, объединенных стилистическим единством (литературные школы), эстетическая оценка также подлежит социологическому рассмотрению, так что вся совокупность приемов словесного оформления изучается единым методом — социологическим.

которых больших вещах (например, в повести „Гуси-лебеди"). Несмотря на склонность к натурализму и даже протоколизму, он — писатель с настроением, довольно прочным, постоянным и продуманным. Быт у Неверова служит как бы иллюстрацией, наглядным примером и подтверждением его художественного воззрения, но писатель дает этот быт в таком сгущенном виде, в таких больших дозах и порциях, что читатель может иногда проглядеть печку, от которой „танцует" автор. В художественном мировоззрении Неверова много от Чехова и Горького, без чеховской унылости и бездейственной грусти и без горьковской романтики. Лицо жизни в вещах Неверова в сущности жестокое, безжалостное, грубое, часто пошлое, искаженное, немое к человеческому страданию и горю; счастье и радости — непрочны. В рассказе „Лицо жизни", которым открывается его последний сборник рассказов, безногий инвалид-крестьянин рассказывает про свое житье-бытье по возвращении в родную деревню. У него семья: жена, брат, дети. Но он — не работник, и потому его еле терпят. Жена стала любовницей брата. В доме — содом, ругань, дело доходит чуть не до поножовщины. В конце концов его бросают: брат выделяется, жена забирает детей и тоже уходит. Он один. „Кто-то тихий и кроткий проходит по уставшей за день земле, наливает сердце печалью. Нас — трое: я и два костыля, положенных на бревно". Это настроение характерно для всего сборника. Революция смяла, выбросила за борт прежних хозяев жизни в деревне: купцов, зажиточных мужиков, духовенство, Пришла голь, захватила дома, из огромных полных амбаров вывезла хлеб, развеяла с ветром все надежды, уничтожила уют, богачество; от всего былого счастия оставила дым и пепел. Об этом у Неверова — целая серия рассказов: „Новый дом", „Коряга", „Десять тысяч" и т. д. У Неверова нет ни намека любви к этим старым „корягам", „даже совсем наоборот"; однако, он умеет подойти к этим „корягам" так, что мы чувствуем в них живых людей, а не манекенов на предмет специального посрамления. Это — подход настоящего художника. Поэтому Неверов довольно удачно совмещает в себе художника и пропагандиста, правда, без аффектации, даже без особых боевых нот гнева и ненависти, а скорее с привкусом сожаления и грусти над бренностью человеческой судьбы и непрочностью его счастья.

Революции в деревне, тому новому, что вливается эпохой в крестьянские умы и сердца, Неверов посвятил тоже не один рассказ.

Лучшей вещью писателя является новая повесть „Ташкент — город хлебный", напечатанная в №№ 1, 2 альманаха „Вехи Октября". Если отбросить кое-какие длинноты и повторения, которых, впрочем, в этой повести читатель почти не замечает, кое-какие крайности натурализма и протоколизма, нужно признать: повесть хороша. Прежде всего, талантлива и нужна тема. В центре повести Неверов поставил крестьянских голодающих

детей. О детях у нас рассказано очень мало. Огромный, темный, во многих отношениях страшный вопрос, которого тяжко касаться, остается и в прозе и в публицистике почти совсем не освещенным. В частности почти ничего нет о быте, об основах жизни, о складывающейся психике детей в после-октябрьскую пору. Почин Неверова — а он, повидимому, продолжает работать в этом направлении — имеет неоспоримую ценность.

Повесть Неверова — целая одиссея двух детей, отправившихся „без ничего" из Поволжья в далекий, неведомый сказочный Ташкент за хлебом для семьи. Один из ребят умер в дороге, другой после нечеловеческих мытарств добрался до Ташкента и привез хлеб на родину. Очень верно схвачены преждевременная хозяйская, деревенская, совсем не детская деловитость, удивительная выносливость, жуткая серьезность малышей, упорство, хитрость, заброшенность, сирость. Станции, где по неделям люди ждут, как последнего выхода, места в вагоне; тиф, дизентерия,— вся эта вымороченная, оголтелая, ужасная обстановка, где люди доведены до полной потери человеческих чувств, до последней черты одичания и отчаяния, до жестокости и равнодушия истуканов — переданы автором, как живой, подлинный слепок жизни. Трагическое путешествие детей в этих условиях производит особо жуткое впечатление. Есть страницы во второй части повести, с рассказом, как Мишка один бредет в степях к далекой степной станции. Да, они не даром, не вхолостую написаны. Живуч человек, и велики жертвы русского народа! Вот она Америка, дорога незабываемых, самых фантастических приключений, путь новых Следопытов, Зверобоев и Эль-Солей, перед чем меркнут самые поразительные фантазии любого романиста. И не так ли шествует Новая Русь Советов в поисках „града взыскующего", нового Ташкента, страны, где не будет страды людской и, прежде всего, детской?.. Что ждет этих новых искателей „приключений", этих Мишек и Ванек? Какая Россия растет в них и через них? Во всяком случае не та, что в 11—12 лет странствовала и путешествовала в уютных кабинетах, а в 35 лет благообразно лысела, заплывала жиром и прочно усаживалась на крепкой вые народной, забыв о „бреднях" молодости! Эти, новые следопыты, не забудут! Говорят: страдание очищает. Да. Его в республике Советов накопилось ровно столько, чтобы очистить мир от порабощения человека человеком...

Задание 157.

Напишите рецензию на повесть Неверова „Ташкент — город хлебный" и сравните с напечатанной здесь рецензией Воронского. Какие стороны поэтического произведения затрагиваются, и каких нет в читаемых вами рецензиях (напр., в газетах, журналах: „Молодая гвардия", „Красная Новь" и т. д.)?

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА КЛАССИКОВ

БИБЛИОТЕКА ПРЕДНАЗНАЧЕНА ДЛЯ ШКОЛ И САМООБРАЗОВАНИЯ

Пушкин А. С., Дубровский, стр. 96, ц. 20 к.
Пушкин А. С., Капитанская дочка, стр. 123, ц. 30 к.
Пушкин А. С., Борис Годунов, стр. 95, ц. 20 к.
Пушкин А. С., Евгений Онегин. Роман в стихах, стр. 192, ц. в/п. 45 к.
Пушкин А. С., Братья раз ойники. Медный всадник.
Лермонтов М. Ю., Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова.
Лермонтов М. Ю., Мцыри.
Лермонтов М. Ю., Герой нашего времени, стр. 189, ц. 30 к., в/п. 40 к.
Лермонтов М. Ю., Демон.
Гоголь Н. В., Сорочинская ярмарка, стр. 37, ц. 12 к.
Гоголь Н. В., Шинель.
Гоголь Н. В., Ночь перед Рождеством, стр. 56, ц. 15 к.
Гоголь Н. В., Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем.
Гоголь Н. В., Старосветские помещики. Повесть, стр. 31, ц. 10 к.
Гоголь Н. В., Ревизор. Комедия в пяти действиях, стр. 110, ц. 30 к., в/п. 40 к.
Гоголь Н. В., Мертвые души.
Гоголь Н. В., Тарас Бульба.
Тургенев И. С., Бирюк.
Тургенев И. С., Дворянское гнездо. Роман, стр. 203, ц. в/п. 40 к.
Тургенев И. С., Дым. Роман в XXVIII главах, стр. 207, ц. 40 к., папка 10 к.
Тургенев, И. С., Рудин. Роман в двенадцати главах с эпилогом, стр. 158, ц. 30 к., в/п. 40 к.
Тургенев И. С., Отцы и дети. Роман в XXVIII главах, стр. 240, ц. 45 к., в папке 55 к.
Тургенев И. С., Новь.
Тургенев И. С., Записки охотника, стр. 61, ц. 15 к.
Тургенев И. С., Стучит.
Толстой Л., Сборник. Много ли человеку земли надо. Сказка о трех братьях.
Толстой Л., Война и мир.
Чехов А. П., Сборник рассказов о деревне: Злоумышленник, Беглец, Налим и др.
Чехов А. П., Сборник рассказов о городе: Тоска. Спать хочется. Хамелеон и др.
Чехов А. П., Скучная история.
Чехов А. П., Палата № 6.
Чехов А. П., Мужики.
Чехов А. П., Дом с мезонином.
Чехов А. П., Человек в футляре.
Горький М., Сборник итальянских сказок: Туннель. Дети в Парме и др.
Горький М., Коновалов. Челкаш. Озорник, стр. 128, ц. 30 к.
Горький М., На дне, стр. 88, ц. 25 к.
Горький М., Мещане, стр. 112, ц. 35 к.
Горький М., В людях.
Грибоедов А. С., Горе от ума. Комедия в четырех действиях в стихах, стр. 124, ц. 25 к.
Достоевский Ф. М., Бедные люди. Роман, стр. 160, ц. 35 к.
Короленко В. Г., Слепой музыкант.
Короленко В. Г., Лес шумит. В дурном обществе.
Островский А. Н., Лес. Комедия в 5 действиях, стр. 128, ц. 25 к.
Островский А. Н., Гроза. Драма в пяти действиях. Вступит. статья Н. Эфроса, стр. 79, ц. 20 к.
Бунин И., Господин из Сан-Франциско.
Кольцов А. В., Стихи.
Крылов И. А., Басни.
Успенский Г., Четверть века.
Фонвизин Д. Н., Недоросль. Комедия в 5 действиях, стр. 80, ц. 20 к.

25543

1 р. 40 коп.—У.

